

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

*Журнал включён ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2013

Ежеквартальное издание

№ 4

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»**

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)
доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**
доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
кандидат исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издаётся НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2013
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2013

INTELLIGENTIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093*)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

2013

Quarterly

№ 4

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com*

Subscription index
in catalogue «Press of RF»
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2013
© Ivanovo State University, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Захаров Е. С.* Отношение представителей научно-технической интеллигенции к Советской власти в 1920—30-е годы 9
- Комиссаров В. В.* Дискуссии о проблемах отечественной кинофантастики в среде советской интеллигенции 1960—80-х годов 18
- Будник Г. А.* Формирование интеллигенции в высшей школе Центрального района России в 1970—1985 годы 30
- Чугунов М. В.* Истоки политики финского реваншизма в контексте социально-политической ситуации в Финляндии между Зимней войной и Войной-продолжением (1940—1941 гг.) 45
- Аронина Н. В.* Российская творческая интеллигенция в эмиграции: художники и архитекторы в Тунисе в XX веке 49

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

- Матвиевский И. Н.* Общественно-политическая деятельность либеральной интеллигенции в провинции в годы Первой мировой войны (на материалах Костромской губернии) 56
- Чугунов М. В.* Влияние особенностей общественно-политической жизни Финляндии в 30-х — первой половине 40-х годов на советско-финские отношения 64
- Лысенков А. В.* Внешняя политика Украины в восприятии украинской интеллигенции в первом десятилетии XXI века 72

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Сибиряков И. В.* Феномен «Intelligentia.ru» 89
- Кокшаров А. В.* Программы адаптации врачей-специалистов
в учреждениях здравоохранения 97

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Золотарёв В. П.* Русский интеллигент Т. И. Поподько
(1897—1985) 108
- Рычкова М. В.* «Интеллигенция — понятие русское»
(Ректор Московского университета А. А. Логунов) 127

ИСТОРИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Зябликов А. В.* Проблема политического самопознания
художественной интеллигенции в дореволюционной
историографии 135

ДИСКУССИЯ

- Порозов В. А.* «Интеллигенция как класс управляющих»
или о двух крайностях российского интеллигентоведения 145

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

- Острога В. М.* Документы личного происхождения как
источники изучения истории учительской интеллигенции
Российской империи во второй половине XIX — начале
XX века 154
- Аннотации* 166
- Содержание журнала за 2013 год* 176
- Информация для авторов* 181

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Zakharov E. S.* The attitude of scientific and technical intelligentsia to the Soviet power in the 1920—30-s 9
- Komissarov V. V.* Discussions on problems of the USSR science fiction cinema among the Soviet intelligentsia of the 1960—80-s 18
- Budnik G. A.* Formation of intelligentsia at higher school in the Central region of Russia in 1970—1985 30
- Chugunov M. V.* Sources of Finnish revanchist policy in the context of social and political situation in Finland between the Winter war and continuation of war (1940—1941) 45
- Aronina N. V.* Russian creative intelligentsia in emigration: artists and architects in Tunisia in the XX century 49

THE ROLE OF INTELLIGENTSIA IN THE DEVELOPMENT OF REGIONS

- Matviyevsky I. N.* Social and political activity of provincial liberal intelligentsia during the First world war (with regard to the Kostroma province) 56
- Chugunov M. V.* Influence of political life specifics in Finland in the 1930-s — the first half of the 1940-s on the Soviet-Finnish relations 64
- Lysenkov A. V.* Foreign policy of Ukraine in perception of the Ukrainian intelligentsia in the first decade of the XIX century 72

INTELLIGENTSIA IN THE CONTEMPORARY SOCIETY

- Sibiriyakov I. V.* Phenomenon of «Intelligentia.ru» 89
- Koksharov A. V.* Programs of doctors-specialists adaptation
at healthcare institutions 97

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Zolotarev V. P.* Russian intelligent T. I. Popodko (1897—1985) 108
- Rychkova M. V.* «Intelligentsia is Russian concept»
(Rector of Moscow University A. A. Logunov) 127

HISTORIOGRAPHY OF INTELLIGENTSIA

- Zyablikov A. V.* The problem of political self-investigation of
the artistic intelligentsia in the pre-revolutionary historiography ... 135

DISCUSSION

- Porozov V. A.* Intelligentsia as a class of managers
or the two extremes of the Russian intelligentsia studies 145

FROM ARCHIVAL FUNDS

- Ostroga V. M.* Personal documents as sources for studying
history of the teachers' intelligentsia in the Russian Empire
in the second half of the XIX — the beginning
of the XX century 154
- Annotations* 171
- List of articles published in the journal in 2013* 176
- Information for authors* 181

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)61-283.2

Е. С. Захаров

ОТНОШЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1920—30-е ГОДЫ

В истории взаимодействия власти и научно-технической интеллигенции в нашей стране, 1930-е гг. представляют собой одну из самых драматических страниц. Это время начала воплощения в жизнь дерзновенных научных теорий и одновременно — установления тотального контроля государства над научной мыслью.

Научно-техническая интеллигенция во все эпохи являла собой очень специфический социальный слой, одним из ключевых условий существования которого является стремление общества к развитию, к материальному прогрессу, без чего деятельность теряет свой главный смысл. Наличие этого условия может быть обеспечено разными способами: развитием частного предпринимательства и меценатства, конвергенцией науки и производства, поддержкой развития научно-технической мысли государством. В Советском Союзе в 1920—30-х гг. научно-технический прогресс был объявлен условием победы социалистических идей над капитализмом, сначала в одной стране (в рамках строительства социализма), а затем и в мировом масштабе. Модернизация производственной сферы на основе новейших научных открытий ставилась во главу угла политики преобразования обще-

---

© Захаров Е. С., 2013

Захаров Евгений Сергеевич — ведущий специалист Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), аспирант факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. evgeniizak@mail.ru

ства в целом. Это объявлялось государственной задачей. А при ликвидации всех альтернативных государству источников поддержки развития науки, сотрудничество с государственными структурами (а значит, и подчинение идеологическому контролю со стороны власти) становилось неизбежным.

Однако было бы неверным сводить проблему взаимодействия научно-технической интеллигенции с властью только к добровольному или вынужденному подчинению государственному насилию. Многие ученые сочувствовали социалистическим идеалам, сознательно и активно поддерживали устремления советской власти, исходя из того образа будущего, который она предлагала.

В данной статье предпринята попытка разобрать взгляды относительно будущего страны нескольких видных представителей научно-технической интеллигенции. Для сопоставления были взяты М. А. Бонч-Бруевич — родоначальник радиотехники в СССР на основе радиоламп, руководитель первого НИИ в стране; В. П. Горячкин, который своими работами в области сельскохозяйственной техники заложил научные основы в новой сфере знаний — теории сельскохозяйственных машин; В. Е. Грум-Гржимайло — один из крупнейших ученых в тяжелой промышленности, разработавший гидравлическую теорию пламенных печей, занимался проектами по введению новых печей в производство; П. И. Пальчинский, предложивший методы добычи горных пород в суровых климатических условиях Севера и Урала; А. Н. Туполев — создатель аэродинамических труб, один из первых авиаконструкторов, занимался разработкой новых легких сплавов в авиационной промышленности; В. Г. Шухов, внесший огромный вклад, как на теоретическом, так и на практическом уровне, в развитие нефтяной промышленности, ввел в практику новые методы строительства конструкций и проектировки зданий, занимался проектированием котлов для заводов.

Таким образом, для решения наших задач отобрана группа крупнейших ученых, внесших свой вклад не только в развитие научной теории, но и непосредственно в развитие промышленности, транспорта, сельского хозяйства, строительства — то есть тех сфер производства, совершенствование которых определяло в те годы развитие страны в целом. Итогом деятельности этих людей можно считать организацию новых направлений в науке,

особенно в тех областях научного знания, которые они представляли. Впоследствии это послужило созданию новых «школ» и формированию новых кадров.

Предварительный биографический анализ позволяет выделить общие черты, присущие всем, кто был отобран в эту своеобразную «фокус-группу». Во-первых, это безусловные представители того слоя людей, который именовался интеллигенцией. Все они с отличием окончили высшие учебные заведения, усвоили прогрессивные взгляды на будущее страны, включающие понимание отсталости самодержавного строя и необходимости социальных (и политических) преобразований. Во-вторых, это безусловные патриоты своей страны, причем их патриотизм проявлялся, в первую очередь, в понимании того, что развитие общества возможно только через прогресс науки и техники. В-третьих, все они могут быть названы «подвижниками» в новом, нецерковном смысле этого слова. Главным приоритетом для каждого из них была научно-практическая работа, о материальном положении думали тогда в последнюю очередь.

В то же время эта группа не полностью однородна. Между отобранными учеными существовали и различия. Они происходили из разных социальных групп (от рабочих до дворян) и представляли разные поколения научно-технической интеллигенции. У них имелись расхождения во взглядах на революционный процесс. В период обучения и профессионального роста они находились в разных кругах общения, что повлияло на их дальнейшее мировоззрение.

Сначала постараемся объяснить, каким образом научно-техническая интеллигенция была заинтересована в той смене политической модели, которая проходила в стране в конце 1910-х гг. В качестве отправной точки возьмем мнение И. В. Савина, который утверждает, что происходившая в годы Гражданской войны культурная революция меняла внутренний мир не только художественной, но и научной интеллигенции¹. По его мнению, Советская власть формировала новые научные ориентиры для дореволюционной научно-технической интеллигенции, давала толчок для осуществления своих знаний на практике, не представляла построение новой научно-технической базы без использования высококвалифицированных специалистов старой школы².

Эту точку зрения можно дополнить, обратив внимание и на обратный процесс: многие представители научно-технической интеллигенции понимали необходимость кардинальных перемен в политическом устройстве государства. Свершившаяся Февральская революция была ими воспринята как возможность осуществления своих идей. Такого же рода воодушевление испытывала и художественная интеллигенция³, но события октября 1917 г. разделили ее на несколько групп⁴, а научно-техническая и инженерная интеллигенция, в большинстве, приняла власть большевиков⁵, несмотря на то что и в ее среде происходило идейно-политическое размежевание.

Чего же ожидала научно-техническая интеллигенция от новой власти? Каким было ее представление о власти «нового века»? Ответы на эти вопросы не могут быть простыми и краткими. Можно сказать, что взгляды представителей технической интеллигенции на будущее страны и возможности сотрудничества с новой властью определялись теми принципами, которые были выработаны в научной среде в предреволюционные годы и отражали представления о дальнейшем развитии той сферы науки, которую они представляли.

В связи с этим можно выделить *три базовых принципа*, определявших отношение к новой власти: 1) принцип движения к прогрессу как общества в целом, так и собственно в развитии научного знания; 2) принцип благоприятной среды для работы (свобода в рабочем процессе и материальное обеспечение), которую должна создать новая власть; 3) принцип психологической совместимости. Эти позиции были основными для всех указанных выше представителей научно-технической интеллигенции. Можно сказать, что в целом они положительно оценивали прогрессивность новой власти, особенно в те моменты, когда встречались с фактами старого порядка, тормозившими как рабочий, так и научный процесс. Примером могут служить случаи из начальной педагогической деятельности В. П. Горячкина в Московском сельскохозяйственном институте (МСХИ). Горячкин входил в ту передовую часть профессоров института, которая старалась выжить прежние порядки: они боролись со старым уставом приема абитуриентов, основывавшемся на сословном и имущест-

венном положении, пытались отменить запрет на обучение детей евреев, ратовали за открытие женских курсов и др.⁶ Стоит упомянуть М. А. Бонч-Бруевича, который, будучи в чине офицера царской армии и являясь руководителем кустарной лаборатории при радиостанции, критиковал сословные порядки в армии⁷. Именно стремление к прогрессу в научной и общественной жизни побуждало этих людей к определенному взгляду на будущее страны.

Нельзя сказать, что все они придерживались коммунистических взглядов, поэтому на примере двух групп представителей научно-технической интеллигенции рассмотрим, каковы их общие позиции, а также расхождения во мнениях о будущем страны.

В первую группу входят такие ученые, как А. Н. Туполев, В. П. Горячкин, М. А. Бонч-Бруевич, П. И. Пальчинский. Объединяющим признаком для них, по нашему мнению, может служить приверженность социалистическим идеям, проявившаяся еще до начала революционных событий 1917 г. Они считали, что для России приход к власти большевиков желателен. Можно также утверждать, что все они положительно восприняли новые веяния на политической арене страны, причем приходили к этому каждый по-своему.

М. А. Бонч-Бруевич, по свидетельству его ученика — В. Ю. Рогинского, стал приверженцем социалистической идеи под влиянием своего учителя В. К. Лебединского⁸. В. Ю. Рогинский позднее вспоминал: «Ему была ясна неизбежность революционного переворота, и он ожидал его с надеждой на оздоровление общественных отношений, как ожидали этого многие люди России, впоследствии отдавшие свой труд на благо Родины. Перед взором этих людей постепенно открылись широкие перспективы построения нового общества»⁹. Правда, сам Бонч-Бруевич сформулировал свою позицию несколько иначе. В работе «К истории радиовещания в СССР» он писал о том, что если бы не дальновидность В. И. Ленина в применении радио как «газеты без бумаги» и «без расстояний», то его карьера, да и вообще радиотехника как отрасль промышленности не состоялись бы¹⁰. В этой связи можно говорить о том, что у М. А. Бонч-Бруевича имелись сложившиеся демократические убеждения, но все же главным фактором в его отношениях с

Советской властью стала возможность реализовать свой научный потенциал.

А. Н. Туполев приветствовал социалистическую идею не только под влиянием своего прогрессивного учителя Н. Е. Жуковского. Он участвовал в студенческих волнениях 1910—1911 гг., за что был временно исключен из Императорского технического училища (ИМТУ)¹¹.

В. П. Горячкин также принадлежал к той части научно-технической интеллигенции, которая рассматривала социалистическую идею как новую ступень не только в жизни общества, но и в развитии науки. Этому способствовало несколько факторов. Первый из них состоял в том, что Московский сельскохозяйственный институт еще со времен Петровской сельскохозяйственной академии был одним из центров прогрессивной общественности. Когда Горячкин пришел в институт, то, конечно, знал его историю и был знаком с уже ставшими традицией его революционными настроениями. Второй фактор — происхождение В. П. Горячкина из трудовой семьи, поэтому, в определенном смысле, ему было свойственно видеть будущее страны как социалистическое. Фактор третий — личное знакомство и симпатия к революционным деятелям, в том числе — большевикам (муж племянницы В. П. Горячкина, И. В. Русаков, был большевиком и активным участником в дни революции 1905 г.). Еще об одном из факторов говорил его ученик М. В. Кузевич, который утверждал, что по характеру В. П. Горячкин был очень демократичен. С первых дней революции он приветствовал цели Советской власти по развитию сельскохозяйственной техники и поднятию уровня механизации страны¹².

Взгляды на будущее России П. И. Пальчинского определились еще в молодости: «Этот период способствовал углублению моего мировоззрения в сторону анархизма»¹³. Главную роль в принятии этих идей сыграл П. А. Кропоткин. Однако в полной мере анархизм П. И. Пальчинский не принимал. Он считал, что государство должно существовать, а вот идею личной свободы ради творчества в интересах общества решительно поддерживал. В свое время Пальчинский активно включился в борьбу за революцию 1905—1907 гг.¹⁴ как один из организаторов стачечного движения. Несмотря на его участие в первой революции и приверженность идеям, близким к большевизму, его научная и орга-

низаторская деятельность при большевиках была строго ограничена. На всем протяжении 1920-х гг. ему приходилось испытывать все трудности постоянного психологического давления со стороны власти, как в профессиональной деятельности, так и в личной жизни. П. И. Пальчинский был единственным из всех шестерых рассматриваемых ученых, который умер не своей смертью. В 1929 г. его расстреляли.

Однако была другая группа научно-технической интеллигенции, которая рисовала себе будущее России иначе. К ней можно отнести В. Е. Грум-Гржимайло и В. Г. Шухова. Если ученые первой группы сходились во всех трех позициях, отмеченных выше, то как для В. Е. Грум-Гржимайло, так и для В. Г. Шухова главный принцип был один — это создание благоприятных условий для работы (свобода в рабочем процессе и материальное обеспечение). Можно утверждать, что политические идеи стояли для них на последнем месте. Они, скорее, относились к тому кругу патриотов, которые, не принимая идеологию социализма, упорно трудились на благо родины.

В. Г. Шухов, несмотря на всеобщую эйфорию интеллигенции во время Февральской революции, скептически к ней отнесся. Он считал, что интеллигенты, занимаясь революцией, не понимают, для чего она им нужна. Шухов видел в их действиях лишь стремление занять свое место в новом правительстве, не думая ни о войне, ни о революции¹⁵.

К событиям октября 1917 г. В. Г. Шухов относился отрицательно, отмечая, что большевики не ценят как свободу личности, так и человеческое достоинство¹⁶. Он не соотносил себя с социалистической идеей, считая, что большевизм возник на развале страны и этим развалом держится; чтобы ликвидировать такую власть, нужно уничтожить развал. Поэтому главной для будущего страны он определял идею творческой работы, и ее нельзя приносить в жертву политическим реалиям.

Немного иная позиция была у В. Е. Грум-Гржимайло. Он придерживался идеи эволюционного развития общества. Именно поэтому он считал экономическую и политическую общественную систему, сложившуюся в развитых странах Запада, более эффективной, чем социалистическую¹⁷. Он всячески сторонился политики и полагал, что программы всех партий хороши, пока

они не у власти¹⁸. Особенно интересны его взгляды на Октябрьскую революцию и Гражданскую войну. Грум-Гржимайло пишет не только о несостоятельности Временного правительства как власти, способной достойно вести страну в будущее. Он ставит в укор большевикам их действия в октябре 1917 г. и обвиняет в нелегитимном приходе к власти¹⁹. По окончании Гражданской войны В. Е. Грум-Гржимайло утверждал, что единственный путь восстановления экономики — это возвращение частной собственности. Когда партия избрала путь нэпа, Грум-Гржимайло принял это событие с воодушевлением, считая, что с помощью такой экономической политики страна встанет на путь возрождения великой державы.

Однако надеждам В. Е. Грум-Гржимайло не суждено было в полной мере реализоваться. В период сворачивания нэпа он выражал сожаление, что Россия опять пойдет по пути потрясений. К концу жизни Грум-Гржимайло окончательно разочаровался в проводимой в стране политике. Он вновь и вновь возвращался к апологии капитализма как наиболее прогрессивной экономической системы. Такое настроение подтверждается его письмом в марте 1927 г. редактору журнала «Предприятие»: «Капитализм не выдуман. Его родила жизнь. Он далеко не совершенство, черных сторон в нем бесконечно много, но среди плевел есть пшеница... Капитализм отбирает сильных духом носителей талантов, творцов новых идей, учителей и кормильцев человечества и не дает ходу слабым, ничтожным людям... Они борются с язвами общества, оздоравливают и облагораживают его»²⁰.

Итак, мы выяснили, что во взглядах крупнейших представителей научно-технической интеллигенции можно выявить общие базовые принципы, на которые, по их мнению, должна опираться новая власть, если она стремится к общественному прогрессу: 1) приверженность прогрессивным идеям; 2) создание подходящих условий для научного творчества; 3) способность увидеть в работе ученых не только теоретическое значение, но и возможность применения результатов их труда в практической сфере.

Наличие общих принципов можно объяснить тем обстоятельством, что научная и общественная деятельность этих ученых являлась отражением их мировоззренческих позиций, кото-

рые могли быть востребованными в условиях наиболее прогрессивного общественно-политического строя.

Следующее, на что стоит обратить внимание, это то, что отличало представителей первой группы от тех, кого мы отнесли ко второй группе. Первые рассматривали Советскую власть в качестве определяющего условия на пути страны к научному прогрессу. Вторые скептически относились к Советской власти из-за наличия идеологических, экономических и социальных противоречий.

Если говорить про индивидуальное отношение власти к этим ученым, то здесь были существенные различия. Те ученые, которые относились к первой группе, были восприняты властью как творцы новой науки в новом обществе. Немалую роль в принятии партией этих ученых, в качестве нечуждых элементов, сыграл их энтузиазм, несмотря на тяжелое положение в стране. Вторая группа была воспринята неоднозначно: таким ученым, как Грум-Гржимайло и Шухов, дали относительную свободу в работе.

Примечания

- ¹ *Савин И. В.* Социокультурный облик российской интеллигенции в годы гражданской войны (1917—1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 84.
- ² Там же. С. 27.
- ³ *Купцова И. В.* Художественная интеллигенция России: размежевание и исход. СПб., 1996. С. 27.
- ⁴ Там же. С. 32—35.
- ⁵ *Казанин И. Е.* Власть и интеллигенция: (исторический опыт формирования государственной политики в октябре 1917—1925 гг.). Волгоград, 2006. С. 62—64; *Гараевская И. А.* Петр Пальчинский: (биография инженера на фоне войн и революций). М., 1996. С. 62.
- ⁶ Рассмотрение Советом профессоров устава Московского сельскохозяйственного института (МСХИ), 13 марта 1906 г. // Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 357. Оп. 1. Д. 187. Л. 34.
- ⁷ *Остроумов Б. А.* В. И. Ленин и Нижегородская радиолоборатория // РГАЭ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 11. Л. 54.
- ⁸ *Рогинский В. Ю.* М. А. Бонч-Бруевич. М.; Л., 1966. С. 51.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Бонч-Бруевич М. А.* К истории радиовещания в СССР // Радио всем. 1927. № 21. С. 324.

- ¹¹ Кербер Л. Л. Туполев. СПб., 1999. С. 47.
- ¹² См.: Дубровский А. А. Академик В. П. Горячкин : биограф. очерк. М., 1960. С. 98.
- ¹³ Гараевская И. А. Указ. соч. С. 26.
- ¹⁴ Там же. С. 24.
- ¹⁵ Шухова Е. М. Владимир Григорьевич Шухов : первый инженер России. М., 2003. С. 253, 254.
- ¹⁶ Там же. С. 255.
- ¹⁷ Грум-Гржимайло В. Е. Я был тем муравьем, который понемногу сделал большое дело : из жизни металлурга. Екатеринбург, 1994. С. 149.
- ¹⁸ Там же. С. 75.
- ¹⁹ Там же. С. 76.
- ²⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3348. Оп. 1. Д. 1230. Л. 8.

ББК 63.3(2)63-283.2+85.374.0,46

В. В. Комиссаров

ДИСКУССИИ О ПРОБЛЕМАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КИНОФАНТАСТИКИ В СРЕДЕ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1960—80-х ГОДОВ

Заявленная тема в исследовательской литературе не нова. В той или иной степени о дискуссиях по проблемам кинофантастики писали все авторы, кто изучал советский фантастический кинематограф. Например, в работе Е. Харитонова и А. Щербак-Жукова (более известном в варианте интернет-публикации) целая глава посвящена именно этим дискуссиям¹. Однако представленный анализ слишком поверхностный, содержатся фактические ошибки. Неточно указаны выходные данные рецензии

© Комиссаров В. В., 2013

Комиссаров Владимир Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Ивановской государственной сельскохозяйственной академии им. академика Д. К. Беляева. vs_memetov@mail.ru

Ю. Смелкова на фильм А. А. Тарковского (вместо 5-го номера журнала «Советский экран» за 1973 г. неверно указан 4-й), в ряде случаев научно-справочный аппарат вообще отсутствует. Помимо этого, нас интересуют более не кинематографические или искусствоведческие, а интеллигентоведческие аспекты: отношение различных представителей интеллигенции к кинофантастике, рассмотрение роли и функций данного жанра, интеллигентская рефлексия проблем фантастического кино. Автор данной статьи уже посвятил ряд публикаций проблемам и истории советской кинофантастики², поэтому в настоящей работе присутствуют незначительные повторы, необходимые для более цельного изложения сюжета.

Следует заметить, что в конце 1950-х — начале 1960-х гг. советский фантастический кинематограф достиг определенных высот. На экраны вышел ряд весьма зрелищных фильмов: «Гайна двух океанов», «Небо зовет», «Человек-амфибия», «Планета бурь», «Барьер неизвестности» и др. Отечественная кинофантастика была признана на международном уровне. «Человек-амфибия» получил приз фестиваля фантастического кино в Триесте. «Планета бурь» прокатывалась на американском киноэкране, но перемонтированная и под другими названиями. В 1965 г. этот фильм в США переименовали в «Путешествие на доисторическую планету», а в 1968 г. — в «Путешествие на планету доисторических женщин» (!).

Были и явные провалы, откровенно неудачно экранизировали «Туманность Андромеды». Данную постановку не «лягнул» разве только самый ленивый критик. «Проявилась и заметная в книге, наполненной глубокими рассуждениями, присутствующая И. А. Ефремову торжественность. Получилось, что герои декламируют. Зрителю хочется, чтобы люди будущего были человечнее, на него больше похожи», — писал по поводу этой экранизации фантаст Г. И. Гуревич³. «По существу, были заимствованы лишь отдельные элементы фабулы романа. Оригинальные идеи Великого кольца космического братства, концепция формирования новой земной цивилизации остались авторами картины непонятыми и нераскрытыми», — высказалась относительно фильма историк советской кинофантастики М. Т. Братерская-Дронь⁴. Теоретик кино Ю. Ханютин откровенно зубоска-

лил над создателями постановки: «Когда же эти идеи (о мире будущего. — В. К.) осуществляются на уровне материальных возможностей и представлений о красоте дизайнеров Студии имени А. Довженко, то на экране возникает пародия: принимающие балетные позы актеры, одетые в странную смесь античных пеплумов и современной спортивной формы, декламируют нечто возвышенное на фоне фанерных декораций, долженствующих изображать архитектуру будущего»⁵.

В подобной атмосфере в 1967 г. появилась статья известных фантастов А. Н. и Б. Н. Стругацких под красноречивым заголовком «Почему нет кинофантастики?». Безусловно, в названии присутствует публицистическая заостренность проблемы. Конечно, Стругацкие знали советское фантастическое кино, но оно их явно не устраивало. Братья-писатели замечали: «Правда, с точки зрения мальчугана-пятиклассника или совсем уже невзыскательного взрослого зрителя, это фильмы как фильмы, смотреть можно: есть злодеи, есть шпионы, есть погони... Берутся “испытанные средства”»: красивые актеры и актрисы, незамысловатые шпионы и майоры с усталыми глазами, стандартные любовные коллизии... А мысли в упомянутых фильмах нет. Ни большой, ни маленькой, ни простой, ни сложной. Есть прописи»⁶. Следует отметить, что обращение Стругацких к проблемам кинофантастики далеко не случайно. Именно тогда они готовили сценарий по своему культовому роману «Трудно быть богом», экранизацию которого планировал Алексей Герман (проект был остановлен в следующем, 1968 г., после ввода советских войск в Чехословакию)⁷. По мнению фантастов, для успешного научно-фантастического кинофильма необходимы три условия:

первое — *режиссер*: «Настоящий фантастический фильм будет у нас поставлен только в том случае, если появится режиссер — умный, знающий человек, знаток и ценитель фантастики, понимающий ее гигантские возможности, человек талантливый, который сумеет найти специфику фантастики в кино...»⁸;

второе — *сценарий*: «Оригинальные фантастические сценарии, — подчеркивали Стругацкие, — большая редкость, а понастоящему хороших среди них нет вовсе»⁹;

третье — *техника*: «Но нет-нет да и резанет глаз фанерно-жестяной космический корабль или выдаваемый за чудо техники

будущего древний осциллограф, взятый напрокат из третьеразрядной радиомастерской», — замечали Стругацкие в упоминаемой публикации¹⁰. В этой части с писателями солидаризировался художник-фантаст Андрей Соколов, чья статья была напечатана в том же номере журнала: «Не может быть в нем (фантастическом кинофильме. — В. К.) ни явно фанерных ракет, ни современного пылесоса, пусть даже изображающего тонкий инструмент археологов будущего»¹¹.

Спустя несколько месяцев после появления данной публикации журнал «Советский экран» провел круглый стол, на котором обсуждались новые фантастические фильмы — «Таинственная стена» и «Его звали Роберт». В круглом столе участвовали писатели-фантасты Ариадна Громова, Евгений Войскунский, Дмитрий Биленкин, Аркадий Стругацкий и др. Причем, фактически, участники назвали те же проблемы фантастического кино, что несколько месяцев до того обозначили Стругацкие. Прежде всего — проблема хорошего сценария, что особенно было заметно во втором обсуждаемом фильме — «Его звали Роберт». Эта картина и сейчас достаточно часто транслируется на разных телеканалах, однако вкратце напомним фабулу. «Его звали Роберт» — классическая комедия положений. Робот и создавший его ученый похожи как близнецы, и происходит подмена: робота принимают за человека, а человека — за робота. Против такого сюжетного приема возражал участник дискуссии фантаст Владимир Фирсов: «Все-таки обидно: чересчур примитивен непосредственно фантастический материал. Машины, вышедшие из-под власти человека, машины, стремящиеся к эмоциональному восприятию мира, — все это было в фантастической литературе, и неоднократно»¹². С ним согласился Аркадий Стругацкий: «Конечно, с точки зрения фантастики в фильме некоторая, что ли, неквалификация. Авторы “Роберта”, так же как и “Стены”, в фантастике — читатели. Усердные, доброжелательные, но — читатели. Они еще не владеют материалом, давно разработанным в литературе данного жанра. Так и неясно, зачем нужно было делать робота похожим на человека для полета на Вегу»¹³. Ариадна Громова заметила: «Все же жаль, что наши собратья по фантастике в кино работают без всякой консультации с литераторами. Бывают же в военных фильмах консультанты!»¹⁴. И тут же предложила произве-

сти «в генералы от фантастики» А. Н. Стругацкого и назначить его киноконсультантом. На это фантаст парировал: «Согласен на эфрейтора и работать готов на общественных началах».

Как мы уже говорили, Стругацкие первым и основным условием успешного научно-фантастического фильма считали появление думающего режиссера. И такой режиссер появился. В 1972 г. А. А. Тарковский закончил экранизацию романа Станислава Лема «Солярис». Эта работа, сегодня считающаяся классической, вновь оживила дискуссию о кинофантастике. Примечательно, что приоритетными в данной дискуссии стали вопросы не технические, а нравственные и этические.

Следует заметить, что не все зрители приняли фильм. «До сих пор плохое настроение от напрасно потраченного времени», — писала после просмотра «Соляриса» в редакцию «Советского экрана» Р. Латыпова из Перми. Ей вторил Л. Щербаков из Москвы: «В фильме очень много лишнего, бесполезного, ненужного»¹⁵. Впрочем, были и вполне компетентные возражения. Известный в то время критик Ю. Смелков обвинил фильм в несоответствии литературной первооснове: «Но того, что выводит “Солярис” Лема за рамки хорошей научной фантастики, в фильме нет. Есть человеческая драма — нет драмы познания. Есть любовь к Земле — нет стремления к контакту. Добавив к роману то, что он хотел, Тарковский взял из него меньше, чем можно было взять»¹⁶. Были участники дискуссии, которые защищали право автора на свое видение произведения. Например, Н. Зоркая возражала Ю. Смелкову: «Нам все кажется, что, оценивая произведение искусства, творчество художника или просто какую-нибудь вещь, мы обязаны непременно с чем-то их сравнить и сделать бесповоротный выбор “или — или”. Или роман — или фильм! Или Станислав Лем — или Андрей Тарковский! Сравнивая, выбирай! ... Ну, а если в фильм включился еще один творческий источник — личность другого художника, да еще столь резко очерченная, с таким явно выраженным авторским началом, как у Тарковского?»¹⁷.

Были и более резкие критические замечания, рассматривавшие фильм в большей степени с технократических позиций. «И вот нам предлагают считать нормальным, что в полет посылают усталого человека, которому все безразлично, кроме самого

себя и маленького кусочка Подмосковья (в фильме даже неясно, имеет ли Крис Кельвин хоть малую профессиональную подготовку), — писал кандидат технических наук А. Птушенко. — А прибыв на место, сей “представитель земной цивилизации” все научные проблемы сводит к одной, адюльтерной (как справедливо заметил один из персонажей фильма)»¹⁸. Близкую позицию занял журналист и популяризатор, научный обозреватель «Комсомольской правды» Ярослав Голованов: «У С. Лема же действуют даже не наши современники, а люди 50-х годов. Эти же люди действуют в кинофильме. Происходит смещение: в мире техники завтрашнего дня действуют люди дня сегодняшнего. Звездолету, как паровой машине, исторически сопутствует определенный уровень не только интеллектуального, но в какой-то степени духовного развития человека»¹⁹.

В данной дискуссии была отчетливо представлена и гуманистическая точка зрения. Ее выразил известный на рубеже 1960—70-х гг. социолог Э. Араб-Оглы: «Вот здесь-то и встает во весь рост проблема моральной и социальной ответственности ученого и науки за судьбы человечества. Именно она, с моей точки зрения, в первую очередь интересует С. Лема и не в последнюю — А. Тарковского. Вокруг нее завязывается основной драматический конфликт»²⁰. Близкой позиции придерживался космонавт Константин Феоктистов: «”Солярис” заставляет думать о любви. О непреходящем счастье поиска и находки ... ”Солярис” заставляет думать об этике человека — в какой мере она подвержена прогрессу? ... ”Солярис” заставляет думать о судьбе родной планеты ... ”Солярис” заставляет думать ... Разве этим мало сказано?»²¹.

В 1978 г. журнал «Советский экран» инициировал очередной виток дискуссии о кинофантастике. По мнению Е. Харитоновой и А. Щербак-Жукова, в этой дискуссии проявились две тенденции. Первая — технократическая, которую выразил кандидат технических наук А. Птушенко, уже знакомый нам по дискуссии о «Солярисе». Действительно, он полагал, что прежняя парадигма развития культуры, которую он определил как гуманитарно-антропоцентристскую, себя изживает. В условиях ускоряющегося научно-технического прогресса она должна смениться новой культурой. Ее А. Птушенко предложил назвать «галактизмом». В

такой ситуации роль кинофантастики приобретает прагматический характер. «Иными словами, научно-фантастический кинематограф может и должен быть способом познания мира, — писал А. Птушенко и продолжал, — ему под силу ставить и анализировать действительно научные проблемы будущего, а не выполнять некую вспомогательную роль при других киножанрах»²². Другую, гуманитарную, точку зрения обозначил космонавт Г. Гречко: «Ведь в чисто познавательном плане намного больше даст специальная и популярная литература. Сейчас уже достаточно велик выбор книг, посвященных, например, проблемам изучения космоса, поиска других обитателей Вселенной, преодолению “языкового барьера” между различными существами... Следовательно, и советская кинематографическая фантастика должна анализировать не одни лишь проблемы научно-технического развития, но и задумываться над тем, что могут принести с собой те или иные нынешние социальные тенденции (в широком смысле слова)»²³.

В реальности же дискуссию 1978 г. сложно свести только к этим двум позициям. К ней подключился польский фантаст С. Лем. Хотя по формальным признакам его следовало бы отнести не к советской, а к польской интеллигенции, влияние «пана Станислава» на умы советских читателей сложно переоценить. Писатель высказал парадоксальную на первый взгляд мысль, что полноценный фантастический фильм вообще невозможно создать. «Дело в том, что элементы чисто технические легче обдумать, чем тип одежды, архитектуры, внешний вид “иных существ”, отношения между людьми в 2800 году и так далее... Можно ли вообще справиться с такой задачей?»²⁴.

И наконец, в дискуссии участвовал единственный профессиональный «киношник», режиссер Ричард Викторов. К этому моменту он сделал две фантастические картины — «Москва — Кассиопея» и «Отроки во Вселенной». В начале 1980-х гг. Р. Викторов прославился фильмом «Через тернии — к звездам». Он низверг диспутантов с «горних высот» морально-этических проблем кинофантастики к практическим задачам кинопроизводства. В своем выступлении он показал всю техническую сложность постановки фантастического фильма: «Но это (романтика научной фантастики. — В. К.) уже из области поэзии, а проза на-

ших творческих будней заключается в том, что студия — то же производство... А отсюда: четкость планирования, железный бюджет, координация работы цехов, график, зависимость друг от друга (в киностудии, не считая актеров, — более тридцати человек, а в период экспедиции — до шестидесяти), нормированное количество снятой за сцену и месяц полезной пленки и, наконец, качество отснятого материала, который фокусируется затем в понятие кинофильм... А научно-фантастические фильмы, повторяю, снимаются крайне редко, и опыта у студий здесь нет»²⁵. Вообще-то, в данном случае Р. Викторов сформулировал основную проблему отечественного фантастического кинематографа: отсутствие традиций и системности, пренебрежение технической преемственностью, игнорирование экономической рентабельности. Например, в США уже в 1930-е гг. реализовалась такая форма фантастического кинематографа, как киносериал. Можно привести примеры киносериалов — фильмов о Флеше Гордоне и Баке Роджерсе²⁶. Оставив в стороне содержательный уровень этих работ (они снимались по мотивам детских комиксов), следует заметить, что этот метод удешевлял единицу кинопродукции, позволял студиям накопить опыт. Съемки серий и частей велись в одних декорациях, что также делало производство более рентабельным. Фактически, фантастический телесериал сформировался в США именно на основе киносериалов 1930—40-х гг.

Кстати, Р. Викторов внес конкретное предложение. «Когда у нас было не очень благополучно с выпуском кинокомедий, то были разработаны и утверждены стимулирующие нормативы специально для этого жанра кинематографа, — вспоминал режиссер. — Не настало ли время использовать этот опыт для производства научной фантастики? Нельзя постоянно тешить себя надеждой на то, что можно обойтись усредненными нормативными цифрами пусть даже и для сложно-постановочного фильма. Не получится!»²⁷.

Анализируя данные дискуссии, следует выделить следующие их особенности и ключевые черты:

Во-первых, несмотря на столь бурные обсуждения проблем кинофантастики, в практической плоскости мало что изменилось. Например, так и не была полностью решена проблема профессиональных научно-фантастических киносценариев, обозначен-

ная Стругацкими еще в 1967 г. Спустя более десятилетия после статьи братьев-фантастов Ю. Ханютин подчеркивал: «Научно-фантастические сценарии пишут профессиональные сценаристы, экранизируют они только умерших авторов — Толстого, Беляева — или пишут сценарии по собственным, к сожалению весьма банальным, расхожим в научной фантастике идеям»²⁸. В 1970—80-е гг. считанные фантасты проявили себя в роли кинодраматургов. Это сами Стругацкие, чей сценарный диапазон оказался весьма широким. Здесь были сценарии и для элитарного авторского кино («Сталкер» А. А. Тарковского), и для фантастических музыкальных комедий («Чародеи»), и для авантюрно-детективной фантастики («Отель “У погибшего альпиниста”»). Борис Стругацкий стал соавтором сценария фильма «Письма мертвого человека», который символизировал эпоху ядерного разоружения 2-й половины 1980-х гг. Однако еще большее количество сценариев этих фантастов так и не нашло воплощения на экране. Не случайно известный биограф писателей Ант Скаландис (Антон Молчанов) назвал главу, посвященную кинодраматургии Стругацких, «Отель “У погибшего сценариста”»²⁹. Профессиональные фантасты в роли кинодраматургов не были востребованы. Другой фантаст-кинодраматург — Кир Булычев (И. В. Можейко). В его авторском наследии сценарии фильмов «Через тернии — к звездам», «Гостя из будущего», «Шанс», «Похищение чародея» и др. Кира Булычева полюбили и режиссеры анимационного кинематографа, достаточно вспомнить «Тайну третьей планеты» и «Два билета в Индию». Вот, пожалуй, и все авторы фантастики, активно работавшие в кинодраматургии.

То же было и с другой проблемой, названной в статье «Почему у нас нет кинофантастики?», — техники и спецэффектов. Следует заметить, что в 1960-е гг. по техническому уровню советский фантастический кинематограф вполне соответствовал мировым стандартам. Качественными спецэффектами отличались фильмы Ричарда Николаевича Викторова. Именно на визуальных эффектах специализировался оператор Борис Тихонович Травкин. Однако и в начале 1980-х гг. проблемы оставались. Известный фантаст С. И. Павлов (по его произведениям сделаны фильмы «Акванавты» и «Лунная радуга») отмечал в журнальном интервью: «Видимо, нам можно кое-чему поучиться у западной ки-

нофантастики. Разумеется, в чисто техническом плане. Не надо забывать, что на Западе кино — это, прежде всего, коммерция... И в них (в кинофильмы. — В. К.) вкладываются совершенно немислимые средства: считается, что потом, когда картина пойдет в прокат, они окупятся с лихвой»³⁰.

Во-вторых, впечатляет социальное представительство различных отрядов и групп интеллигенции, которые участвовали в дискуссиях по кинофантастике. Мы можем видеть здесь и инженеров, и космонавтов, и социологов, и журналистов, и писателей-фантастов. Все это свидетельствует, что к фантастическому кино в среде советского «образованного класса» присутствовал неподдельный интерес. Вместе с этим, практически не было среди диспутантов профессиональных кинематографистов, за исключением нескольких режиссеров. Совершенно не прозвучали голоса специалистов по спецэффектам, администраторов, руководителей кинопроката, наконец. А именно от их работы в первую очередь зависел успех фантастического кино, и их позиция, по сути, и должна быть ведущей. Это наглядно характеризует особенность как русской, так и советской интеллигенции: ***стремление обсуждать глобальные проблемы при пренебрежении к малым практическим вопросам.***

В-третьих, при анализе выступлений участников дискуссий заметно, что они часто апеллируют к образцам зарубежного фантастического кинематографа, таким как «Космическая одиссея 2001 года», «Штамм Андромеды», «Барбарелла» и др. Эти фильмы в широком прокате в СССР не демонстрировались, с ними мог ознакомиться только узкий круг лиц в режиме так называемых «закрытых показов». Это свидетельствует о некоторой элитарности участников дискуссий, о том, что они представляли далеко не самые массовые слои интеллигенции.

В-четвертых, в дискуссиях проявилось несколько позиций по разным аспектам фантастического кинематографа. Например, в обсуждении функций кинофантастики четко обозначились две точки зрения: ***технократическая***, выраженная А. Птушенко и Я. Головановым, и ***гуманистическая***, которую отстаивали Г. Гречко, К. Феоктистов, Э. Араб-Оглы. В вопросе соотношения литературы и кино также проявились две позиции. Первая предполагала ***приоритет литературной или сценарной первоосновы***

кинофильма. К этой точке зрения были близки А. и Б. Стругацкие, А. Громова, Ю. Смелков и др. Но были и голоса, защищавшие право кинорежиссера на свое видение проблемы. В дискуссиях затрагивались *вопросы эстетики*. Должен ли фантастический фильм быть зрелищным и красивым, или за глубокое содержание ему простительны визуальные недостатки? Должен фильм ориентироваться на непритязательный вкус массового зрителя или удовлетворять запросы изысканных эстетов? «Для взыскательного потребителя пищи духовной это хуже, чем ничего, — писали Стругацкие о советской приключенческой кинофантастике. — Не то чтобы он, зритель, был против погонь и поцелуев. Но ему нужна мысль»³¹. Ю. Ханютин высказал более прагматическую позицию: «Именно приключенческая фантастика таит в себе наиболее мощные коммуникативные возможности... мощным оружием в борьбе за массового зрителя может быть фантастический фильм, сочетающий романтическое зрелище, приключение и элементы мелодрамы»³².

В-пятых, несмотря на то, что многие проблемы кинофантастики упирались в технические вопросы или административные аспекты, на первый план в анализируемых дискуссиях выходят нравственно-этические проблемы, что характерно именно для отечественной интеллигенции. Само по себе данное обстоятельство сложно назвать позитивным или негативным. Просто приоритетное рассмотрение нравственно-этических вопросов подчеркивает генетическое единство дореволюционной русской и советской интеллигенции.

Примечания

¹ Харитонов Е., Щербак-Жуков А. На экране — чудо : отечественная кинофантастика и киносказка (1909—2002 гг.). М., 2003.

² См., напр.: Комиссаров В. В. Развитие кинофантастики и фантастической живописи в контексте истории советской интеллигенции // Известия высших учебных заведений. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3, вып. 1. С. 5—10.

³ Гуревич Г. И. Беседы о научной фантастике. М., 1991. С. 133.

⁴ Братерская-Дронь М. Т. Эволюция советского научно-фантастического фильма : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1990. С. 6.

- ⁵ Ханютин Ю. Кинофантастика : возможности жанра и практика кинопроизводства // Жанры кино. М., 1979. С. 195.
- ⁶ Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Почему нет кинофантастики? // Советский экран. 1967. № 3. С. 8.
- ⁷ Скаландис А. Братья Стругацкие. М., 2008. С. 445.
- ⁸ Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Указ. соч. С. 8.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Соколов А. Предвиденьем ученого, воображением художника // Советский экран. 1967. № 3. С. 9.
- ¹² Два старта в кинофантастике // Там же. № 18. С. 3.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Загадка «Соляриса» // Советский экран. 1973. № 10. С. 6.
- ¹⁶ Смелков Ю. Нереализованные возможности // Там же. № 5. С. 3.
- ¹⁷ Зоркая Н. «Солярис» Андрея Тарковского // Там же.
- ¹⁸ Загадка «Соляриса». С. 6.
- ¹⁹ Голованов Я. Без фанеры // Вопросы литературы. 1973. № 1. С. 78—79.
- ²⁰ Араб-Оглы Э. Человек и прогресс // Там же. С. 71.
- ²¹ Феоктистов К. Чему учит океан // Там же. С. 91—92.
- ²² Птушенко А. В ожидании контакта // Советский экран. 1978. № 7. С. 8.
- ²³ Гречко Г. Земное и космическое // Там же. С. 9, 18.
- ²⁴ Лем С. Путь познания // Там же. № 9. С. 9.
- ²⁵ Викторов Р. А зритель ждет // Там же. № 11. С. 13.
- ²⁶ Энциклопедия фантастики / под ред. И. М. Морозова. Владимир, 1993. С. 80—86.
- ²⁷ Викторов Р. Указ. соч. С. 13.
- ²⁸ Ханютин Ю. Указ. соч. С. 195.
- ²⁹ Скаландис А. Указ. соч. С. 444—471.
- ³⁰ См.: Пухов М. Под космической радугой // Техника — молодежи. 1981. № 6. С. 19—20.
- ³¹ Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Указ. соч. С. 8.
- ³² Ханютин Ю. Указ. соч. С. 200—201.

Г. А. Будник

**ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЙОНА РОССИИ
В 1970—1985 ГОДЫ**

Обучение и воспитание студентов, формирование у молодых людей интеллектуально-духовных качеств личности является сегодня одной из ключевых проблем российского социума. После распада СССР формы и методы подготовки специалистов, апробированные в советский период истории России, резко критиковались, многие предавались забвению. Однако сейчас, после почти двадцати лет реформ, затронувших все сферы жизни российского общества, возникли необходимость и возможность спокойно и взвешенно оценить достигнутое, критически подойти к опыту прошлого, взять из него наиболее ценное и значимое. Положительно можно оценить концептуальные подходы Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС), по которому работает сегодня высшая школа страны. Особенно важным является то, что в нем прописан не только уровень профессиональных знаний, умений, навыков (профессиональные компетенции), но и очерчен круг черт личности, которыми должен обладать выпускник вуза (общекультурные компетенции). Среди общекультурных компетенций ФГОС третьего поколения можно выделить следующие: осознание значения гуманистических ценностей для сохранения и развития современной цивилизации; готовность принятия нравственных обязанностей по отношению к окружающей природе, обществу, другим людям и самому себе; способность к социальному взаимодействию на основе принятых в обществе моральных и правовых норм, уважение к людям и к другой культуре, толерантность и т. д. Такой синкретичный под-

---

© Будник Г. А., 2013

Будник Галина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и культуры Ивановского государственного энергетического университета. admin@history.ispu.ru

ход к подготовке студента является традиционным для российского образования. Работа в соответствии с ФГОС третьего поколения заставляет профессорско-преподавательский состав вузов больше внимания уделять воспитательной работе в учебное и внеучебное время. В этой связи изучение опыта столь близкого к сегодняшним дням периода 1970—1985 гг. представляет несомненный научный и практический интерес.

Между тем, анализ историографии по данной теме показывает, что к настоящему времени изучены лишь ее отдельные аспекты. Достаточно подробно исследованы вопросы партийного руководства высшей школой, изменение социальной структуры общества под влиянием высшего образования, философские аспекты¹. Основные направления подготовки интеллигенции в вузах СССР проанализированы в монографиях, статьях², диссертационных исследованиях³. Целью данной статьи является изучение организации учебно-воспитательной работы в высших учебных заведениях Центрального района России в 1970—1985 гг. с точки зрения формирования интеллигенции⁴ и выработка рекомендаций по использованию позитивного опыта тех лет в современных условиях.

В 1970—1985 гг. в Центральном районе России было 44 высших учебных заведения, в которых обучалось около 300 тыс. студентов⁵. Организация учебного процесса имела как особенности, так и традиционные черты. Главным было то, что реформы высшего образования первой половины 1960-х гг. прекращаются, происходит возврат к традиционной форме организации обучения: 36-часовой учебной неделе без производственной практики на первом и втором курсах⁶, что в целом положительно отразилось на качестве профессиональной подготовки студентов. Сохранялась идейно-политическая направленность образования. В 41-й статье Основ законодательства Союза ССР о народном образовании, принятых в 1973 г., было отмечено, что «главными задачами высших учебных заведений являются: подготовка высококвалифицированных специалистов, владеющих марксистско-ленинской теорией, глубокими теоретическими знаниями и практическими навыками по специальности и по организации массово-политической и воспитательной работы»⁷. Обращение столь пристального внимания на идейно-политическое воспитание вы-

пускников высшей школы было связано с тем, что к 1970-м гг. стало ясно, что многие идеи, выдвинутые в предыдущие годы, например утверждение о построении к восьмидесятым годам в СССР коммунистического общества, были нереальны. Кроме того, в промышленности и сельском хозяйстве наблюдалось падение производительности труда, снижение качества товаров, возник дефицит ряда продуктов, понизилась заработная плата интеллигенции. Если к концу 1950-х гг. инженерно-технические работники получали на 70 % больше, чем рабочие, то к середине 1980-х гг. разрыв составил лишь 10 %⁸. Обследование, проведенное в 1989 г., когда средний ежемесячный заработок по стране составлял 240 руб., констатировало, что только 45,5 % мужчин с высшим образованием смогли превысить этот уровень (из них только 17,2 % получали более 350 руб.), а среди женщин показатели были еще хуже: 77,6 % имели заработок ниже среднего, а к категории высокооплачиваемых (свыше 350 руб. в месяц) относились только 5,9 % выпускниц вузов⁹.

На этом фоне закономерным является падение авторитета высшего образования, показателем которого было, в частности, снижение конкурса в вузы. Если в начале 1960-х гг. на одно место было подано 2,5 заявлений, в 1967 г. — 2,8, то в начале 1970-х — только два¹⁰, а в 1985 — только 1,6¹¹. То есть, желающих получить высшее образование в 1985 г. было почти в два раза меньше, чем в 1967 г., и в 1,5 раза меньше, чем в 1960 г.

О снижении в глазах молодежи ценности интеллектуального труда говорит и изменение профессиональных ориентиров абитуриентов. Результаты социологических опросов, проведенных в 1974 г. В. Н. Шубкиным в вузах столицы, свидетельствуют о повышении значимости для молодых людей профессий официантов, поваров, продавцов и снижении авторитета инженерных профессий¹². Что касается высших учебных заведений Ивановской области, то здесь так же, как и в соседних областях, престиж высшего образования был все еще достаточно высок — оставались значимыми профессии врача, инженера, учителя. Это было связано со спецификой жизни в провинции, где традиционно теснее межличностные контакты, люди оцениваются в основном с позиций общечеловеческих ценностей, высок престиж профессий, от которых зависят жизнь и здоровье граждан.

Выпускники школ 1970-х гг. уступали по уровню интеллектуального развития выпускникам 1960-х. Сравнительное исследование, проведенное в 1980 г. в Московском электромеханическом институте, продемонстрировало, что только единицы молодых людей стремятся отдать учебе все свои силы: 90,1 % опрошенных студентов 1-го курса и 89 % 4-го курса ответили, что выполняют только то, что от них требуют, либо подчеркнули, что учатся в основном по необходимости¹³.

В результате непродуманного выбора абитуриентами профессии и низкой материальной оплаты квалифицированного труда увеличилось количество выпускников высшей школы, работавших не по специальности. В докладе заместителя министра Госплана СССР Е. М. Раковского на заседании Совета по высшей школе при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР в 1975 г. были приведены такие цифры: в 1965 г. не по специальности работали 324 тыс. человек, а в 1973 г. — уже 941 тыс.¹⁴

В целом это время в истории нашего государства можно охарактеризовать как период инерционного развития, постепенно переходящего в кризисное. Высшая школа, являясь одним из элементов государственной структуры, имела те же черты системного кризиса, что и советское общество. Вместе с тем, необходимо помнить, что все процессы в образовании имеют консервативный характер. Высшая школа медленно подвергается изменениям, поэтому здесь дольше, чем где-либо в других структурах государства, сохраняются традиции прошлых лет. Важная роль при этом принадлежит преподавателям высшей школы как хранителям социальной памяти российской интеллигенции.

Вузовская интеллигенция Центрального района России реально оценивала ситуацию и не была к ней безучастна. На партийных собраниях и Ученых советах вузов обсуждались вопросы обучения и воспитания юношей и девушек. Красной нитью в большинстве выступлений проходила мысль о взаимосвязи интеллектуальной и духовной составляющей личности, убежденность в том, что любые лекции, семинарские и практические занятия, вне зависимости от предмета, должны быть проникнуты воспитательными идеями, способствующими формированию у студентов традиционных свойств и качеств отечественной интел-

лигенции. Преподаватели высшей школы стремились разъяснять важность изучаемых курсов, возможность использования полученных знаний для улучшения жизни людей.

В 1974 г. в газете «Известия» была опубликована статья профессора Тамбовского института химического машиностроения В. Финкеля «Не ремеслом единым». В ней ученый писал: «Как ни парадоксально это звучит, инженеру особенно необходима широта духовных интересов, ибо окружающее производство толкает его на упрощенное представление о мире, как мире металла и автоматики». Это опасно, считал В. Финкель, т. к. кем бы ни был выпускник вуза, он, прежде всего, «член человеческого сообщества». Ученого и его коллег волновало, как «создать такие стимулы, при которых формирование черт интеллигента было бы не просто желательно, а... необходимо»¹⁵. Идеи В. Финкеля о важности нравственной составляющей высшего образования, его обеспокоенность тем, чтобы технические институты не превратились в «техникума», получили поддержку среди преподавателей вузов Центрального района России.

В 1975 г. в многотиражной газете Тульского политехнического института появилась специальная рубрика: «Гражданин будущего — это гражданин, это интеллигент». Здесь публиковались статьи, посвященные формированию личности студентов. Так, например, преподаватель А. Чунина считала, что выпускники вузов должны быть людьми интеллигентными. При этом в понятие «интеллигентность» она включала «систему поведения человека в повседневной действительности — в быту, на работе, на улице, в общении с другими людьми, когда отличительными признаками отдельного индивида являются высокая культура, образованность, уважение к окружающим людям, соответствие его умственного багажа его внешнему виду»¹⁶.

Аналогичные суждения высказывались и во многих других публикациях вузовских многотиражных газет, в выступлениях на партийных и комсомольских собраниях, в беседах преподавателей и студентов. Так, например, в Ивановском медицинском институте студенты обсуждали, как совместить гуманизм врача с экспериментированием на живых объектах. В результате они пришли к выводу, что причинять боль и страдание животному можно только с пользой для изучения того или иного вопроса, а

всякое «кромсание» животного — чуждый врачу акт¹⁷. Важнейшей задачей преподаватели этого института считали привитие любви к профессии и к больным.

В этой связи нельзя согласиться с Л. Г. Викторовой, утверждавшей, что в советский период «как преподаватели, так и студенты не четко представляли себе сам характер этой группы людей (интеллигенции), их черты и особенности, их достоинства и их задачи, как профессиональные, так и общечеловеческие»¹⁸.

Преподаватели ясно представляли себе формы и методы организации учебного и воспитательного процесса, который в 1970-е гг. воспринимался как единое целое. Так, выступая на круглом столе в редакции многотиражной газеты Тульского политехнического института, декан механического факультета Н. А. Минский сказал, что воспитательная работа должна проводиться на лекциях и в перерывах, в общежитиях, в прикрепленных группах, через НИРС, на личном примере преподавателя¹⁹. Аналогичные мысли высказывал и его коллега из Брянского института транспортного машиностроения А. А. Камаев. Он отмечал, что лекция и семинарское занятие обязаны иметь не только обучающее, но и воспитывающее воздействие на студента. Для этого они должны быть и доходчивы, и увлекательны. Но главное, по его мнению, в том, что преподаватель должен по-отечески любить студентов и стараться не просто научить их применять на практике полученные знания, но сформировать у них добросовестное отношение к труду, честность, порядочность²⁰. Схожие взгляды были и у многих других преподавателей вузов Центрального района России. Так, одну из причин низкой успеваемости студентов, пропуска ими занятий преподаватели Калининского (ныне город Тверь) политехнического института видели в низкой культуре студентов, в отсутствии у них чувства ответственности, трудолюбия, добросовестности²¹. При этом они осознавали, что гуманитарные и технические науки по сути необходимо связывать. Проявляться это должно не столько в конкретном содержании рассматриваемых вопросов, сколько в системе построения научных знаний. Лучшие преподаватели-«технари» стремились таким образом подойти к отбору учебного материала, чтобы интерпретация научных фактов способствовала выходу на гуманитарные проблемы профилирующих дисциплин. В этих це-

лях любая лекция, семинарское или практическое занятие должны были иметь воспитательную направленность. «Нельзя обучать, не воспитывая» — так считали, например, участники партийного собрания Ярославского технологического института, прошедшего 5 октября 1976 г. В большинстве случаев это удавалось, т. к. преподаватели стремились создавать на занятиях демократическую обстановку, а при изучении теоретических вопросов раскрывать их мировоззренческую сущность.

Система построения научного знания в соответствии с гуманистическим вектором науки была характерна для многих преподавателей московских вузов. В Московском институте стали и сплавов в середине 1970-х гг. была разработана программа мировоззренческой подготовки студентов на весь период обучения. Конечно, составление программы — это только начало дела, его формально-организационная сторона. Однако уже ее обсуждение на кафедрах заставляло преподавателей переориентироваться от узко эмпирического понимания своей науки в сторону ее теоретико-гносеологического и мировоззренческого анализа. Таким образом, можно заключить, что в 1970—80-е гг. существовали основы для формирования в вузах страны интеллигенции.

Ситуация стала меняться с середины 1980-х гг. Резкое ухудшение экономического положения в стране, рост недоверия к коммунистической партии, появление в СМИ новой, зачастую недостоверной или легкой информации негативно влияли на формирование духовного облика студентов. Деидеологизация образования, шок от узнавания негативных моментов советской истории привели к разочарованию в социалистических идеалах, в то время как новые пока не были сформированы.

Попыткой заполнить духовный вакуум у молодежи стало усиление внимания к гуманизации и гуманитаризации образования. Под гуманитаризацией образования понимается целенаправленная деятельность научно-педагогической интеллигенции по развитию у студентов творческого, самостоятельного мышления, способности к пониманию общечеловеческих ценностей и формированию готовности к будущей профессиональной деятельности на принципах нравственности и гуманизма. Гуманитаризация образования проводилась двумя путями — через учебный и внеучебный процесс. Со второй половины 1980-х гг. в вузах стали

открываться новые гуманитарные специальности и факультеты, т. к. специалистов гуманитарного профиля в СССР выпускалось в 10 раз меньше, чем в развитых странах мира²².

Гуманизация образования не была чисто советским явлением. В 1970-е гг. стало ясно, что узко ориентированные специалисты, не понимающие социального значения своего труда, могут принести не столько пользу, сколько вред обществу. Невежественные люди чаще всего грубы, жестоки, неспособны к конструктивному диалогу. Поэтому Япония повысила роль этики, эстетики в обучении студентов. Шведские программы высшего образования на 25 % стали состоять из общеобразовательных дисциплин. Общеобразовательные предметы гуманитарного цикла являются обязательными в большинстве частных и государственных американских колледжей.

В СССР популярностью у студентов пользовались введенные в 1970-е гг. факультативные курсы этики, эстетики, истории культуры. Предметы гуманитарного цикла имели большой воспитательный, мировоззренческий потенциал. Кроме того, они выполняли функцию межпредметного взаимодействия и способствовали устранению кажущейся разобщенности изучаемых курсов. Вместе с тем, гуманистический потенциал предметов обществоведческого цикла снижался их большой идеологизацией, необходимостью преподавателей четко выполнять установки партийных документов. В результате, согласно социологическому опросу, проведенному проблемной лабораторией МГУ в 1979—1983 гг., лишь от 10 до 27 % опрошенных отметили высокую роль предметов социально-политического цикла в деле формирования личности студентов²³.

Что касается организации учебного процесса по другим предметам, то в их преподавании в 1970—80-е гг. появились новые образовательные технологии, связанные с поисками подходов к активизации учебной деятельности студентов. Это было вызвано как ориентацией преподавателей на организацию самостоятельной работы студентов (в начале 1970-х гг. на нее стало отводиться до 40 % бюджета времени)²⁴, так и их естественным стремлением вывести учебный процесс на уровень последних достижений науки и техники.

Работа эта проводилась по нескольким направлениям. Основными были: усиление контроля за освоением изучаемого материала; использование в учебном процессе технических средств обучения; совершенствование методики обучения, предполагающее активные, проблемные методы изложения материала.

Лучшие преподаватели стремились привести уровень образования в соответствие с требованиями научно-технического прогресса. В Ивановском педагогическом институте академик А. И. Мальцев, например, отстаивал необходимость создания новых университетских центров и усиления роли университетского образования в подготовке учителей средней школы²⁵. Впервые в стране Анатолий Иванович начал читать в Ивановском педагогическом институте курс математической логики, который впоследствии по его инициативе был включен в учебные планы педагогических институтов, а потом университетов страны²⁶.

Большие потенциальные возможности для индивидуального развития интеллекта и духовного потенциала будущей интеллигенции имела самостоятельная работа студентов. Она проводилась в разных формах: на семинарах, во время практических и лабораторных занятий. Однако основным направлением была научно-исследовательская работа в студенческих научных кружках и конструкторских бюро. В системе обучения, органически сочетавшей в себе учебный процесс и научно-исследовательскую работу, преодолевался разрыв между теоретическим содержанием учебных дисциплин и современным состоянием развития науки и техники. Такая система подготовки осуществляла «автоматическое» слежение за развитием соответствующих областей науки и техники и способствовала обогащению учебного процесса.

Практически в каждом вузе Центрального района России были свои «изюминки» в организации научно-исследовательской работы студентов (НИРС). Так, в вузах Ивановской области учебно-исследовательская работа была хорошо налажена в химико-технологическом институте. Здесь длительное время функционировали студенческая научно-исследовательская и студенческая аналитическая лаборатории. Участники последней выполняли хозяйственные работы и трудились по договорам о научно-техническом сотрудничестве с предприятиями Ивановской области. Благодаря личным усилиям и напряженной научной работе

бывшего в то время ректором ИХТИ (ныне ИГХТУ) доктора химических наук, профессора Г. А. Крестова, г. Иваново стал первым академическим научным центром на Верхней Волге. Здесь был создан Институт химии неводных растворов АН СССР. Институт сразу же открыл свои двери для талантливых студентов всех вузов области²⁷. В этом же вузе на кафедре физической химии все студенты 3-го курса привлекались к выполнению учебно-лабораторных работ, которые включали проведение экспериментальных исследований по наиболее актуальным проблемам химии и химической технологии, выполняемых кафедрой по хозяйственным и госбюджетным темам. Одной из интересных форм научной работы студентов Ивановского текстильного института являлся Студенческий дом моделей. Занятия в нем включали лекции, моделирование и выполнение моделей, их показ. В 1976 г. Студенческий дом моделей представил свою коллекцию на ВДНХ, 10 показанных там моделей внедрили в производство.

В 1980-е гг. в технических вузах широкое распространение получили студенческие конструкторские бюро (СКБ) и студенческие научно-производственные отряды (СНПО). Деятельность СКБ и СНПО соответствовала профилю вуза и была тесно связана с производством. Так, со второй половины 1970-х гг. действовало соглашение о сотрудничестве между Ивановским камвольным комбинатом и Ивановским текстильным институтом. Договор предусматривал создание студенческого производственного отряда и СКБ вуза, направленных на решение конкретных технологических задач комбината. В свою очередь, инженеры предприятия оказывали помощь студентам при подготовке дипломных работ²⁸. В технических вузах края, по данным А. К. Калинина, широкое распространение получили кружки по техническому переводу. Так, в энергетическом институте в середине 1980-х гг. в такого рода кружках занималось 5 % студентов дневного отделения²⁹.

Необычное для технического вуза студенческое научное объединение возникло в 1984 г. в текстильном институте. Оно называлось «Феникс». Его участники изучали фольклор Ивановского края³⁰.

В Брянском институте транспортного машиностроения исследовательскими разработками занимались более 60 % студентов. Их научно-исследовательская деятельность была включена в

учебные планы всех специальностей и предполагала обучение всех студентов дневного отделения основам организации и выполнения научно-исследовательских проектов (курсы лекций и практические занятия), а также проведение индивидуальных научных исследований под руководством преподавателей, которым для этого выделялись дополнительные учебные часы.

В начале 1990-х гг. в различных формах НИРС в целом по стране участвовало 2/3 студентов³¹.

В этой связи нельзя согласиться с Д. Д. Квициани, считавшим, что в 1970-е — первой половине 1990-х гг. поиск активных форм и методов преподавания прекратился³².

Таким образом, на примере высшей школы Центрального района России можно сделать вывод, что в 1970—80-е гг. в высшем образовании страны сложился отлаженный механизм организации научно-исследовательской работы студентов. Традиционность мероприятий, их эффективная поддержка государством (организация конкурсов, квалифицированная оценка работ, награждение победителей, публикация результатов исследований) являлись стимулом для участия в научно-исследовательской работе большого количества студентов. Позитивным явлением была тенденция к интеграции образования и фундаментальной науки. Это позволило существенно расширить круг студенческих исследований, привлечь участников СНО к разработкам ведущих ученых вузов. С выполнением хоздоговорных исследований тесно связано создание СКБ. Необходимо подчеркнуть, что участие в работе студенческих научных кружков развивало не только интеллектуальные, но и нравственные качества их участников. Многие из них на всю жизнь оставались верны научной истине. Здесь формировались демократичный, вдумчивый подход к решению любых вопросов, навыки работы в коллективе, уважение чужого мнения.

Однако в условиях погони за массовостью, научно-технические кружки в ряде случаев теряли свое значение центров научного творчества, приобретали популяризаторский характер. Преподаватели ясно осознавали неэффективность массового подхода к организации столь тонкой работы, как воспитание исследователя. Однако к их мнению не прислушались. Судя по официальным отчетам вузов, создавалась видимость интеллектуального рос-

та почти всех студентов, а в действительности многие студенческие работы не соответствовали статусу исследовательских разработок.

Недостаточным было и обеспечение НИРС современной техникой. Первые ЭВМ стали появляться в вузах с 1970-х гг. Так, студенты Ивановского энергетического института выполняли в конце 1970-х гг. расчеты на ЭВМ «Наири-2»³³. С 1980-х гг. в вузы начало поступать все больше персональных ЭВМ. Появились первые дисплейные классы. Вместе с тем, следует отметить, что большая часть техники в этот период была отечественного производства, не отличалась высоким качеством и надежностью. Только в начале 1990-х гг. в вузах стали появляться первые машины серии IBM. С этого времени отношение к компьютерам преподавателей и студентов начало меняться.

Негативно на развитии НИРС сказалось и развитие частного предпринимательства в конце 1980-х гг. С этого времени объем хоздоговорных работ стал неуклонно снижаться. Теперь преподаватели и сотрудники вузов — руководители студенческих научных работ — предпочитали подрабатывать на стороне в кооперативах, где оплата была выше, чем по хозяйственным договорам.

Итак, положительную роль в формировании интеллигенции в 1970—80-е гг. играла целенаправленная образовательная политика правительства, ориентирующая работников высшей школы на подготовку высокообразованных специалистов, а также достижения СССР в области науки и техники, социальная защищенность молодежи, улучшения условий труда и быта вузовской интеллигенции. При этом надо иметь в виду, что реальные успехи высшей школы во многом были связаны с подвижнической деятельностью преподавателей и сотрудников вузов Центрального района России, т. к. образовательная среда высших учебных заведений формировалась, главным образом, научно-педагогической интеллигенцией. Благодаря системе научно-исследовательской работы, развивающего воспитательного личного воздействия, во многих случаях преподавателям удавалось выйти из границ специального обучения в логику формирования интеллигентного человека. Это давало, в рамках советской цивилизации, качественное образование, применимое в будущей жизненной общественной и профессиональной практике. Естественно, надо помнить, что высшая школа выполняла заказ советского государства на подготовку специали-

стов с нравственными качествами и политическими убеждениями в русле официальной идеологии. Сегодня мы ясно видим идеологическую и культурную ограниченность такого образования. Советская научно-педагогическая интеллигенция и студенчество оказались заложниками и одновременно гарантами стабильности многих мифов советской системы. В этом был трагизм их положения, и одновременно это порождало поразительный эффект бескорыстного труда вузовской интеллигенции на благо Родины, что сочеталось, зачастую, с разочарованием в жизни, приводящим, порой, к глубоким личным трагедиям. Можно согласиться с В. Г. Шишкиным в том, что причины кризиса высшего образования начала 1990-х гг. «заключались в функциональных особенностях самой советской системы, которая с трудом воспринимала любые инновации и не могла в краткие сроки дать адекватный ответ на запросы времени»³⁴.

В настоящее время, экспериментируя с формами и методами организации работы высшей школы, перенимая опыт иностранных государств, не стоит забывать о том богатом наследии, которое дала нам советская эпоха. В СССР государственная поддержка высшего образования являлась частью государственной политики, где особое внимание отводилось нравственному развитию молодых людей, привитию им высоких духовных качеств и идеалов. Полагаю, в настоящее время опыт формирования интеллигенции в высшей школе в советский период истории нашего государства значим и актуален.

Примечания

¹ Барсуков В. Н. Высшая школа России: опыт руководства (60—80-е годы). М., 1993 ; Квициани Д. Д. Подготовка специалистов в высшей школе в 1960—1980-е годы : опыт и проблемы : (на материалах Северного Кавказа). Ростов н/Д, 1990 ; Татур Ю. Г. Образовательная система России: высшая школа. М., 1999.

² Будник Г. А. Высшая школа и интеллигенция: советский воспитательный и образовательный эксперимент, 1945—1985 годы : (на материалах Центрального района России). Иваново, 2003 ; Калинин А. К. О роли творчества в формировании молодой технической интеллигенции в Советском Союзе (1976—1985 гг.) // Молодая интеллигенция и устойчивое развитие общества : материалы XIX Междунар. науч.-теор. конф.

- Иваново, 2008. С. 191—193 ; *Садина С. С.* Воспитать профессионала-интеллектуала — государственная задача // Там же. С. 95—98 ; *Петрик В. В.* Высшая школа Сибири в конце 50-х — начале 90-х годов XX века. Томск, 2006 ; *Он же.* Из опыта создания и функционирования учебно-научно-производственных (воспитательных) комплексов в вузах Сибири. URL: <http://www.lib.tru.ru/fulltext/m/2012/m24.pdf> (дата обращения: 15.08.2013).
- ³ *Борисов В. М.* Высшая школа российской Федерации в условиях системных реформ (1984—1999 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008 ; *Хомутов В. И.* Студенчество 70—80-х годов : (историография проблемы формирования идейно-нравственных ценностей) : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1992.
- ⁴ Под интеллигенцией автор понимает социокультурную общность, представители которой имеют высокий образовательный уровень, занимаются умственным творческим трудом, направленным на создание, сохранение и распространение общечеловеческих ценностей, и отличаются высокими нравственными качествами.
- ⁵ Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1975 году. М., 1976. С. 454.
- ⁶ Положение о производственной практике студентов высших учебных заведений : приказ министра высшего и среднего специального образования СССР от 18 июля 1974 г. № 600 на основании постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 сентября 1966 г. № 729 // Высшая школа. 1978. Ч. 1. С. 240—245.
- ⁷ Основы законодательства Союза ССР о народном образовании // Там же. С. 12.
- ⁸ История России в новейшее время (1945—1999) : учеб. для вузов / под ред. А. Б. Безбородова. М., 2000. С. 201.
- ⁹ *Костаков В.* Население. Массы. Народ // Свободная Мысль. 1991. № 5. С. 165, 196—198.
- ¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 5. Оп. 62. Д. 72. Л. 5.
- ¹¹ *Кочетов А. Н.* Интеллектуальный потенциал общества. Саратов, 1991. С. 126.
- ¹² *Шубкин В. Н.* Начало пути : проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы. М., 1979. С. 50.
- ¹³ Политическое образование. 1988. № 14. С. 31.
- ¹⁴ Государственный архив РФ. Ф. 9606. Оп. 1. Д. 6556. Л. 87.
- ¹⁵ Известия. 1974. 20 янв.
- ¹⁶ За инженерные кадры // Тульский политехнический институт. 1975. 20 дек.

- ¹⁷ Государственный архив Ивановской области (далее — ГАИО). Ф. 561. Оп. 1. Д. 249. Л. 23.
- ¹⁸ *Викторова Л. Г.* Теоретические основы становления интеллигенции в образовательной системе высшей школы : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ростов-н/Д, 1999. С. 4.
- ¹⁹ За инженерные кадры // Тульский политехнический институт. 1969. 21 июня.
- ²⁰ За технические кадры // Брянский институт транспортного машиностроения. 1971. 2 марта.
- ²¹ Политехник // Калининский политехнологический институт. 1967. 17 дек., 5 дек.
- ²² Проблемы и перспективы гуманитаризации // Вестник высшей школы. 1991. № 9. С. 38.
- ²³ Роль общественных наук в нравственном воспитании студентов : учеб. пособие. М., 1986. С. 31—32.
- ²⁴ *Елютин В. П.* Задачи высших учебных заведений по реализации постановлений ЦК КПСС и СМ СССР от 18 июля 1972 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране». М., 1973. С. 26.
- ²⁵ Правда. 1967. 29 янв.
- ²⁶ Личное дело А. И. Мальцева // Музей истории Ивановского университета.
- ²⁷ Ивановский государственный химико-технологический университет. Иваново, 1998. С. 56.
- ²⁸ ГАИО. Ф.П. 327. Оп. 14. Д. 979. Л. 12.
- ²⁹ *Калинин А. К.* Партийно-государственная политика по формированию инженерно-технической интеллигенции во втузах Верхней Волги в 1976—1985 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2007. С. 104.
- ³⁰ ГАИО. Ф.П. 342. Оп. 36. Д. 70. Л. 8—9.
- ³¹ *Комкова А. Н.* Деятельность государственных учреждений, общественных объединений и организаций по развитию и поддержке творчества студенческой молодежи в 80-е гг. XX в. — начале XXI в. : (на материалах Костромской и Ярославской областей) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2007. С. 18, 19.
- ³² *Квициани Д. Д.* Указ. соч. С. 47.
- ³³ ГАИО. Ф. 318. Оп. 15. Д. 1151. Л. 205.
- ³⁴ *Шишкин В. Г.* Научно-образовательный потенциал высшей школы Новосибирска на рубеже 1980-х — 1990-х годов. URL: <http://www.history.nsc.ru>website/history...var/custom...2VNMK....> (дата обращения: 14.08.2013).

М. В. Чугунов

**ИСТОКИ ПОЛИТИКИ ФИНСКОГО РЕВАНШИЗМА
В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СИТУАЦИИ В ФИНЛЯНДИИ МЕЖДУ ЗИМНЕЙ
ВОЙНОЙ И ВОЙНОЙ-ПРОДОЛЖЕНИЕМ
(1940—1941 гг.)**

Советско-финская война 1939—1940 гг. продолжалась три с половиной месяца или, точнее говоря, сто дней. Для Советского Союза Зимняя война была вполне заурядным военным конфликтом, несмотря на тяжесть боев и количество потерь. По словам известного советского историка Вильяма Васильевича Похлёбкина, эта война хотя и была, вопреки ожиданиям, более тяжелой, трудной и своеобразной, но, в то же время, она была «весьма ограниченной по своим масштабам, как военным и историческим, так и по психологическим и внутривойсковым»¹. Можно сказать, что советско-финская война 1939—1940 гг. имела для Советского Союза исключительно внешнеполитическое значение². Что касается целесообразности Зимней войны для Советского Союза, то о ней, между прочим, говорил И. В. Сталин, выступая на Совещании при ЦК ВКП (б) начальствующего состава РККА по сбору опыта боевых действий против Финляндии³. По его мнению, решение партии и правительства СССР объявить войну Финляндии в конце ноября — начале декабря было абсолютно верным, ибо этого требовал ход развития внешнеполитических событий: «Там на Западе, — говорил Сталин, — три самые большие державы вцепились друг другу в горло, когда же решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях»⁴. Таким образом, главным причиной, по которой советское руководство решилось начать войну с Финляндией, была внешнеполитическая обстановка в Европе в конце 1939 г., благоприятствующая решению вопроса об обеспечении безопасности северо-западной границы

© Чугунов М. В., 2013

Чугунов Максим Владимирович — аспирант кафедры истории России Ивановского государственного университета. andaer87@mail.ru

Советского Союза, т. е. Зимняя война для СССР имела вполне практическое значение.

Отношение к Зимней войне у финнов было принципиально иным. В Финляндии после подписания 12 марта 1940 г. Московского мирного договора многие испытали чувство подавленности. Горечь у финского народа вызывало то, что за пределами государственной границы оказались города Выборг, Сортавала и Кексгольм. В стране в день вступления в силу мирного договора были приспущены государственные флаги. «Чувства финнов, — писал финский историк Тимо Вихавайнен, — представляли собой смесь мстительности, гордости и гнева...»⁵ В приказе финского главнокомандующего маршала Карла Густава Маннергейма от 13 марта содержались многозначительные слова: «У нас есть гордое сознание того, что на нас лежит историческая миссия, которую мы еще исполним...»⁶

Очевидно, что поражение Финляндии в Зимней войне способствовало тому, что и среди политиков, и среди обычных граждан Финляндии стали распространяться реваншистские настроения. Так, в своей речи в парламенте сразу после заключения мира премьер-министр Ристо Рюти подчеркнул, что труд по восстановлению страны должен «вершиться с мечом в одной руке и мастерком каменщика — в другой»⁷. Не будет преувеличением сказать, что Зимняя война для финнов стала ключевым событием в XX веке. Даже последовавшая за ней Вторая мировая война не смогла ее заслонить. Зимняя война стала базисом, точкой отсчета для последующих событий. Поэтому вполне очевидно, что советско-финская война 1941—1944 гг. получила в финской историографии название «Война-продолжение», т. е. продолжение Зимней войны 1939—1940 гг.⁸ О том, что результаты советско-финской войны не являются для Финляндии окончательными, свидетельствуют и слова министра иностранных дел Вяйнё Таннера. На заседании Государственного совета 12 марта 1940 г. он заявил: «Великая война еще только началась, мы ничего не знаем о ее завершении. Этот наш мир — перемирие, мы не знаем, каким будет окончательный мир»⁹.

Итак, исход советско-финской войны 1939—1940 гг. для Финляндии был крайне неутешительным. Помимо значительных людских и территориальных потерь, страна была вынуждена изы-

скивать жилье и средства к существованию для 420 тыс. человек, а также решать проблему обеспечения их продовольствием, ибо по итогам войны она потеряла порядка 15 % обрабатываемых земель¹⁰.

Однако все эти весьма печальные последствия способствовали лишь нагнетанию реваншистских настроений в стране. Финское руководство отнюдь не считало необходимым пересматривать свою политику в отношении Советского Союза, антисоветские силы в Финляндии снова подняли голову. За переоценку восточной политики Финляндии стояли, главным образом, наиболее осторожные и предусмотрительные политические деятели Финляндии, например Юхо Кусти Паасикиви, и часть финской интеллигенции, однако их число было крайне невелико¹¹. В то же время деятельность общества финско-советской дружбы, руководимого Коммунистической партией Финляндии, — всячески преследовалась. Так, член социал-демократической партии Финляндии, министр социальных дел Карл Август Фагерхольм заявил летом 1940 г., что общество за мир и дружбу с Советским Союзом (СНС) является советской «пятой колонной» в Финляндии, и с ним должно быть «покончено»¹².

По мнению советского руководства, попытки финских властей по воспрепятствованию деятельности общества мира и дружбы свидетельствуют о том, что Финляндия и далее собиралась придерживаться враждебной политики в отношении Советского Союза. Неудивительно, что подобная политика не способствовала улучшению советско-финских отношений, а, напротив, усиливала недоверие между двумя государствами¹³.

В Финляндии, в свою очередь, существовали серьезные опасения относительно наличия у советского руководства планов по советизации Финляндии, хотя страна не была подвергнута оккупации и сохранила свое правительство¹⁴. В Хельсинки с большой тревогой было встречено сообщение о преобразовании 31 марта 1940 г. Карельской Автономной Советской Социалистической Республики (КАССР) в Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику (КФССР)¹⁵, в состав которой вошли территории, полученные Советским Союзом от Финляндии по результатам Зимней войны. По мнению финского руководства, данное решение советского правительства могло стать первым шагом на пути к советизации Финляндии¹⁶.

Таким образом, господствующими настроениями в финском обществе в послевоенные месяцы были страх перед Советским Союзом и опасения разделить судьбу Прибалтийских государств, а также жажда реванша, желание вернуть территории, потерянные в результате Зимней войны, и, если представится такая возможность, включить в состав финского государства часть собственно советских территорий. Профессор Хельсинкского университета Хенрик Мейнандер говорит, что с помощью Рейха Финляндия рассчитывала не только вернуть утраченные территории, но и захватить земли в Советской Карелии и на Кольском полуострове¹⁷. Кроме того, в опубликованной Государственным Департаментом Соединенных Штатов Америки в 1940 г. секретной переписке бывшего государственного секретаря США Роберта Лансинга приводится выдержка из документа, свидетельствующая о том, что Финляндия заявила о своих притязаниях на Карелию, Кольский полуостров и Мурманскую железную дорогу еще в 1918 г.¹⁸

Однако для осуществления своих реваншистских устремлений Финляндии был нужен достаточно могущественный союзник, который смог бы оказать полноценную политическую, экономическую и военную поддержку. В геополитических реалиях 1939 — первой половины 1940 гг. таким союзником могла стать только Германия, которая, в свою очередь, также была заинтересована в сотрудничестве с Финляндией. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что две страны нашли друг друга, и это привело к участию Финляндии в войне против Советского Союза на стороне Германии.

Примечания

¹ Похлёбкин В. В. СССР — Финляндия : 260 лет отношений, 1713—1973. М., 1975. С. 300.

² Там же. С. 301.

³ Тайны и уроки зимней войны, 1939—1940. СПб., 2000. С. 505.

⁴ Там же.

⁵ Вихавайнен Т. Чудо «зимней войны» // Родина. 1995. № 12. С. 76.

⁶ Там же.

⁷ См.: Мейнандер Х. История Финляндии : линии, структуры, переломные моменты. М., 2008. С. 160.

⁸ Похлёбкин В. В. Указ. соч. С. 301.

- ⁹ См.: Зимняя война 1939—1940 гг. в документах НКВД : по материалам Архива Управления Федеральной службы безопасности РФ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области. СПб., 2010. С. 293.
- ¹⁰ *Вихавайнен Т.* Сталин и финны. СПб., 2000. С. 153.
- ¹¹ *Похлёбкин В. В.* Указ. соч. С. 304.
- ¹² См.: *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa, 1939—1940. Porvoo, 1959. Osa 2. S. 77.
- ¹³ *Похлёбкин В. В.* Указ. соч. С. 305.
- ¹⁴ *Вихавайнен Т.* Сталин и финны. С. 153.
- ¹⁵ О преобразовании Карельской Автономной Советской Социалистической Республики в Союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику : закон СССР от 31 марта 1940 г. // Советская Сибирь. 1940. № 81 (6150).
- ¹⁶ *Вихавайнен Т.* Сталин и финны. С. 153.
- ¹⁷ *Мейнандер Х.* Указ. соч. С. 162.
- ¹⁸ Финские холопы Гитлера — злейшие враги Советского Союза. Л., 1944. С. 12. (В помощь пропагандисту и агитатору).

ББК 63.3(2)6-27+85.103

Н. В. Аронина

РОССИЙСКАЯ ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ЭМИГРАЦИИ: ХУДОЖНИКИ И АРХИТЕКТОРЫ В ТУНИСЕ В XX ВЕКЕ

Тема эмиграции и особенностей адаптации русских в странах Африки в последние годы всё чаще становится предметом изучения исследователей. Особый интерес, на наш взгляд, представляет проблема поиска себя на чужбине, путей вживания в новую социальную среду представителей творческой интеллигенции.

Как известно, Африка не попадает в число наиболее популярных регионов поселения русских, в отличие от «классиче-

---

© Аронина Н. В., 2013

Аронина Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новой и новейшей истории Владимирского государственного университета им. А. Н. и Г. Н. Столетовых. natalya.aronina@mail.ru

ских» зон — Европы, США, Канады, Австралии. По своей численности русские колонии в Африке заметно уступали остальным: из 1,5—2 млн соотечественников, покинувших Россию в период Октябрьской революции и Гражданской войны, наибольшей по численности в Африке была колония русских в Тунисе (5,5 тыс. человек)¹.

Как справедливо указывает А. Н. Мосейко, эмигранты послереволюционной волны адаптировались на чужбине чаще всего по типу сепарации, то есть изоляции от местного общества. Они стремились в своей повседневной жизни сформировать анклавные зарубежной России с единым языком, культурой, бытовыми привычками и формами жизнеустройства. Для эмиграции же второй и третьей волн более приемлемой стала добровольная культурная ассимиляция в стране проживания, стремление освоиться в господствующей культуре повседневности, по возможности не выделяясь из нее².

Отметим, что искусство живописи стало особенно развиваться в Тунисе с конца XIX века (после установления в стране в 1881 г. французского протектората). В Тунис приезжало большое количество европейских художников, в первую очередь французских. Активно начали заниматься живописью и сами тунисцы³.

Самым известным русским, который стал для тунисцев национальным художником, является *Александр Александрович Рубцов*, приехавший в Тунис уже в 1914 г. на стажировку после учебы в Императорской Академии художеств. Африканская страна оказалась идеальным местом для творчества, местом, которому Рубцов был фанатично предан. Влюбившись в Тунис, он так и не вернулся на родину. Художник написал в Тунисе в общей сложности около трех тысяч холстов, полотен и рисунков. Так, им созданы монументальные полотна для здания Торговой палаты Туниса и здания, в котором теперь находится Посольство Франции. Кроме этого, Рубцов занимался иллюстрацией книг, рисовал для местных газет, исполнил рисунки тунисских почтовых марок. Он участвовал в создании Центра искусств г. Туниса. По его работам можно судить о быте и нравах жителей африканской страны, ее природе и архитектуре.

До конца 1917 г. Рубцов состоял в переписке с Российской академией художеств и регулярно посылал в Петербург фотогра-

фии своих работ. Но грянувшая революция так ошеломила художника, что он перестал общаться с соотечественниками и полностью ушел в творчество, стал настоящим отшельником. Известно, что Рубцов всячески игнорировал и русскую колонию⁴. О безразличии художника к деньгам и комфорту ходили легенды. Рубцова даже окрестили русским дервишем. В арендуемом полуподвале-студии он жил и творил до конца своих дней.

Сегодня Рубцов представлен в Музее г. Туниса, музее Карнавале в Париже, в других государственных и частных собраниях Франции. Только четыре ранние работы художника, созданные в 1909—1912 гг., хранятся в Эрмитаже и музее Академии художеств в Санкт-Петербурге. Основная часть его работ принадлежит Художественной ассоциации А. Рубцова во Франции. При Российском центре науки и культуры в г. Тунисе действует художественная школа им. А. А. Рубцова. Меценаты установили премию его имени. Периодически в Тунисе и Франции выходят работы, рассказывающие о его творчестве и жизненном пути. В последние годы появляются такие работы и в России⁵.

Основная же масса русских попала в Тунис в конце 1920-го — начале 1921 г. на борту кораблей Черноморской эскадры. Это были остатки сил генерала Врангеля, которые после поражения от Красной Армии покинули Севастополь. С согласия французских властей корабли бросили якоря в местной гавани. Сначала на кораблях, потом в лагерях, в казематах, в частных квартирах продолжала жить православная церковь. Значительную роль в жизни русских играли церковные праздники. Глава русской общины в Тунисе Анастасия Манштейн-Ширинская вспоминала: «По праздникам много людей приходили из окрестностей. Пасху ожидали, готовились, праздновали... с торжественностью. Еще в течение многих лет будут жить традиции. Так обычаи, перенесенные из другого века, из другого мира, приспособлялись к скромным условиям нашего существования. Организовался хор под управлением Веры Евгеньевны Зеленой... Привезенные в Тунис из России партитуры Гречанинова, Архангельского, Чеснокова находились в распоряжении в той или иной степени музыкально образованных дирижеров. Везде, где русские образовывались, зарождался хор: в тунисских городах, в лагерях, разбросанных по всей стране... Благодаря пению, русские люди, оказавшиеся в Африке,

обретали чувство собственного достоинства перед Богом»⁶. Отмечали в Тунисе и Дни русской культуры⁷.

На борту крейсера «Алмаз» в 1920 г. с Русской эскадрой попал в Бизерту инженер-строитель *Владимир Ефимович Лагодовский*. С 1929 г. он долгие годы работал в строительной фирме. В 1949 г. открыл свое архитектурно-строительное бюро, которое успешно существовало до 1982 г. За 30 лет работы в Тунисе Лагодовский построил много школ, больниц, банков, жилых домов и отелей. Русский эмигрант стал членом Строительной комиссии и главным инженером-строителем православного храма Воскресения Христова в Тунисе, возведенного в 1956 г.⁸

Эвакуировавшийся с Русской эскадрой живописец-любитель *Александр Викторович Лютенсков* был вынужден сначала перебиваться в Тунисе разными заработками, впоследствии — заняться предпринимательской деятельностью. Вместе с тем Лютенсков никогда не прекращал писать картины, делать иллюстрации к книгам. Кроме этого, он занимался благотворительной деятельностью в пользу русской колонии⁹.

В 1920—1925 гг. проживала в Тунисе живописец и график *Екатерина Ивановна Переверзева*, которая активно участвовала в выставках с портретами местных жителей и своих детей, пейзажами¹⁰.

Живописец *Наталья Николаевна Маркова* оказалась в Тунисе в 1927 г. Несколько лет она училась в Тунисском Центре обучения искусствам (позже был переименован в Тунисскую школу изящных искусств). В 1931 г. Маркова вышла замуж за упомянутого выше инженера В. Е. Лагодовского, писала пейзажи и жанровые сцены Туниса. С 1932 г. Наталья Николаевна постоянно участвовала в Тунисском салоне, выставлялась в Центре связи художников и любителей искусства г. Туниса, в местных салонах. Одна из ее работ экспонировалась на выставке «Антология тунисской живописи» и вошла в одноименный сборник. Кроме этого, Н. Н. Маркова преподавала живопись: сначала в своей студии, а затем организовала студию-ателье при русской православной церкви Воскресения Христова в г. Тунисе на авеню Мухаммеда V. Давая уроки живописи всем желающим, Маркова воспитала, таким образом, несколько поколений тунисских художников, представителей разных культур¹¹. Супруги стали за-

метными участниками культурной жизни русской и всей европейской колонии в Тунисе.

В 40-х гг. русская колония в Тунисе насчитывала около 900 человек¹². Она уже не была чуждым элементом для аборигенов, а «завоевала самое дружеское расположение туземного населения» и пользовалась большим уважением в стране¹³.

В 1946 г. получил работу в Министерстве градостроительства Туниса и переехал в эту страну архитектор, теоретик и практик градостроительства *Михаил Федорович Козмин*. Он занимался массовым жилищным строительством в Бизерте, которая была разрушена при бомбардировках 1942 г. Многоквартирные жилые дома, построенные им, сохранились до настоящего времени. Именно Козмин реставрировал пострадавшую от бомбардировки православную церковь Святого Александра Невского в Бизерте, которая была построена в 30-х гг. как памятник русской флотилии по проекту и под руководством военного инженера полковника *Николая Сергеевича Сухоржевского*¹⁴. Отметим, что небольшой пятиглавый храм был сооружен в стиле русских церквей XVII века (в традициях суздальских и вологодских земель) и стал единственным храмом-памятником Черноморской эскадры российского флота¹⁵. Как отмечал в своем докладе на конференции, посвященной судьбе Русской эскадры, профессор М. В. Шкаровский, фрески на стенах церкви, отдельные иконы и почти все храмовые украшения были выполнены самими прихожанами и членами клира, среди которых, в том числе, были и русские художники *А. Э. Ченегга* и *В. Н. Зверев*¹⁶. В росписи интерьера церкви участвовал и М. Козмин.

После признания Францией независимости Туниса (1956 г.) Михаил Козмин стал одним из архитекторов первого президента Туниса Хабаба Бургибы, который доверил ему строительство своей летней резиденции. Козмин трудился и для русской колонии. Им был разработан проект уже упомянутой нами церкви-памятника Воскресения Христова. В церковном здании и сегодня можно увидеть картины Михаила Федоровича «Памятник Петру I в Петербурге» и «Церковь Покрова Богородицы на Нерли». В 1962 г. Козмин завершил профессиональную карьеру в должности главного архитектора г. Туниса и уехал с женой в Париж¹⁷.

Надо отметить, что после обретения Тунисом независимости переезды эмигрантов в Европу, прежде всего во Францию, приобрели массовый характер. И сразу стала очевидной проблема нехватки высококвалифицированных специалистов в самых разных областях. В этих условиях тунисцы не могли не оценить нового притока представителей творческой интеллигенции, который пришелся на 60-е гг. XX века.

С 1963 г. проживала с мужем в Тунисе живописец, акварелист, художник-оформитель, а также мемуарист и поэт *Галина Александровна Махрова*, которая работала под псевдонимом *Галина́*. Всего в Тунисе ею было устроено около 10 персональных выставок. В 1970 г. она расписала фресками в византийском стиле русскую православную церковь в Гренобле¹⁸. В одном из своих интервью Галина Махрова замечала: «Я полюбила Тунис, который, как ни странно, напомнил мне Россию. Своими большими далями (неважно, снежные они или песчаные, морские), своим размахом... Я полюбила людей, живущих на этой земле»¹⁹. Одна из ее книг воспоминаний — «Мой Тунис» — посвящена художественной культуре Туниса, его природе и судьбам русских эмигрантов в стране²⁰. Пейзажи и портреты Махровой хранятся в ведущих галереях и музеях России, а также в частных коллекциях во Франции, России, Тунисе.

Как видим, представителям творческой интеллигенции удалось не только относительно быстро адаптироваться к новым реалиям жизни, найти себя и свой путь на чужбине, но и оставить заметный след в культуре Туниса. Хочется надеяться, что наследие упомянутых нами художников и архитекторов станет известно как можно более широкой аудитории.

Примечания

¹ *Крылова Н. Л.* Социокультурный аспект жизни русских соотечественников в Африке // Восток. 1999. № 6. С. 45.

² *Мосейко А. Н.* Культура повседневности русской эмиграции и ее место в культурном разнообразии мира : ст. 1 // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 154.

³ *Панова М.* Галина Махрова — художник русского зарубежья в Тунисе // Азия и Африка сегодня. 2008. № 12. С. 51.

- ⁴ *Попов В.* Русский Тунис. URL: <http://ricolor.org/rz/africa/tu/tr/> (дата обращения: 25.09.2012).
- ⁵ *Гадалина Н. О.* Александр Рубцов. Петербуржец в Тунисе. СПб., 2004 ; *Гадалина-Шома Н. О.* Александр Рубцов — тунисский художник эпохи французского протектората : проблемы изучения биографии и творчества // *Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья.* СПб., 2008. С. 122—128 ; *Панова М. А.* Русский художник, воспевший Тунис // *Восток.* 2005. № 5. С. 134—139.
- ⁶ Цит. по: *Сологубовский Н.* Блаженны изгнанные правды ради... : к 70-летию Храма Александра Невского, памятнику Русской Эскадры в Бизерте посвящается. URL: http://ricolor.org/rz/afrika/tu/tr/10_09_09/ (дата обращения: 17.11.2012).
- ⁷ См. подробнее: *Хохлова В. П.* А. С. Пушкин и российская диаспора «первой волны». URL: <http://www.tellur.ru/> (дата обращения: 15.09.2012).
- ⁸ *Панова М. А.* Архитекторы русской эмиграции первой волны в Тунисе // *Архитектурное наследие Русского зарубежья.* СПб., 2008. С. 302—303.
- ⁹ См. подробнее: Энциклопедический интернет-сайт «Искусство и архитектура Русского зарубежья». URL: <http://www.artzr.ru> (дата обращения: 25.09.2012). Данный сайт представляет собой уникальный свод сведений о деятельности художников и архитекторов Русского зарубежья, собранных многими исследователями за последние два десятилетия.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ См.: *Панова М.* Галина Махрова... С. 72.
- ¹² *Крылова Н. Л.* Детство между бараками и церковью. : из тунисских воспоминаний Никиты Шполянского // *Восточный архив.* 2012. № 1 (25). С. 63.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Панова М. А.* Архитекторы русской эмиграции... С. 298—299.
- ¹⁵ *Шкаровский М. В.* Русские церковные общины в Тунисе. URL: <http://www.spbda.ru/news/a-666.html> (дата обращения: 12.11.2012).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Панова М. А.* Архитекторы русской эмиграции... С. 300—301.
- ¹⁸ *Панова М.* Галина Махрова... С. 52.
- ¹⁹ Там же. С. 51.
- ²⁰ *Махрова Г. А.* Мой Тунис. М., 2002.

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

ББК 63.3(2)534-283.2

И. Н. Матвиевский

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПРОВИНЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Начало войны сопровождалось подъемом патриотических настроений, охвативших все слои общества. Не остались в стороне от этих событий и представители наиболее образованного и социально активного слоя российского общества — интеллигенции, в том числе той ее части, которая придерживалась либеральных взглядов. Среди либеральной общественности в этот период господствовало мнение о необходимости единения общества и государства для победы над внешним врагом и отказа на время от политического противостояния с правительством. Отражением такой позиции стало воззвание, обнародованное в связи с началом войны крупнейшей российской либеральной партией того времени — конституционно-демократической¹. В воззвании содержался призыв отложить все внутренние споры и разногласия ради победы. Аналогичную позицию заняли и представители октябристов и прогрессистов.

© Матвиевский И. Н., 2013

Матвиевский Илья Николаевич — аспирант кафедры истории России Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. istclass@rambler.ru

Партия «Народной Свободы» пользовалась, в сравнении с другими российскими либеральными партиями тех лет, наибольшей популярностью и влиянием среди интеллигенции. Именно российской интеллигенции, в особенности тем ее представителям, которые работали в земствах, принадлежит главная заслуга в создании общероссийских организаций, сосредоточившихся на военно-санитарной и благотворительной деятельности. 30 июля 1914 года был создан «Всероссийский земский союз помощи раненым», 9 августа — «Всероссийский союз городов». С этого времени основное внимание в своей деятельности либералы, и в первую очередь кадеты, уделяют работе в этих организациях и их филиалах, возникших по всей России.

Основой для создания организаций стали органы земского и городского самоуправления, в которых весьма значительным влиянием пользовались представители либеральной интеллигенции. Так, инициатива в организации Всероссийского земского союза принадлежала московскому земству, в котором были сильны позиции сторонников конституционно-демократической партии. На призыв московского земства откликнулись земские организации по всей стране, в том числе и костромское губернское земство. Примкнув к союзу, костромское губернское земство выделило в его распоряжение 100 тыс. рублей, в Костроме было организовано бюро по сбору пожертвований и организации труда. В качестве местного органа Всероссийского земского союза губернская земская управа организовала губернский земский комитет. В конце августа в Костроме состоялся общегубернский съезд городских голов, на котором было решено присоединиться к «Всероссийскому городскому союзу помощи больным и раненым воинам»².

Вскоре (31 августа 1914 года) в Костроме было образовано «Общество помощи семьям воинов», насчитывавшее в октябре более десятка отделов по губернии. Деятельность этих общественных объединений с первых месяцев войны выражалась в привлечении пожертвований, выдаче пособий нуждающимся семьям военнослужащих, помощи беженцам.

В марте 1915 года сформированный костромским земством врачебно-питательный отряд, в составе 4 врачей, 2 фельдшеров, 12 сестер милосердия, 75 санитаров и 50 человек наемной прислуги, отбыл из Костромы на фронт.

Некоторые видные костромские либералы не ограничивали свою общественную деятельность работой в пределах губернии. В ноябре 1914 года депутат Государственной думы от Костромской губернии, член кадетской фракции П. В. Герасимов выехал на северо-западный фронт в качестве уполномоченного общеземской организации. В этом же месяце, другой известный костромской общественный деятель и кадет, депутат первой Государственной думы П. А. Сафонов выезжает на театр военных действий — в Галицию. Там он работал в составе Красного Креста по устройству питательных пунктов. Позднее, в феврале 1915 года деятельность П. В. Герасимова была оценена государственной наградой — орденом св. Станислава 2-й степени с мечами³. Не обошлось и без потерь. Один из лидеров костромских кадетов, гласный городской думы В. А. Висконт скончался в августе 1915 года на фронте, куда прибыл в составе санитарного отряда биржевого комитета.

Таким образом, уже в первые месяцы войны костромская общественность включилась в общероссийское движение в помощь фронту. Как и в других губерниях, местная либеральная интеллигенция, широко представленная в земствах и городском самоуправлении, приняла активное участие в работе возникших общественных организаций, занимающихся помощью фронту и населению.

Бурная деятельность костромских земцев не осталась без внимания местных властей. Вот как ее характеризует начальник Костромского жандармского управления в своем донесении за 1915 год: «Снаряжение полевых подвижных перевязочных пунктов, отправка их на театр военных действий, забота о прибывающих раненых и устройство их, а также и семейств ушедших на войну, заботы об устройстве беженцев — все это нашло широкий отклик в среде Костромского земства и получило от него несомненную поддержку»⁴.

Общественная активность в годы войны проявлялась и через хозяйственную кооперацию. Кооперативное движение в России находилось в годы войны на подъеме, не была исключением и Костромская губерния. По числу объединенных в «Московском союзе потребительских обществ» она занимала шестое место, вместе с Рязанской. На январь 1915 года в Московском союзе, из числа обществ с потребительскими лавками, всего их насчитывалось более 150, из Костромской губернии было 44. Из донесений

начальника Костромского жандармского управления от 27 октября 1915 года видно, что в губернии «замечается особо усилившееся движение в смысле разрешения деятельности уже существующих кооперативов и потребительских обществ и к созданию новых... в прошлом году кооперативных организаций в губернии было 535, а в текущем году их уже 670, причем общее число членов в них определяется приблизительно в 100 тысяч человек»⁵.

Руководство кадетской партии придавало кооперативному движению не меньшее значение, чем земскому и городскому самоуправлению. На состоявшемся 11—15 июня 1915 года совещании Союза городов кооперативы были уравнены с земскими городскими органами самоуправления. С целью укрепления правовой базы кооперативного движения кадеты через свою фракцию в Государственной думе развернули широкую кампанию вокруг обсуждения проекта кооперативного закона, суть которого заключалась в освобождении кооперативных объединений от административных пут. В ходе этой кампании от кооперативных обществ депутатам Государственной думы поступали обращения с требованиями принятия кооперативного закона. Так, в июле 1915 года всем членам Государственной думы от Костромской губернии, по предложению губернской кассы мелкого кредита, было отправлено обращение с призывом поддержать проведение общекрепостного закона, который будет внесен в Государственную думу⁶.

В том же 1915 году прошел ряд съездов деятелей кооперативного движения в Москве, Твери, Перми, Чите, Одессе, Ростове-на-Дону и в Костроме. Их участники не ограничивались только обсуждением кооперативных дел, на съездах поднимались общеполитические вопросы государственной жизни, раздавалась критика в адрес властей.

В Костроме губернский кооперативный съезд прошел (как сообщает местная пресса, с большим успехом) в двадцатых числах августа 1915 года. Открывал его председатель Центрального сельскохозяйственного общества (где были сильны позиции кадетов) А. И. Зимин. На съезде выступил с докладом известный российский деятель кооперативного движения В. А. Кильчевский. Он упрекал правительство за препятствия, чинимые общественной инициативе. Война, по мнению Кильчевского, обнаружила

отсталость страны, в том числе в вопросе просвещения и народного образования. Оратор проводил мысль о том, что благоприятный исход войны напрямую зависит от скорейшего предоставления народу гражданских прав и свобод, к чему он и призывал правительство. Окончание речи Кильчевского сопровождалось взрывом «продолжительных и бурных аплодисментов». На съезде единогласно было принято решение о создании губернского кооперативного комитета, а закончился он отправкой телеграммы Государственной думе. В ней участники костромского губернского кооперативного съезда высказывались в поддержку идеи правительства народного доверия и призывали Думу незамедлительно осуществить политическую амнистию, общеккооперативный закон и утвердить гражданские свободы⁷.

В течение 1915 года произошли серьезные изменения в общественных настроениях. Эйфория первых месяцев войны прошла. Военные неудачи русской армии, сопровождавшиеся потерей обширных территорий на западе страны, все возрастающие людские потери, обострившиеся экономические проблемы развеяли иллюзии о легкой и скорой победе. Пришло осознание того, что война будет долгой и кровопролитной. На этом фоне призывы к единению народа с правительством, раздававшиеся в начале войны в оппозиционных кругах, сменяются все возрастающей критикой существующей власти. В Костроме в это время наблюдается стремительный рост цен, в первую очередь на продовольствие. «Вопрос о борьбе с дороговизной занял в жизни населения доминирующее положение...»⁸ Ситуация усугублялась наплывом в губернию беженцев из оккупированных противником западных областей. Всё это вело к постепенному росту недовольства среди населения. Вот как характеризует ситуацию начальник Костромского жандармского управления: «К местным властям и высшей правительственной власти и крестьянство, и рабочие относятся сдержанно. Что же касается отношения этих масс к Священной Особе Государя Императора, то в той бережности, которая здесь наблюдалась до сего времени, к сожалению, заметен некоторый сдвиг...»⁹. Ожесточенные нападки со стороны населения вызывало «неумение правительства распорядиться громадными запасами продуктов первой необходимости, находящимися в стране»¹⁰.

Уже летом 1915 года ситуация в Костроме резко обостряется, 2 июня начинается забастовка на Большой Костромской льняной мануфактуре. Рабочие выступили против произвола администрации и роста цен на продукты первой необходимости. Директор фабрики и по совместительству городской голова — В. А. Шевалдышев категорически отказался выполнять требования рабочих (увеличения зарплаты, выплаты квартирных денег и др.). Это привело к разрастанию стачки, в том числе и на другие фабрики. 5 июня многотысячная демонстрация стачечников вступила в столкновения со стражниками и была расстреляна, в результате чего погибло четверо рабочих¹¹.

Эти трагические события имели громкий общественный резонанс в масштабах страны и дали толчок протестному движению в Иваново-Вознесенске, Вятке и других городах. Уже 1 августа 1915 года, 32 члена Государственной думы, в том числе и лидер конституционно-демократической партии П. Н. Милуков, направили в Думу запрос по поводу расстрела рабочих в Костроме, в котором эти события были поставлены в один ряд с «кровавым» воскресеньем 9 января 1905 года в Санкт-Петербурге¹². Кровавое воскресенье в Костроме, расстрел бастующих рабочих в Иваново-Вознесенске (в августе 1915 года), рост рабочего движения по России — всё это в значительной мере способствовало складыванию в Государственной думе «Прогрессивного блока» и сближению оппозиционных сил на фоне усиливающихся антиправительственных настроений.

Всё громче звучит критика в адрес властей, на которые возлагается ответственность за военные неудачи и тяжелое положение страны. Требование ответственного перед Государственной думой правительства, ставшее в это время главным лозунгом российских либералов, неоднократно звучало на выступлениях костромских земцев. Так, на чрезвычайном собрании земства Костромского уезда, проходившем в первых числах сентября 1915 года, была принята резолюция в поддержку создания «министерства народного доверия», ответственного перед Государственной думой¹³. Была принята и другая резолюция, требующая политической амнистии.

Местное городское самоуправление, в лице Костромской думы, также поддержало идею ответственного министерства, в

связи с чем была принята соответствующая резолюция. В этих событиях просматривается координация усилий центральных органов оппозиции в столице с выступлениями в провинции, с целью распространения протестных настроений в преддверии образования «Прогрессивного блока» в Государственной думе.

Крупнейшая и наиболее оппозиционно настроенная по отношению к государственной власти либеральная партия — кадеты играли большую роль в охватившем страну общественном движении. Это позволяло, несмотря на отсутствие у партии легального статуса, вести активную общественную работу, завоевывая симпатии населения. На заседании кадетского ЦК, 9 июня 1915 года А. И. Шингарев признал, что «партия и не нуждается в легализации: сейчас много кадетов свободно работают в земском и городском союзах и т. п. ... Легализация общественной работы наступает сама собой»¹⁴.

К этому времени костромское отделение партии «Народной Свободы» находилось на полулегальном положении и насчитывало 10 человек, периодически устраивавших собрания на квартирах¹⁵. Во главе организации стоял присяжный поверенный, депутат первой Государственной думы Н. А. Огородников. Партия сохраняла сильное влияние среди костромской интеллигенции, свидетельством чего является произошедший после февраля 1917 года наплыв новых членов в костромской комитет конституционно-демократической партии. К началу 1918 года в костромском отделении партии состояло 430 человек (всего по губернии к этому времени насчитывалось 973 члена). Ряды партии в Костромской губернии пополнились, главным образом, за счет представителей интеллигенции¹⁶.

Изучая опыт российской провинции в годы Первой мировой войны, можно видеть, что либеральная интеллигенция принимала активное участие в общественной работе, направленной на оказание помощи фронту и населению. В Костромской губернии, как и в других регионах страны, интеллигенция была широко представлена в губернском комитете по оказанию помощи больным и раненым воинам, кооперативном движении, в благотворительных организациях. Особенно энергично в этом направлении работали сторонники конституционно-демократической

партии. Столь бурная деятельность объяснялась не только патриотическими мотивами, но и определенным политическим расчетом. Кадеты в центре и на местах, посредством работы в возникших с началом войны общественных организациях, стремились расширить свое влияние на общество, заручиться его поддержкой в давлении на правительство. Проводниками этого курса становились представители либеральной интеллигенции, игравшей ключевую роль в земском и городском самоуправлении, кооперативном движении, общественных организациях.

В условиях мировой войны, когда государству всё сложнее было справляться с возникшими перед ним проблемами, возглавляемые либералами общественные организации демонстрировали свою эффективность. Это, с одной стороны, способствовало росту влияния либералов, а с другой — ослабляло позиции правящего режима.

Примечания

- ¹ Костромская жизнь. 1914. 24 июля.
- ² Там же.
- ³ Поволжский вестник. 1915. 13 февр.
- ⁴ Государственный архив РФ (далее — ГАРФ). Ф. 102. Оп. 1915. Д. 167. Л. 11.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Поволжский вестник. 1915. 18 июля.
- ⁷ Там же. 25 авг.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1915. Д. 167. Л. 11.
- ⁹ Там же. Л. 12.
- ¹⁰ Там же. Л. 14.
- ¹¹ *Белова Т. В.* Стачное движение в губерниях Верхнего Поволжья в годы первой мировой войны (19 июля 1914 — февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1993. С. 97—98.
- ¹² Там же.
- ¹³ Поволжский вестник. 1915. 3 сент.
- ¹⁴ Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии : в 6 т. М., 1998. Т. 3. С. 98.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1915. Д. 27. Л. 1—6.
- ¹⁶ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 130. Л. 4.

М. В. Чугунов

**ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ФИНЛЯНДИИ
В 30-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 40-х ГОДОВ
НА СОВЕТСКО-ФИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ**

Тридцатые годы двадцатого столетия в Европе — время наиболее острого противостояния между двумя идеологиями: социализмом и фашизмом (национал-социализмом). Это противостояние, хоть и со своими особенностями, не обошло стороной и Финляндию. В целом, для общественно-политической жизни страны конца 20—30-х гг. была характерна жесткая идеологическая борьба между коммунистами, с одной стороны, и антикоммунистами — с другой. В странах Восточной Европы (Польша, Латвия, Литва, Эстония) страх перед коммунистами привел к отказу от демократии в пользу различного рода консервативных правых диктатур¹. Финляндия также оказалась охваченной страхом перед коммунизмом, причиной чему послужил трагический опыт недавней гражданской войны 1918 года, а также тесные контакты крайне левых с Москвой². Не будет преувеличением сказать, что в финляндском обществе господствовали антикоммунистические настроения, чрезвычайно широко распространенные как в буржуазных партиях, так и среди широких народных масс.

В этом отношении Финляндия значительным образом отличалась от таких европейских стран, как, например, Франция или Испания. В этих странах, непосредственно столкнувшихся с фашистской угрозой, значительную роль играли так называемые «народные фронты» — политические союзы, создаваемые левыми и левоцентристскими силами. Главной задачей народных фронтов была организация народных масс для противодействия фашизму и иным реакционным силам, выступления против войны, а также защита прав трудящихся и борьба за мир, демокра-

---

© Чугунов М. В., 2013

Чугунов Максим Владимирович — аспирант кафедры истории России Ивановского государственного университета. andaer87@mail.ru

тию и социальный прогресс³. Политика народного фронта в европейском духе проявилась в Финляндии лишь в отправке добровольцев в Испанию на помощь республиканскому правительству. Однако справедливости ради надо отметить, что финские добровольцы сражались также и на стороне франкистов, что было вызвано негативным отношением к Коминтерну и антикоммунистическими настроениями, господствовавшими во многих слоях финского общества⁴.

В Финляндии же идея народного фронта не получила широкого распространения в том числе и в среде левоцентристских партий. По сути, интерес к ней проявляли, главным образом, представители крайне левых сил, тесно связанных, как было отмечено выше, с Советским Союзом. В свою очередь, представители левых и центристских сил (Социал-демократическая партия Финляндии и Аграрный союз) образовали коалицию, сформировавшую так называемое «красноземельное» правительство, которое, в отличие от коммунистов, не проявляло особых симпатий к Москве⁵.

Причиной принципиально разного подхода среди представителей левых сил страны был наметившийся еще в 1922 году раскол в левом лагере. Коммунисты, сохранявшие тесные связи с советским руководством, разошлись во взглядах с социал-демократами, пропагандировавшими путь к социализму через реформы и отвергавшими идею мировой пролетарской революции⁶.

Этот раскол имел огромное значение для общественно-политической жизни Финляндии вплоть до середины 40-х гг. Умеренные левые находились в гораздо более выгодном положении по сравнению с коммунистами. Это выражалось, в частности, в возможности оказывать значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны. Представители левоцентристских сил занимали высшие государственные посты. В качестве примера приведем членов Социал-демократической партии В. Таннера и В. Войонмаа, а также представителя Аграрного союза — У. К. Кекконена.

Необходимо отметить, что в Советском Союзе с большой настороженностью относились к финской социал-демократии. Руководство социал-демократов, по мнению представителей советской политической элиты, было «органической частью буржу-

азного государства», являвшейся «ударным отрядом крупной буржуазии по укреплению ее диктатуры»⁷. Кроме того, социал-демократы, находясь у власти, с точки зрения советской стороны, не только не способствовали уменьшению влияния крайне правых в стране, но даже усиливали их, укрепляя позиции шюцкора и революционного движения⁸. В данном случае, не будет преувеличением сказать, что интересы умеренных левых и крайне правых по обузданию влияния коммунистов полностью совпадали. Впрочем, данное положение сформировалось в Финляндии еще в 1918 году, во времена гражданской войны, когда буржуазная демократия объединилась с крайне правыми, чтобы нанести поражение красным⁹.

Подобное отношение советского руководства было в определенной степени оправданным, особенно учитывая тот факт, что, в отличие от оказывающих значительное влияние на формирование политики страны левоцентристских сил, Коммунистическая партия Финляндии была объявлена судом вне закона еще в 1923 году и была вынуждена перейти на нелегальное положение. В том же году была распущена Социалистическая рабочая партия Финляндии, состоявшая из бывших членов Социал-демократической партии, сочувствовавших Советской России. Ее члены, включая депутатов финляндского сейма, были арестованы, а печатные органы закрыты¹⁰.

Интересна в этом отношении реакция представителей Социал-демократической партии относительно распоряжений правительства, касающихся закрытия левых газет и типографий. Так, лидер социал-демократов Вяйнё Таннер заявил, что члены его партии полагают, что «правительство не имело другого выхода — не могло же оно послать военных для защиты коммунистических типографий»¹¹.

Помимо всего вышесказанного, необходимо добавить, что арестам подвергались члены Коммунистической партии и видные деятели рабочего движения, а с началом Второй мировой войны в заключении мог оказаться любой гражданин, которого финляндские власти заподозрили бы в «сочувствии коммунизму»¹².

Помимо сложностей, связанных с репрессивной деятельностью властных кругов, финские коммунисты также сталкивались с проблемами в своей борьбе против националистической пропа-

ганды. Необходимо отметить, что за десятилетний срок, с момента обретения Финляндией независимости, шовинистические взгляды в стране успели пустить довольно глубокие корни¹³.

Столь суровые меры по отношению к представителям крайне левых сил были обусловлены, как было сказано выше, главным образом, тяжелым опытом гражданской войны и очень близкими контактами финских коммунистов со своими советскими единомышленниками. В крайне левых финские власти видели пятую колонну Советского Союза, целью которых являлось то, что представителям красных не удалось сделать во время гражданской войны, а именно — советизация Финляндии.

Помимо властных структур Финляндии, большевистские идеи не пользовались популярностью также и среди представителей культурной элиты страны. В Финляндии 30—40-х гг. господствовал немецкий гегельянский взгляд на культуру, находившийся в явном противоречии с либеральными течениями, характерными для Великобритании, Франции и Веймарской Германии¹⁴. Однако говорить о том, что какой-либо одной стране принадлежало доминирующее влияние на культуру Финляндии, было бы несправедливо. Так, известный финский историк, профессор Юхани Паасивирта отмечал, что «Западная Европа являлась для финнов, в какой-то мере, всё же чуждой в 30-е годы, поскольку с ней в мировоззрении и идейных позициях основной части финского населения не много было общего»¹⁵.

Тимо Вихавайнен считает, что термин «романтическая антибуржуазность» лучше всего характеризует общественно-политическую жизнь Финляндии 30-х гг. двадцатого столетия. Исследователь полагает, что эта «романтическая антибуржуазность» была присуща представителям как правого, так и левого крыла в равной мере. Хотя и правый и левый радикализм был одинаково неприемлем, многие в Финляндии все же предпочитали именно его «бездуховной» мелкобуржуазности¹⁶. В этом отношении Финляндия 30-х гг. была в большей степени похожа на европейские страны с господствовавшими тоталитарными идеологиями, такие как Германия и Италия, чем на страны с либерально-демократическим устройством — Великобританию, Францию, страны Скандинавии, на которые Финляндия ориентировалась в своей внешней политике.

При этом необходимо отметить, что отношение к «культурному большевизму» в среде представителей культурной элиты страны было крайне негативным, более того, сталинская система для этих людей была страшнее гитлеровской. Причина этого заключалась в том, что Финляндия в 30-е гг., в отличие от ряда других европейских стран, ощущала угрозу не со стороны гитлеровской Германии, а со стороны своего восточного соседа — Советского Союза¹⁷ (в этом также кроется причина низкой популярности идеи народного фронта по сравнению с другими европейскими странами).

Исключение из правила составляли немногочисленные представители творческой элиты, придерживавшиеся левых взглядов, среди которых особо выделяются известные писатели — Хелла Вуолийоки и Рауль Палмгрэн¹⁸. Необходимо отметить также, что эти люди играли большую роль в советско-финских межгосударственных отношениях. Так, Х. Вуолийоки, пользовавшаяся значительным доверием советской стороны, принимала участие в возобновлении переговоров между СССР и Финляндией в 1938 году, вместе с другими представителями финской военной и художественной интеллигенции¹⁹. Кроме того, она также играла важнейшую роль в финно-советской торговле²⁰. Однако данный пример является скорее исключением из правила, и влияние левых на внешнюю и внутреннюю политику страны, в целом, было крайне невелико.

Влияние правых на общественно-политическую жизнь Финляндии было гораздо более значительным. По словам историка Тимо Вихавайнена, финское общество в указанный период было аграрным, националистическим и консервативным²¹. Кроме того, в Финляндии 30—40-х гг. сложились благоприятные условия для распространения ультраправых идей. Основной базой для их развития были финская аристократия, крупная буржуазия, землевладельцы и, особенно, студенчество²². Кроме того, симпатии лютеранской церкви и консервативного крестьянства также находились на стороне крайне правых. Фашистские идеи были распространены и в кругах финской интеллигенции, однако явных нацистов среди них было немного²³.

В целом, для Финляндии 30-х гг. XX века было характерно крайне негативное отношение к своему восточному соседу. Из-

вестный финский политик, профессор Кейо Корхонен писал, что в это время в стране царил небывалая враждебность по отношению к Советскому Союзу. Причем эта ненависть была отчасти классовой враждой, а отчасти исторически антирусской²⁴. Антисоветская внешняя политика, таким образом, представлялась в качестве продолжения антирусских и антицаристских традиций освободительной борьбы финского народа против российского самодержавия²⁵.

Главной причиной столь активной антисоветской и антикоммунистической деятельности в правых кругах Финляндии было опасение влияния первого социалистического государства на финляндских рабочих, что было особенно актуально, учитывая трагический опыт недавней гражданской войны в Финляндии и активность левых организаций в стране, а также их тесные контакты с Москвой²⁶. Финляндия в правых кругах рассматривалась как форпост Запада, а финны — как народ, которому предопределено быть «защитником западного мира»²⁷. Миф об «опасности коммунизма», созданный на базе мифа о «русской опасности», получил большое распространение в Финляндии 20—30-х гг. и стал своего рода теоретической основой антисоветской внешней политики²⁸. Нельзя не отметить также, что подобные настроения в финском обществе усиленно подогревались извне²⁹.

Помимо массированной антисоветской и антикоммунистической пропаганды, в Финляндии в указанный период шла активная работа по воспитанию нового поколения финнов в духе захватнической, архинационалистической, шовинистической, антисоветской и антикоммунистической идеологии³⁰. Главными источниками антирусского шовинизма и антисоветской пропаганды финской буржуазии были: во-первых, страх перед влиянием Советского государства на трудящихся Финляндии и, во-вторых, стремление идеологически подготовить финский народ для участия в военных авантюрах, итогом которых должно было стать создание «Великой Финляндии»³¹. Для этого, пишет О. Вильми, было создано несколько различных организаций: «Академическое карельское общество», «Союз освобождения Ингерманландии», «Союз независимости» и другие, целью которых являлась пропаганда ненависти по отношению к Советскому государству, а мысль о создании «Великой Финляндии

получила бессмысленный размах»³². Результатом данной политики, по словам финского политического деятеля Фрича, стало то, что поколение, достигшее в 30-е гг. зрелого возраста, знало о русских только одно плохое³³.

Подводя итоги, отметим, что для Финляндии 30—40-х гг. была характерна жесткая идеологическая борьба между коммунистами, с одной стороны, и антикоммунистами — с другой. Это противостояние, начавшееся еще в годы гражданской войны 1918 года, в значительной степени определяло общественно-политическую жизнь страны в указанный исторический период. Несмотря на факт поражения левых сил в гражданской войне и многочисленные репрессивные меры, предпринимаемые против них государственным аппаратом, рабочее движение представляло собой силу, с которой приходилось считаться. Неудивительно, что деятельность Академического Карельского общества и Лапуаского движения была в значительной степени посвящена борьбе с представителями левых сил, которые, оказавшись в подполье, тем не менее, не прекратили своей борьбы.

Жесткое идеологическое противостояние между правыми и левыми в Финляндии, сопровождавшееся разгулом антикоммунистических и антисоветских сил, безусловно, не способствовала улучшению советско-финских отношений. В глазах советского руководства Финляндия была враждебным государством, внешняя и внутренняя политика которого во многом определялась антисоветскими силами, делающими ставку в своей восточной политике на противостояние с Советским Союзом. Данный курс, являвшийся в значительной степени близоруким, в итоге привел страну к двум вооруженным конфликтам с Советским Союзом, которые наглядно показали, что подобная политика была ошибочной и не соответствующей интересам финского народа.

Примечания

¹ *Мейнандер Х.* История Финляндии : линии, структуры, переломные моменты. М., 2008. С. 143.

² Там же.

³ Народный фронт // Советская историческая энциклопедия. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/11797/НАРОДНЫЙ>.

⁴ *Вихавайнен Т.* Сталин и финны. СПб., 2000. С. 93.

- ⁵ Там же.
- ⁶ *Мейнандер Х.* Указ. соч. С. 141.
- ⁷ *Вильми О.* Фашизм в Финляндии. Л., 1931. С. 44.
- ⁸ *Спекке Б.* Финляндский фашизм : (Лапуаское движение в Финляндии). Л., 1931. С. 63.
- ⁹ Там же. С. 62.
- ¹⁰ *Похлёбкин В. В.* СССР — Финляндия : 260 лет отношений, 1713—1973. М., 1975. С. 270.
- ¹¹ См.: *Спекке Б.* Указ. соч. С. 71.
- ¹² *Парккари Н.* Это было в Финляндии, 1940—1944. Петрозаводск, 1959. С. 6.
- ¹³ *Похлёбкин В. В.* Указ. соч. С. 273.
- ¹⁴ *Вихавайнен Т.* Указ. соч. С. 93.
- ¹⁵ Цит. по: *Барышников В. Н.* От прохладного мира к Зимней войне : восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 131.
- ¹⁶ *Вихавайнен Т.* Указ. соч. С. 96.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Таннер В.* Зимняя война : дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии, 1939—1940. М., 2003. С. 13.
- ²⁰ *Войонмаа В.* Дипломатическая почта. М., 1984. С. 16.
- ²¹ *Вихавайнен Т.* Указ. соч. С. 96.
- ²² Зимняя война 1939—1940 гг. в документах НКВД : по материалам Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области. СПб., 2010. С. 60.
- ²³ *Вихавайнен Т.* Указ. соч. С. 96.
- ²⁴ Цит. по: *Барышников В. Н.* Указ. соч. С. 99.
- ²⁵ *Похлёбкин В. В.* Указ. соч. С. 271.
- ²⁶ *Мейнандер Х.* Указ. соч. С. 144.
- ²⁷ *Фёдоров В. Г.* Советский Союз и Финляндия : добрососедство и сотрудничество. М., 1988. С. 42.
- ²⁸ *Похлёбкин В. В.* Указ. соч. С. 271.
- ²⁹ *Галин А.* Международный характер финляндских событий. М., 1940. С. 5.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Барышников Н. И.* Коренные изменения во взаимоотношениях между Советским Союзом и Финляндией в послевоенные годы (1944—1962 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1962. С. 6.
- ³² *Вильми О.* Указ. соч. С. 58.
- ³³ *Frietsch O.* Suomen kohtalon vuodet. Helsinki, 1945. S. 24.

А. В. Лысенков

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА УКРАИНЫ В ВОСПРИЯТИИ УКРАИНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА

Внешняя политика «оранжевых» во главе с президентом В. Ющенко (2005—2010 гг.) четко разграничила западное направление от восточного. Однозначным ведущим приоритетом Украины стала западная интеграция в НАТО и ЕС. Аналогично именно при В. Ющенко произошла заметная поляризация в среде украинской интеллигенции по внешнеполитическим вопросам. Это выразилось в оформлении ее двух основных течений — последовательных сторонников внешнеполитического курса В. Ющенко (в связи с этим их можно условно назвать «оранжевой» интеллигенцией) и его последовательных противников¹. Примечательно и то, что ряды обоих течений оказывались во многом схожими по составу, когда речь шла о внутренних вопросах. То есть сторонники внешней политики президента одновременно поддерживали его гуманитарный курс, и наоборот.

У сторонников В. Ющенко организационное оформление было значительнее, чем у его противников. В Украине ведущими всеукраинскими организациями, разделяющими внешнеполитические идеи «оранжевых» (равно как и внутривнутриполитические, особенно гуманитарные), выступали Конгресс украинской интеллигенции (объединяет интеллигенцию всех регионов страны) и Украинский всемирный координационный совет («зонтик» всех украинских общественных организаций в Украине и в мире).

Еще больший «вес» сторонникам внешнеполитического курса В. Ющенко в организационном плане придавал факт сильной поддержки президента со стороны «всемирного украинства» — украинской диаспоры. Здесь самыми политически активными

© Лысенков А. В., 2013

Лысенков Александр Валерьевич — аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. kunstkamera2009@yandex.ru

неправительственными организациями являлись Всемирный конгресс украинцев (ВКУ, «зонтик» всех украинских диаспор), Украинский конгрессовый комитет Америки (УККА) и Украинский национальный союз (представляют интересы украинцев в США и Канаде). Более того, эти организации имеют собственные органы периодической печати: еженедельники «Свобода» (с 1893 г., на украинском языке) и «Юкрейниэн Уикли» (с 1932 г., на английском языке).

Организационное оформление украинских интеллектуалов-противников политики В. Ющенко в период его президентства, как и ранее при Л. Кучме, являлось довольно слабым. Существовали региональные группы интеллектуалов в Одессе, Днепропетровске, Харькове, Киеве, Донецке, в Крыму. Однако они были разрознены даже в рамках одного региона, не имели каких-либо организаций и не позиционировали себя в качестве интеллигенции как таковой. Отсутствовали и коллективные заявления этих групп, поэтому их не было слышно как единого голоса.

В то же время два выделенных нами течения украинской интеллигенции имели важное сходство, которое однозначно демонстрировало их существование. Это открытые коллективные письма и обращения представителей интеллигенции Украины — наиболее яркая форма группового обсуждения внешней политики Украины в обществе. Их подавляющее большинство было адресовано президенту В. Ющенко.

В период пребывания у власти «оранжевых» украинские интеллектуалы как никогда ранее стали заявлять о себе в полный голос на уровне всего государства именно коллективно.

Непосредственным поводом к тому или иному обращению обычно служили наиболее актуальные внешнеполитические вопросы, либо шаги международных партнеров по отношению к Украине. Общей чертой этих документов выступало и то, что среди подписавшихся всегда присутствовали представители творческой интеллигенции, а также (несколько реже) педагогической и академической. В числе первых — известные украинские писатели, поэты, режиссеры, композиторы, художники, актеры и др. Это в очередной раз показывает высокую заинтересованность практически всех слоев украинской интеллигенции во внешнеполитических делах государства, а не только профессиональных

экспертов по международным делам (зачастую связанных с различными политическими силами) или политиков.

Интеллектуалы-противники внешней политики В. Ющенко на протяжении его президентства индивидуально рассуждали о максимально широком спектре актуальных международных вопросов применительно к Украине (западный и восточный векторы, международная интеграция, постсоветское пространство, Россия и др.). Ими критиковался внешнеполитический курс В. Ющенко в целом и порой жестко. Многочисленные оценки сводились к резкому неприятию возможного членства Украины в НАТО и серьезным недостаткам Евросоюза². Однако в коллективном плане они оказались пассивны и снова заметно проигрывали его сторонникам — количественно и качественно. Объектом их коллективного обсуждения стало только постсоветское направление внешней политики Украины, включая отношения с Россией. Темы о НАТО или ЕС здесь полностью выпали. Более того, из шести наиболее крупных писем этого течения только одно было всецело посвящено внешней политике, остальные — внутренним гуманитарным вопросам. Хотя в них гуманитарная политика В. Ющенко и связывалась с проблемами взаимоотношений с РФ, но это было сделано лишь косвенно.

В данном контексте наиболее красноречивым стало «Открытое письмо политических и общественных деятелей Украины» от 12 сентября 2008 г. в связи с военными событиями в Южной Осетии³. Оно было адресовано президенту В. Ющенко, премьер-министру Ю. Тимошенко, а также Председателю Верховной рады А. Яценюку. В письме содержался призыв к украинскому руководству прекратить втягивать Украину в грузино-осетино-российский конфликт на стороне агрессора и осудить режим М. Саакашвили. Не был обойден критикой и министр иностранных дел В. Огрызко. Согласно письму, руководство МИД Украины заняло откровенно прогрузинскую позицию, которая ошибочно преподносилась им как позиция всей страны. По мнению представителей интеллигенции, втягивание граждан Украины в этот международный скандал на стороне его зачинщика могло обернуться тяжелейшими последствиями для украинского народа. Тем самым украинские интеллектуалы, по сути, коллективно осудили не только действия М. Саакашвили, но и позицию Ук-

раины по Грузии, обвинив украинское руководство в пособничестве. При этом ими были полностью оправданы военные действия России на грузинской территории.

Следует также напомнить о том, что при президенте В. Ющенко украинская интеллигенция связывала вопросы внутренней гуманитарной политики с внешнеполитическими проблемами. Однако интеллигенты-противники В. Ющенко делали это очень мягко.

К таким коллективным документам следует отнести, например, «Обращение представителей творческой интеллигенции Украины к партиям правительственной коалиции» от 26 июля 2007 г.⁴ В нем акцентировалось, что в выступлениях В. Ющенко и Ю. Тимошенко все больше содержится откровенно русофобских и ксенофобских высказываний, все чаще используется риторика Организации украинских националистов. Интеллигенты указывали и на то, что в рамках этой риторики идет речь о пересмотре итогов Великой Отечественной войны, о том, чтобы у украинцев Победу, без которой не было бы независимой Украины. При этом отмечалось, что власть отрицает очевидное: в истории Украины победила именно ориентация на Россию, что привело к возникновению независимого украинского государства в нынешних границах. Позже вся эта деятельность властей Украины была названа украинской интеллигенцией тревожной современной тенденцией возрождения нацизма в их обращении к ООН, Совету Европы и Верховной раде Украины⁵. Это стало, пожалуй, единственным случаем, когда противники внешней политики В. Ющенко коллективно отправили сигнал к международным организациям. Также представители этого течения украинской интеллигенции не обошли стороной языковой и культурный вопросы. В ряде своих открытых писем украинские интеллектуалы выступали против продолжающегося при В. Ющенко дискриминационного подхода властей Украины к правовому статусу носителей русского языка, развитию русского языка и русской культуры в стране⁶.

Как видно, коллективно противники политики В. Ющенко не говорили о прямом негативном влиянии промахов украинского руководства в гуманитарной политике на российско-украинские отношения. Но такой посыл неизменно присутствовал между

строк, подчеркивалась антироссийская направленность этой политики президента. Однако тем самым украинские интеллектуалы не бивали клин в отношения между Украиной и Россией.

На фоне своих оппонентов течение украинской интеллигенции, выступающее в пользу внешнеполитического курса В. Ющенко, коллективно заявляло о себе более громко и пользовалось более широким инструментарием для выражения своей точки зрения. Во-первых, за период президентства В. Ющенко его сторонники-интеллектуалы опубликовали шесть знаковых открытых писем, четыре из которых были посвящены именно вопросам внешней политики. Во-вторых, в этих документах Россия прямо упоминалась в привязке к гуманитарным аспектам внутренней политики В. Ющенко. В-третьих, адресатами данных коллективных заявлений становились не только руководители Украины, но и руководство иностранных государств. В-четвертых, «оранжевая» интеллигенция в своих обращениях затрагивала практически все приоритеты и ключевые вопросы внешней политики Украины: отношения с НАТО, ЕС, США, Россией, со странами постсоветского пространства (ПСР).

Их реакция на методы России по принуждению Грузии к миру в августе 2008 г. была резко негативной и воинственной. Примечательно, что застрельщиком в осуждении РФ по этому вопросу выступила именно творческая интеллигенция — писатели, деятели культуры и искусства. В своем обращении они выразили крайнюю обеспокоенность агрессивными действиями России против Грузии и решительно поддержали грузинский народ. Далее интеллигенты потребовали от правительства РФ прекратить агрессию против Грузии, а от Украины — ввести санкции против России и выступить с инициативой расследования ее военных преступлений на международном уровне⁷.

В дальнейшем внешняя политика России стала причиной двух заметных коллективных писем сторонников В. Ющенко к Западу во второй половине 2009 г.⁸ Первое из них было обращено к администрации США, правительствам и общественности стран Евросоюза⁹. Здесь украинская интеллигенция выразила уверенность, что безопасность Европы и евроатлантического пространства неразделима, гарантируется безопасностью Украины, и наоборот. Исходя из этого, Запад (в лице США и ЕС) мог бы гарантировать

безопасность Украины и Европы с помощью ряда международных шагов применительно к Киеву и содействия его внутренним делам для приближения Украины к западным политическим структурам. Украина, в свою очередь, по мнению авторов письма, была готова работать ради перспективы вступления в НАТО.

Второе обращение появилось в сентябре 2009 г. В этом случае украинская интеллигенция резко повысила уровень затрагиваемых проблем и расширила круг адресатов до представителя Востока (Китая), помимо США, Франции и Великобритании¹⁰. Его авторы констатировали, что российское руководство сознательно взяло курс на демонтаж действующей системы безопасности, ключевым направлением которого стало стремление подчинить Украину выполнению своих геостратегических интересов. В письме обращается внимание даже на появление признаков того, что Кремль не исключает из арсенала своих внешнеполитических инструментов относительно Украины и силовые средства. В связи с этим авторы обратились к руководству четырех указанных стран с предложением созвать в соответствии с п. 6 Будапештского меморандума международную конференцию его государств-подписантов, чтобы обеспечить реальные гарантии безопасности Украины, задекларированные Меморандумом¹¹. Между тем в письме в очередной раз украинцы стали выпрашивать для своей страны членство в НАТО, аргументируя это, в частности, агрессивной политикой России. Также здесь впервые сторонники В. Ющенко коллективно допустили снижение эффективности внешней политики страны не только из-за России, но и внутренних проблем (противостояния внутри властной верхушки и переходного характера политической системы).

Эти два письма стали ярким образцом общественной мысли «оранжевой» интеллигенции, главные идеи которой можно считать созвучными фразам из романа И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев»: «Заграница нам поможет! Запад с нами!». Только восклицательные знаки здесь было бы уместнее заменить на вопросительные. В этом смысле данные письма повторяли известные статьи тогдашних руководителей Украины — президента В. Ющенко и премьер-министра Ю. Тимошенко¹². Также в вышеуказанных обращениях заметен высокий уровень истерии, преувеличения и целенаправленного создания враждебной атмосферы

ры в поле взаимодействия не только между РФ и Украиной, но и между Россией и странами Запада с Китаем. Тем самым было очевидно стремление украинской интеллигенции натравить на Россию ее важнейших стратегических партнеров или перессорить их друг с другом с целью защиты Украины от РФ и ослабления международных позиций Москвы.

Как утверждалось выше, весьма резкий и категоричный тон носили коллективные письма украинских интеллигентов по гуманитарным темам.

Первое из таких писем датируется 2007 г. Оно было посвящено призыву к президенту Украины не допустить появления памятника Екатерине II в Одессе (который в итоге был возведен в том же году)¹³. С внешнеполитической точки зрения, интеллигенты выразили уверенность, что это — пробный камень, заброшенный из Кремля, с целью проверить, как далеко можно зайти в новейшем обрусении Украины.

Однако приоритетом гуманитарной политики В. Ющенко оставалась общегосударственная и общемировая кампания Украины по признанию т. н. голодомора в СССР 1932—1933 гг. геноцидом украинского народа. В связи с этим весьма значимым выглядит коллективное письмо украинских интеллигентов к российскому народу и по этому вопросу¹⁴. В нем украинские интеллектуалы выразили горечь и удивление отказом Д. Медведева ехать в Киев, чтобы почтить память жертв голода, его пренебрежением к голодомору как таковому. Авторы письма подчеркнули, что великодержавно настроенному российскому политику тяжело отказываться от наследия советского режима, который представлял преимущество русскому языку и русской истории в строительстве коммунистического общества.

Знаковость и «вес» этого обращения усиливаются в свете того, что ранее сам В. Ющенко направил Д. Медведеву письмо-приглашение посетить Украину на годовщину голодомора. Таким образом, президент В. Ющенко и «оранжевая» украинская интеллигенция в очередной раз выступили общим фронтом в давлении на Россию и мировое сообщество.

В то же время украинская интеллигенция, поддерживавшая политику В. Ющенко, затрагивала и проблемы демократизации ПСП. Это выглядело крайне актуальным после победы Оранже-

вой революции. Поэтому вполне логичным выглядит распространение интересов «оранжевой» интеллигенции на соседнее государство — Белоруссию и ее авторитарный режим во главе с многолетним президентом А. Лукашенко.

Как и в случае с письмом по Грузии, именно представители творческой интеллигенции (литераторы) Украины проявили здесь наибольшую активность. Однако на этот раз к В. Ющенко было направлено коллективное письмо не только украинской, но и белорусской творческой интеллигенции. В этом документе, который был опубликован в мае 2006 г. (через два месяца после президентских выборов в Белоруссии), интеллигенты двух стран потребовали от президента объявить А. Лукашенко и людей из его окружения персонами нон-грата по аналогии со странами Европы и США¹⁵. В тот же день белорусские оппозиционеры, принимавшие участие в акциях протеста после выборов президента Белоруссии, обратились к В. Ющенко из Киева с просьбой предоставить им политическое убежище в Украине¹⁶.

Завершился же «политический 2006 год Белоруссии» в Украине ноябрьским обращением к В. Ющенко белорусских граждан: интеллигенции, правозащитников и оппозиционных политиков. В этом документе содержался призыв к президенту Украины публично осудить существующий режим Белоруссии. Здесь белорусы напомнили В. Ющенко о его заявлениях, в которых он взял на себя ответственность помогать нациям, которые еще не избавились от авторитарных методов правления, а также о преданности В. Ющенко идеалам Майдана¹⁷. Это обращение стало единственным за период президентства В. Ющенко, когда общественность другого государства призвала Украину на помощь. Однако этот призыв остался без ответа Украины на официальном уровне.

Из трех вышеуказанных украинско-белорусских сигналов к президенту В. Ющенко Украина, по сути, отреагировала только на письмо оппозиционеров. Тогда министр иностранных дел Б. Тарасюк выразил полную солидарность Украины с ЕС по Белоруссии и подчеркнул, что Украина, как демократическое государство, не может согласиться с методами обращения белорусской власти с оппозицией¹⁸.

Украинско-белорусские обращения 2006 г. к В. Ющенко показали не только разносторонность интересов и следование

актуальным тенденциям на ПСП в среде украинской интеллигенции или политическую активность белорусской общественности. Они свидетельствовали и об определенных успехах внутренней и внешней политики Украины. Тем самым в международном контексте была продемонстрирована действительная вовлеченность Украины в демократический транзит и процессы демократизации на постсоветском пространстве. Эти обращения также доказали и то, что заявления российского оппозиционера Б. Немцова на Майдане во время Оранжевой революции не прошли бесследно. Б. Немцов (будущий советник В. Ющенко) тогда говорил о том, что «оранжевая» коалиция делает огромное дело для всех — для Украины и других несвободных стран. Именно там формировалось общественное мнение и оказывалось сильное влияние на общество в Украине и других государствах. Поэтому можно считать, что фактор Майдана образца осени — зимы 2004 г. частично выполнил свою мировоззренческую функцию и сыграл заметную роль во внутривнутриполитических и социальных процессах в постсоветских странах, в том числе в Белоруссии.

Вместе с тем не стоит идеализировать независимость, объективность и беспристрастность приведенных выше писем украинской интеллигенции «за» и «против» внешней и внутренней политики В. Ющенко. Вполне возможно, что интеллектуалы могли искренне выражать в них собственные точки зрения, неподдельную заботу о судьбе Украины, ее населении и национальных интересах. Однако нельзя исключать и того, что появление данных писем и обращений было обусловлено и другими причинами. К ним можно отнести политическую конъюнктуру, политические интересы самих подписантов, а также, что вполне вероятно, реальные запросы ведущих политических сил. На это указывает очевидная политическая направленность большинства коллективных заявлений украинской интеллигенции, их ангажированность и политическая окраска. Последняя, в частности, ярко проявлялась в том, что среди подписантов присутствовали действующие на тот момент политики и депутаты политических партий, представленных тогда в Верховной раде.

Североамериканская украинская диаспора не выглядела чересчур радикальной, но крайне принципиальные и жесткие взгляды по внешнеполитическим вопросам ей тоже были прису-

щи. Украинские эмигранты отличались большей напористостью, изобретательностью и своевременностью. Также их коллективным заявлениям была свойственна еще большая опора на Запад и его возможную помощь Украине.

Первоочередными целями воззваний диаспоры опять же являлось всяческое (политическое, военно-политическое, экономическое, энергетическое) противостояние России совместными силами Запада и руководства Украины, а также «выбивание» для Украины места в западной сфере влияния в лице НАТО. Ими, как и внутриукраинской «оранжевой» интеллигенцией, снова подчеркивалась уникальная значимость Украины для Запада, глобальной и региональной безопасности¹⁹. Но в отличие от сторонников В. Ющенко в Украине, диаспора повторяла эти тезисы уже с 2006 г. в основном силами редакции газеты «Юкрейниэн Уикли».

Конечно, диаспора в Северной Америке осудила военные действия России в Грузии в 2008 г. и допустила высокую вероятность силового вторжения РФ на территорию Украины²⁰. При этом украинские эмигранты предоставили более детальный список рекомендаций Западу для предотвращения этого сценария и «наказания» России. В своем заявлении от 13 августа 2008 г. Украинский конгрессовый комитет Америки призвал США к ряду шагов²¹. Среди них стоит выделить следующие: присутствие ВМФ США/НАТО в Черном море для наблюдения за ситуацией у берегов Украины и Грузии, аннулировать членство России в группе «G-8», вынудить Международный олимпийский комитет отменить проведение Зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. и др.

В данном контексте примечателен один момент — это «предусмотрительность» украинской эмиграции. Еще до событий в Южной Осетии, в мае 2008 г. Всемирный конгресс украинцев призвал В. Ющенко выдать недвусмысленное заявление в адрес России по поводу российских «проявлений агрессии» и позиции РФ относительно членства Украины в НАТО. Здесь же эмигранты не преминули напомнить В. Ющенко о том, что в России и Белоруссии игнорируются права украинских национальных меньшинств, данные им по международным документам²².

Тем самым, североамериканская диаспора украинцев, как и «оранжевая» интеллигенция в Украине, своим коллективным голосом способствовала не столько укреплению безопасности Ук-

раины и международной стабильности, сколько осложняла и накаляла общую обстановку в международных отношениях. Это никак не могло быть полезным для Украины и не соответствовало «отеческой заботе» об этой стране, что неоднократно декларировали сами украинские эмигранты.

Свою активность в обсуждении внешней политики Украины украинская диаспора в Северной Америке распространяла и на такие вопросы, как газовые конфликты Украины с Россией и международная деятельность премьер-министра В. Януковича. К слову, сторонники В. Ющенко в Украине данные проблемы коллективно не рассматривали. Пики противостояния с Москвой в газовой сфере 2006 и 2009 гг. были оценены как агрессивное поведение России, унижение и запугивание Украины. Эти проблемы, как и многие другие внутри- и внешнеполитические трудности Украины, традиционно для сторонников В. Ющенко были обозначены диаспорой как очередной «тест для Запада» на проверку своей непримиримой приверженности демократии в международных отношениях²³.

В случае с премьер-министром В. Януковичем, главную обеспокоенность украинских интеллектуалов в Украине и за рубежом (особенно сторонников В. Ющенко) вызвало предложение В. Януковича в 2006 г. приостановить работу Украины по получению Плана действий по членству в НАТО. В североамериканской диаспоре украинцев на это, конечно, отреагировали. Однако реакция была в целом на удивление мягкой. Так, УККА указал только на необходимость использования В. Януковичем украинского языка на международной арене и выразил надежду, что В. Янукович прекратит вмешиваться в политические сферы (во внешнюю политику) вне его компетенции²⁴. Коалиция за безопасную и демократическую Украину (США) предупредила, что появление двух соревнующихся вариантов внешней политики (В. Януковича и В. Ющенко) вызывает замешательство среди украинских партнеров и серьезно подрывает международный авторитет Украины²⁵. На этом фоне более активную и рассудительную позицию занял Украинский национальный союз. С одной стороны, он объявил о полном сворачивании и провале евроатлантического внешнеполитического курса В. Ющенко на продвижение Украины в НАТО после заявлений В. Януковича. С

другой стороны, В. Янукович не подвергался очень жесткой критике, а слабость президента В. Ющенко была подчеркнута. Его влияние на внешнюю политику при В. Януковиче было признано как второстепенное²⁶.

Также украинская диаспора не обошла стороной и гуманитарную сферу. Здесь эмигранты оказались более радикальными, чем коллективы «оранжевой» интеллигенции внутри Украины. В данном случае наиболее активным агитатором за рубежом выступил ВКУ. Эта организация, помимо прочего, просила президента В. Ющенко отозвать свою поездку в Россию в мае 2005 г. для участия в праздновании Дня Победы, «поскольку Москва символизирует трагедию украинского народа, его боль и страдания в течение 45 лет после ложной победы 9 мая»²⁷. Позже ВКУ призвал Министерство культуры и туризма Украины отказаться от совместного с Россией чествования 300-летия Полтавской битвы²⁸.

В этих и других заявлениях по гуманитарной тематике украинская диаспора в очередной раз вторгалась в отношения между Россией и Украиной (а также между российским и украинским народами). Она воздействовала на украинское руководство с прямой целью их подорвать под «прикрытием» восстановления исторической справедливости и усиления национального самосознания украинцев. Поэтому эти обращения украинской диаспоры можно расценить как ослабляющие внутреннюю ситуацию и международные позиции Украины.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы. В период президентства В. Ющенко ярко проявились два основных направления в среде украинской интеллигенции: «оранжевая» интеллигенция, которая всецело поддерживала внешнеполитический курс В. Ющенко, и интеллигенция, которая была противником этого курса. Причем принадлежность к первому или второму течению определялась отношением одновременно к внутренней (главным образом, гуманитарной) и внешней политике В. Ющенко.

Украинская интеллигенция активно участвовала в обсуждении внешнеполитической деятельности В. Ющенко, Ю. Тимошенко, В. Януковича, министров иностранных дел Украины. Это относится не только к разного рода специалистам, политологам, политикам, но и к научно-педагогической (академикам, преподавателям вузов) и творческой интеллигенции (писателям, поэтам,

литераторам и др.). Одним из весомых и заметных инструментов этого обсуждения являлись коллективные документы: открытые письма и обращения. Их адресатами являлись не только руководители и органы власти Украины, но и правительства иностранных государств, их общественность, а также международные организации.

В ходе этого группового обсуждения украинская интеллигенция пыталась влиять на определение и реализацию внешней политики Украины, на ее разработчиков и исполнителей (а также международных партнеров Украины), стремясь склонить всех их на свою сторону. Одновременно оказывалось воздействие на формирование общественного мнения в Украине и за рубежом. В форме коллективных писем и обращений украинская интеллигенция возвышала свой голос над остальным украинским обществом и высказывала свое мнение, пытаясь навязать его окружающим. При этом украинская интеллигенция выступала не только по поводу отношений Украины с НАТО, ЕС или США, но и затрагивала постсоветское пространство (Россию, Грузию, Белоруссию).

Содержание этих групповых документов было посвящено корректированию действий руководства Украины на международной арене, более успешной защите национальных интересов страны и ее граждан. Однако их авторы могли преследовать и личные политические цели, проводить властные интересы ряда политических сил Украины. Об этом свидетельствует, в частности, ангажированность и явная политическая окраска большинства коллективных обращений украинской интеллигенции.

Интенсивности и качеству коллективного обсуждения внешней политики украинской интеллигенцией во многом способствовала ее самоорганизация. Организационное оформление «оранжевой» интеллигенции заметно превосходило ресурсы группы противников В. Ющенко. К тому же на ее стороне действовала многочисленная украинская диаспора, также традиционно объединенная в неправительственные организации.

На наш взгляд, значительно различалась потенциальная польза от коллективных обращений двух течений украинской интеллигенции. У противников В. Ющенко они отличались конструктивностью, у сторонников президента — деструктивным характером.

Интеллектуалы-противники политики В. Ющенко выступали (чаще все-таки индивидуально) за самостоятельность и независимость Украины во внешней политике. Они заботились о ее разумной самодостаточности на мировой арене, поддерживали необходимые для Украины теплые отношения с Россией и постоянное сотрудничество с Западом. Последнее, правда, не должно было нарушить внутреннее развитие Украины и ее международную безопасность (например, в случае вступления в НАТО). Таким образом, противники В. Ющенко стремились к международной стабильности и внутреннему порядку в Украине, прочным и уважаемым международным позициям страны, т. е. имела место действительная защита национальных интересов Украины и ее граждан.

В свою очередь «оранжевая» интеллигенция выступала проводником внешней политики В. Ющенко, иногда заочно создавая с ним одну силу, и отличалась значительным идолопоклонством в отношении Запада. Ею велся поиск обязательного внешнего управления Украиной (путем требований включить Украину в НАТО, приблизить ее к ЕС). Здесь постоянно присутствовали жалобы на угрозы России и апелляции к США и Евросоюзу обеспечить международную и внутреннюю безопасность страны. Тем самым Украина в заявлениях этих интеллектуалов представляла слабым государством, неспособным к самостоятельности, распоряжению собственным суверенитетом и к контролю над своими делами. Более того, сторонники В. Ющенко разжигали рознь между ведущими центрами силы (Западом, Россией, Китаем) и в российско-украинском сотрудничестве, разрушали международную стабильность и нагнетали конфликтность в международных отношениях. Такой подход мог только навредить национальным интересам Украины, ее внутреннему развитию и внешней политике.

В результате, несмотря на более высокую активность в коллективном обсуждении внешней политики и более продвинутую организационную структуру, эту заочную дискуссию со своими оппонентами «оранжевая» интеллигенция проиграла после провала В. Ющенко на президентских выборах в Украине в 2010 г. и прихода к власти В. Януковича.

Примечания

- ¹ Важно отметить, что сторонники президента поддерживали именно внешнеполитический курс «оранжевых» как таковой, а не всю его реализацию и конкретные результаты, которые также подвергались жесткой критике в этом лагере.
- ² Бузина О. Украина вместо окраины. URL: <http://from-ua.com/politics/449e5b1e09888/> (дата обращения: 14.07.2013); Толочко П. Как стать мишенью // Еженедельник 2000. 2007. № 13. URL: <http://2000.net.ua/2000/svoboda-slova/13963> (дата обращения: 14.07.2013); Украина: смена геополитического вектора : риски, перспективы : (круглый стол «Крымского эха»). URL: <http://kr-eho.info/index.php?name=News&op=article&sid=549> (дата обращения: 15.07.2013); и др.
- ³ Открытое письмо политических и общественных деятелей Украины. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/09/12/otkrytoe_pis_mo_politicheskikh_i_obvestvennyh_deyatelej_ukrainy/ (дата обращения: 17.07.2013).
- ⁴ Обращение представителей творческой интеллигенции Украины к партиям правительственной коалиции. URL: <http://www.kpu.ua/obratschenie-predstavitelej-tvorcheskoj-intelligentsii-ukraini-k-partijam-pravitelstvennoj-koalitsii/> (дата обращения: 17.07.2013).
- ⁵ О возрождении фашизма на Украине теперь знают в ООН. URL: <http://www.agatov.com/content/view/993/62/> (дата обращения: 17.07.2013).
- ⁶ Открытое письмо в защиту чести и достоинства русского языка. URL: <http://www.analitik.org.ua/theme/> (дата обращения: 17.07.2013).
- ⁷ Писатели требуют прекратить агрессию против Грузии. URL: <http://news.liga.net/news/politics/404097-pisateli-trebuyut-prekratit-agressiyu-protiv-gruzii.htm> (дата обращения: 17.07.2013).
- ⁸ По умолчанию их причинами стали и явные провалы внешней политики Украины (например, неполучение Плана действий по членству НАТО или безвизового режима с ЕС), о которых в этих письмах прямо не упоминалось.
- ⁹ Интеллигенция готова работать ради перспективы вступления Украины в НАТО. URL: <http://www.unian.net/news/328670-intelligentsiya-gotova-rabotat-radi-perspektivyi-vstupleniya-ukrainyi-v-nato.html> (дата обращения: 17.07.2013).
- ¹⁰ Украинская интеллигенция просит защиты от России. URL: <http://www.unian.net/ukr/news/news-335382.html> (дата обращения: 17.07.2010).
- ¹¹ Будапештский меморандум — международный документ, подписанный в декабре 1994 г. США, Россией и Великобританией в ответ на полный

- отказ Украины от размещения на своей территории ядерного оружия бывшего СССР. По нему Украине гарантировалось сохранение ее суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела. Позже Франция и Китай поддержали эти гарантии в отдельных индивидуальных заявлениях, но Меморандум не подписали.
- ¹² *Ющенко В.* Растапливая европейское сотрудничество. URL: <http://www.president.gov.ua/ru/news/13279.html?PrintVersion> (дата обращения: 17.04.2013) ; *Тимошенко Ю.* Сдерживание России // Россия в глобальной политике. 2007. № 3. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_8819 (дата обращения: 17.04.2013).
  - ¹³ Интеллигенция просит Ющенко не пускать «палача Украины». URL: <http://podrobnosti.ua/society/2007/08/29/452305.html> (дата обращения: 17.07.2013).
  - ¹⁴ Обращение украинской интеллигенции к российскому народу. URL: <http://www.rupor.info/fokus/2008/12/30/obrashhenie-ukrainskoj-intelligencii-k-grossijskomu/> (дата обращения: 17.07.2013).
  - ¹⁵ Ющенко просят объявить Лукашенко персоной нон-грата // Известия. 2006. 16 мая. URL: <http://izvestia.ru/news/378002> (дата обращения: 17.07.2013).
  - ¹⁶ Белорусы просят у Ющенко политического убежища. URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2006/05/15/4399614/> (дата обращения: 18.07.2013).
  - ¹⁷ Белорусы просят Ющенко защитить их от Лукашенко. URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2006/11/23/4409050/> (дата обращения: 18.07.2013).
  - ¹⁸ Глава МИД Украины: У Беларуси есть шанс пойти по одному пути с Европой. URL: <http://news.tut.by/politics/68294.html> (дата обращения: 18.07.2013).
  - ¹⁹ Summit Meeting of NATO Heads of State and Government : statement by the UWC. URL: <http://www.ukrainianworldcongress.org/news.php/news/52> (дата обращения: 20.07.2013) ; UCCA statement on Ukraine and its application for a MAP // The Ukrainian Weekly. 2009. № 13. P. 6. URL: http://www.ukrweekly.com/archive/pdf3/2009/The_Ukrainian_Weekly_2009-13.pdf. (дата обращения: 18.07.2013).
  - ²⁰ UCCA reacts to Russia's aggression against Georgia // The Ukrainian Weekly. 2008. № 33. P. 3. URL: <http://ukrweekly.com/archive/2008/33.pdf> (дата обращения: 18.07.2013) ; *Olexy T.* Ukrainian Americans support Georgia, condemn Russian aggression // Ibid. P. 1.
  - ²¹ UCCA issues recommendations for U.S. reaction to crisis // Ibid. № 34. P. 4. URL: <http://ukrweekly.com/archive/2008/34.pdf> (дата обращения: 18.07.2013).

- ²² Лист до Президента України. URL: http://www.ukrainianworldcongress.org/UserFiles/File/Prezydent_May22.pdf (дата обращения: 18.07.2013).
- ²³ The West's moral imperative or is it OK to be selfish. URL: <http://www.ukrainianworldcongress.org/news.php/news/130> (дата обращения: 18.07.2013); СКУ засуджує дії Росії у питанні про газ. URL: <http://www.ukrainianworldcongress.org/news.php/news/55> (дата обращения: 18.07.2013).
- ²⁴ Open letter to Viktor Yanukovich from the UCCA // The Ukrainian Weekly. 2006. № 50. P. 10. URL: http://ukrweekly.com/archive/pdf3/2006/The_Ukrainian_Weekly_2006-50.pdf (дата обращения: 18.07.2013).
- ²⁵ Memorandum to prime minister from Coalition for a Secure and Democratic Ukraine // Ibid. P. 11.
- ²⁶ Backtracking in Brussels // Ibid. № 39. P. 6. URL: http://ukrweekly.com/archive/pdf3/2006/The_Ukrainian_Weekly_2006-39.pdf (дата обращения: 18.07.2013).
- ²⁷ 9 Травня не є Днем Перемоги для України. URL: <http://www.ukrainianworldcongress.org/news.php/news/135> (дата обращения: 18.07.2013).
- ²⁸ Звернення Світового Конгресу Українців до Міністра культури і туризму України. URL: <http://www.ukrainianworldcongress.org/news.php/news/57> (дата обращения: 18.07.2013).

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 60.543.132.1с51

И. В. Сибиряков

ФЕНОМЕН «INTELLIGENTIA.RU»

Первые материалы, посвященные истории российской интеллигенции, появились в интернете еще в конце XX в. Сегодня в русскоязычном сегменте Интернета есть множество ресурсов, где в той или иной форме происходит обсуждение вопросов, связанных с историей, статусом, перспективами развития современной российской интеллигенции. Сайт «Intelligentia.ru. Энциклопедия интеллигентизации отношений» занимает в этом множестве особую позицию¹. Во-первых, он относится к категории специализированных ресурсов, практически полностью посвященных различным аспектам одной проблемы. Во-вторых, он выполнен на высоком профессиональном уровне и может оказаться полезным для историков, социологов, культурологов. В-третьих, он функционирует уже почти два года, что для ресурсов такого рода является очень хорошим показателем «выживания» в агрессивном и динамично развивающемся информационном пространстве.

С этой точки зрения представляется очень важным проанализировать структуру данного ресурса, круг обсуждаемых на нем проблем и возможные перспективы развития. Сайт состоит из восьми основных разделов: «Главная», «Концепция», «Блоги», «Вопросы и ответы», «Ресурсы», «Библиотека», «Видео», «Поль-

---

© Сибиряков И. В., 2013

Сибиряков Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Южно-Уральского государственного университета (Челябинск). sibirjkovig@mail.ru

зователи». Каждый из разделов включает несколько подразделов и режим голосования по одному из вопросов, касающихся проблем интеллигенции и интеллигентности.

Главная страничка ресурса открывается эпитафией, в качестве которого выступает фрагмент статьи Н. Е. Покровского «Прощай, интеллигенция!», опубликованной в «Независимой газете» 10 апреля 1997 г. Наследие «русской интеллигенции, — утверждал Н. Е. Покровский, — может стать совершенно уникальной ценностью... если уметь понимать его и пользоваться им...».

В подразделе «Приветствие» неназванные авторы сайта так определили свою базовую принципиальную позицию: «Настоящий ресурс представляет собой попытку объединения усилий в изучении и популяризации интеллигентности как особенности и достояния русской культуры». Не случайно для реализации данного проекта они «пригласили всех, кто понимает, что порядок в стране начинается с порядка в нашем сознании, что порядок в нашем сознании начинается с нашей способности говорить на одном языке, что наша способность говорить на одном языке начинается с проявления интеллигентности». Именно такие люди, утверждают авторы ресурса, смогут внести вклад «не только в осознание феномена русской интеллигенции и понятия интеллигентности как комплекса качеств, свойственных лучшим людям России, но и оказать помощь в создании условий, необходимых для возрождения в сознании российских граждан чувства собственного и национального достоинства».

Обращает на себя внимание очень важная методологическая установка, которую продекларировали авторы: «Особенность темы, обсуждаемой на этом сайте, — утверждают они, — заключается в том, что практически у каждого человека имеется о ней свое собственное мнение, каждый способен его изложить и, что самое замечательное, каждый при этом будет по-своему прав. Наше внимание избирательно, восприятие выборочно, мышление фрагментарно. Поэтому одну и ту же информацию мы понимаем по-разному, и это естественно. Не стоит надеяться, что изложенный текст будет воспринят всеми одинаково и именно так, как этого хотел бы автор. В связи с этим, сегодня более перспективным является передача знаний не большими сложными массивами, а маленькими порциями, позволяющими читателю самому

выбрать интересующие его блоки для заполнения недостающих фрагментов мозаики, представлявшей собой его собственное видение мира». Попытка авторов ресурса реализовать в рамках данного проекта общенаучный принцип дополнительности, на наш взгляд, абсолютно оправдана и заслуживает поддержки. Действительно, споры о российской интеллигенции и интеллигентности идут уже много лет, носят очень эмоциональный характер, разделяя эту и без того немногочисленную социальную группу на «враждующие» отряды. Главным условием начала диалога между этими «отрядами» является отказ от монополии на истину в любом ее проявлении, что и декларируют авторы ресурса «Intelligentia.ru. Энциклопедия интеллигентизации отношений» уже на первой его странице. Здесь же указаны ссылки на последние вопросы, которые обсуждались на сайте, и последние комментарии к опубликованным материалам. Для голосования посетителям страницы предлагается вопрос: «Какое из перечисленных свойств вызывает у вас наибольшую симпатию?» На 19 сентября 2013 г. в голосовании приняли участие 79 человек и отданные ими голоса распределились следующим образом: интеллигентность — 40, интеллектуальность — 25, аристократизм — 11, брутальность — 2, элитарность — 1, гламурность — 0, богемность — 0.

Второй раздел сайта, который полностью называется «Концепция предприятия, ориентированного на интеллигентизацию отношений», является одним из ключевых элементов данного ресурса. В нем содержится очень важная для авторов сайта развернутая программа интеллигентизации современных предприятий как обязательного условия повышения эффективности их работы. В теоретическую часть этого раздела включены статьи: «Содержание интеллигентности», «Истоки интеллигентности», «Ключевые утверждения, определяющие политику интеллигентизации» и др. В практическую часть вошли: «Принципы интеллигентизации», «Этапы и стратегические основы интеллигентизации», «Способы интеллигентизации» и т. д. Особое место в этом разделе занимают 6 приложений. Первое из них называется «Комплекс интеллигентности как концептуальная основа интеллигентизации предприятия», второе — «Дидактический материал для проведения установочного семинара по интеллигентизации отношений на предприятии», третье — «Дидактический материал

для проведения семинара на тему: «Интеллигентофобия или раковая клетка российского общества»» и т. д.² Для голосования на этой странице вынесен вопрос об отношении посетителя к идее интеллигентизации отношений на предприятии. На 19 сентября 2013 г. в голосовании приняли участие 13 человек и отданные ими голоса распределились следующим образом: не лишена здравого смысла, но практически не осуществима — 6, достойна всеобщей поддержки и всяческого развития — 5, способна существенно изменить жизнь к лучшему — 2, глупа и бессмысленна — 0. Обращает на себя внимание тот факт, что число участников, проголосовавших по данному вопросу, гораздо меньше, чем число тех, кто принял участие в голосовании на первой странице ресурса. И эта тенденция в дальнейшем сохранится. Предложенный авторами ресурса проект «интеллигентизации предприятий» вызвал негативную реакцию у одного из посетителей сайта. В первом же комментарии к этой концепции он написал: «Вообще в корне не согласен с концепцией “интеллигентизации бизнеса”. Я имею непосредственное отношение к организации бизнеса и полагаю, что автор имеет в виду “гуманизацию” бизнеса, а отнюдь не “интеллигентизацию”, которая находится вообще в другой плоскости социальных отношений. Также я полагаю, что настоящий интеллигент не способен создать, и даже и участвовать в бизнесе. Настоящий интеллигент останется скорее без прибыли, чем сможет ущемить рабочих...» В ответных комментариях Олег Михайлов (возможно, один из создателей ресурса и концепции) попытался объяснить своему оппоненту, что он не совсем точно понимает термин «интеллигентизация». «Обратите внимание, — писал он, — что интеллигентизация не предполагает воспитание интеллигентов. Ее цель — формирование положительного отношения к интеллигентности, т. е. свойству личности, представляющему собой некую совокупность качеств». Однако развернутой дискуссии в рамках данного ресурса по этой проблеме не получилось.

Третий раздел ресурса, по-видимому, задумывался авторами как инструмент обратной связи и выполнен в очень популярном сегодня жанре блога. Первая запись в этом разделе датирована 19 января 2012 г. Она принадлежит Олегу Михайлову и называется «О значении интеллигентности и ее воспроизводстве».

Последняя на момент исследования данного ресурса запись была сделана тем же автором 29 апреля 2013 г. и называлась «Ключевые понятия интеллигентности». В общей сложности Олег Михайлов подготовил более 20 записей. Одна запись под названием «Интеллигенция 3.0» была сделана его оппонентом под ником «Terminador». Именно она вызывает особый интерес, так как затрагивает очень важный вопрос о будущем интеллигенции. Автор этой записи утверждает: «Конечно, также как интеллигенция 2.0 (20 века) сильно отличалась от интеллигенции 19 века, прежде всего, преимущественно технической специализацией. Также и интеллигенция 3.0 (21 века) отличается уже высокой интеграцией в мировое сообщество посредством глобальных информационных технологий»³. Именно технологический аспект, по мнению Terminador, будет решающим фактором, определяющим судьбу различных социальных групп. Абсолютное большинство записей, оставленных в данном разделе, никаких комментариев не вызвало.

В четвертом разделе ресурса «Вопросы и ответы» есть несколько вопросов, ответы на которые представляют большой интерес для всех исследователей, которые занимаются проблемами интеллигенции, например: «Что такое интеллигенция, что это за понятие, каково его определение?» или «В чем состоит функция интеллигенции?». В общей сложности таких вопросов и ответов в этом разделе представлено более 57. Некоторые ответы вызвали эмоциональную реакцию оппонентов: например, такую реакцию вызвал вопрос: «Почему в России всегда носители интеллигентности были гонимы?».

Пятый раздел сайта под условным названием «Ресурсы» дает возможность любому пользователю получить первое представление об огромном объеме информации, посвященной российской интеллигенции, которая доступна современному исследователю. «Сообщества», «Блоги», «Проекты», «Конференции», «Форумы», «Книги», «Персоналии» — именно по этим направлениям через систему гиперссылок распределен собранный авторами ресурса материал. В подразделе «Сообщества» содержатся ссылки на ресурс сообщества «Интеллигенты 2.5.», созданный А. Мильнером в 2009 г., и ресурс сообщества «intelligentsial», созданный А. Бангерским в 2008 г. В подразделе «Блоги» размещены ссылки на блоги восьми авторов (Р. Рогалева, А. Грекова,

Ю. Гиренко и др.). В подразделе «Книги» даны ссылки на 11 произведений, которые посвящены различным аспектам истории интеллигенции и размещены в открытом доступе («Вехи», С. В. Волков «Интеллектуальный слой в советском обществе» и др.). В подразделе «Персоналии» есть ссылки на 14 интернет-ресурсов, содержащих соответствующие базы данных.

Огромный объем материала, посвященного проблемам интеллигенции, потребовал создания специального шестого раздела сайта под общим названием «Библиотека», главным элементом которого стала «Хрестоматия по интеллигентнознанию» с характерным подзаголовком (интеллигентность с позиций современной теории управления). Помимо хрестоматии в этом разделе помещено 70 статей самых разных авторов, занимающихся проблемами интеллигенции, 4 автореферата диссертаций, 7 стихотворений (А. Вознесенский, Б. Окуджава, В. Паньков и др.), юмористический материал В. Кузнецова «Как стать интеллигентом (“Заочная академия” для “новых русских”))»⁴.

Один из самых уникальных разделов сайта посвящен видеоматериалам, размещенным в Интернете, так или иначе связанным с проблемами интеллигенции. Подразделы этого раздела свидетельствуют о типологическом разнообразии таких материалов: «Лекции», «Интервью, рассуждения, монологи», «Тематические передачи», «Документальные фильмы», «Художественные образы», «Прецеденты», «Прочие». Среди лекций есть уже хорошо известные российскому зрителю цикл бесед о русской культуре Ю. М. Лотмана, лекция церковного историка Г. Н. Митрофанова «Русская интеллигенция в XX в.», материалы вебинара психолога Е. Бакшутовой «Российская интеллигенция: между прошлым и будущим» и др.

Среди тематических передач, записи которых представлены на данном сайте, можно найти как хорошо известные программы («Национальный интерес с Дмитрием Киселевым» или программу «НТВшники»), так и мало известные российскому зрителю проекты (например, авторскую программу Е. Астрахович «Кожура» и др.).

По-своему интересен подраздел «Прочее», в который создатели сайта включили сюжеты, посвященные соотечественни-

кам, страдающим «интеллигентофобией»⁵. Показательно, что в голосовании по вопросу «Кому больше всего свойственна интеллигентность?», которое проводилось на этой странице ресурса, участие принял всего один человек.

Последний раздел сайта посвящен пользователям данного ресурса. На 19 сентября 2013 г. на сайте было зарегистрировано более 100 человек, но активное участие в его работе принимало меньше десятка пользователей. По рейтингу активности первую позицию занимал Олег Михайлов — 35 пунктов (публикация материалов, комментарии и т. д.) и администратор сайта — 32 пункта.

Проведенный анализ материалов сайта «Intelligentia.ru. Энциклопедия интеллигентизации отношений» позволяет сделать ряд предварительных выводов. Во-первых, дискуссии о судьбах российской интеллигенции, которые долгие годы шли в традиционных средствах массовой информации, на рубеже XX—XXI вв. в силу разных причин переместились в интернет-пространство, где заняли пока очень небольшую информационную нишу. Тем не менее, потребность в обсуждении широкого круга вопросов, посвященных российской интеллигенции, привела к появлению первых специализированных ресурсов, создатели которых на сегодняшний день пытаются просто «выжить» в современном русскоязычном сегменте интернета. Во-вторых, одним из важных элементов такой стратегии «выживания» является поиск и реклама новых социальных функций интеллигенции, которая мучительно ищет союзников среди представителей бизнеса, новых высокотехнологических профессий, молодежи. Сайт «Intelligentia.ru. Энциклопедия интеллигентизации отношений» построен таким образом, чтобы привлечь внимание именно этих социальных групп. При определенных условиях он может быть интересен и представителям «старых» интеллигентных профессий: медицинским работникам, деятелям культуры, преподавателям. В-третьих, этот ресурс максимально деполитизирован, что, на наш взгляд, отражает стремление многих представителей современной российской интеллигенции приостановить жесткое противостояние с властью, сохраняя при этом социальную активность. В-четвертых, материалы сайта убедительно свидетельствуют о том, что процессы саморефлексии,

самоанализа столь свойственные части дореволюционной и даже советской интеллигенции, идут сегодня в интернет-пространстве крайне медленно. Возможность свободного изложения своих взглядов и огромная скорость передачи информации не стали решающим фактором творческого познания и самоидентификации новой российской интеллигенции. Скорее наоборот. Процесс ее стремительной социальной дифференциации с развитием современных информационных технологий лишь ускорился, а традиция формирования устойчивого интеллектуально-нравственного дискурса почти утрачена. В-пятых, проекты, подобные «Intelligentia.ru. Энциклопедия интеллигентизации отношений», были, есть и будут появляться в русскоязычном сегменте интернета еще достаточно долго. Они позволяют успешно решать целый ряд важных локальных задач (например, выступают в роли «своеобразных» лоцманов в стремительно растущем информационном пространстве). Но решение масштабных общероссийских проблем в рамках таких проектов невозможно. Виртуальное пространство не спасет российскую интеллигенцию XXI в. от неизбежных, очень трудных, но крайне важных шагов по собственной самоидентификации, самопознанию и построению новых моделей отношений с наиболее влиятельными группами населения страны.

Примечания

- ¹ Intelligentia.ru. Энциклопедия интеллигентизации отношений. URL: <http://intelligentia.ru/> (дата обращения: 19.09.2013).
- ² URL: <http://intelligentia.ru/koncepcija-predprijatija-orientirovanogo-na-inteligenizaciju-otnoshenii.html> (дата обращения: 19.09.2013).
- ³ URL: <http://intelligentia.ru/blogs/inteligenicija-3-0/inteligenicija-3-0.html> (дата обращения: 19.09.2013).
- ⁴ URL: <http://intelligentia.ru/voprosy-i-otvety.html> (дата обращения: 19.09.2013).
- ⁵ URL: <http://intelligentia.ru/proche.html> (дата обращения: 19.09.2013).

А. В. Кокшаров

ПРОГРАММЫ АДАПТАЦИИ ВРАЧЕЙ-СПЕЦИАЛИСТОВ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Качество медицинской помощи и ее доступность, особенно в условиях модернизации здравоохранения, определяются не только адекватностью организационных форм и состоянием материально-технической базы лечебно-профилактических учреждений (далее ЛПУ), но и в значительной степени наличием квалифицированных сотрудников, обладающих специальными знаниями и умениями. Именно поэтому кадровая политика учреждения на всех этапах должна быть залогом стабильности и успешного развития.

Медицинские кадры являются главной, наиболее значимой частью ресурсов здравоохранения и, в конечном итоге, обеспечивают результативность и эффективность работы не только отдельных структурных подразделений, но и ЛПУ в целом. Показатели укомплектованности действующих учреждений здравоохранения медицинским персоналом на протяжении нескольких лет находятся на низком уровне.

Один из путей решения проблемы закрепления кадров в медицинской организации — трудовая адаптация новых врачебных кадров. Особенно остро она стоит в ЛПУ бюджетной сферы. В современных условиях, когда все активнее развивается коммерческая медицина, в государственные медицинские поликлиники и больницы выпускники чаще всего устраиваются, чтобы получить стаж работы по специальности. Бюджетное ЛПУ может стать хорошей школой профессионального становления, но уровень заработной платы, как правило, ниже, чем в частных медицинских учреждениях.

© Кокшаров А. В., 2013

Кокшаров Александр Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории управления Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. a_koksharov@mail.ru

Практически всегда, попадая в новый трудовой коллектив, работник испытывает сильнейший стресс, негативно воздействующий на его профессиональные, психологические и физиологические показатели. Профессия же врача требует от него не только высокого уровня профессиональных знаний и умений, но и знания психологии, высокого уровня профессиональной этики. От того, насколько безболезненно войдет новый медицинский работник в коллектив, зависит не только его личное психологическое состояние, но и эффективность деятельности, качество предоставляемой пациентам помощи.

Сложность адаптации в медицинских коллективах обусловлена не только общими закономерностями адаптационного периода сотрудников, но и спецификой деятельности медицинской организации, личностными, возрастными, психологическими и другими особенностями как сотрудников учреждения, так и пациентов.

Таким образом, адаптация персонала в медицинской организации будет эффективной только в случае реализации комплексного подхода, что предполагает:

- использование современных подходов к адаптации персонала,
- закрепление функции управления адаптацией за определенными сотрудниками (наставничество и кураторство),
- разработку и оценку адаптационной программы для врачей бюджетных учреждений здравоохранения.

Правильный подбор специалистов — необходимое условие успешного управления работой организации. Но найти человека, соответствующего вакансии по своим знаниям и навыкам, опыту, свойствам личности, — это только полдела. Новый сотрудник должен освоиться, принять правила, диктуемые режимом труда, спецификой медицинской организации, сложившимися в ней традициями и межличностными связями. Именно в начальный период закладывается отношение новичка и к коллективу, и к организации, формируется мотивация труда на новом месте. И если этот процесс не будет успешным, усилия, затраченные на подбор специалиста, пропадут зря.

Отсутствие эффективной программы приводит к удлинению адаптационного периода врача в учреждении здравоохране-

ния и, как следствие, к снижению доступности медицинской помощи, недостаточному профессиональному росту.

В государственных медицинских учреждениях сложному и многогранному процессу адаптации не уделяется большого внимания. Хотя государственные организации в целом имеют богатейший опыт наставничества как формы работы по адаптации молодых специалистов, но он практически никогда не применяется при вторичной адаптации. Сегодня этот опыт используется крайне редко. Основной проблемой недостаточного уровня системы адаптации в медицинских учреждениях является крайняя ограниченность в ресурсах, причем не только кадровых и экономических, но и в ресурсах времени.

Добавим, что на данный момент в обычных больницах и поликлиниках адаптация вновь пришедших врачей «пущена на самотек», в частности потому, что в обязанности сотрудников отделов кадров в бюджетном учреждении здравоохранения входит только документальное оформление трудовых отношений. Управление персоналом в целом входит в сферу полномочий главного врача и заведующих отделениями, а эти руководители сосредоточены непосредственно на лечебной работе. К сожалению, у нас еще не сложилась школа профессиональных администраторов медицинских учреждений, сейчас идет процесс ее становления.

Современное медицинское учреждение, как правило, представляет собою крупный комплекс различных структурных подразделений, имеющих целую систему взаимосвязей. На изучение внутренней жизни больницы или поликлиники уходит драгоценное время. Новичку сложно разобраться в ней самостоятельно. Постигая всё на собственном опыте, он «набивает шишки», совершая ошибки, цена которых может быть слишком велика. В результате работу новичка приходится контролировать очень долго, отвлекая на это опытных специалистов. Особое значение приобретает хорошо продуманная система адаптации персонала медицинского учреждения.

Не секрет, что уровень заработной платы в здравоохранении до сих пор недостаточен для квалифицированных специалистов. В таком случае надо использовать любую возможность для их мотивирования на работу именно в вашей больнице или поликлинике. Молодой специалист, основной целью которого, скорее

всего, является получение практического опыта, стажа, во время адаптации должен убедиться в том, что именно здесь он получит возможность для профессионального роста, причем как администрация, так и коллектив в целом готовы ему способствовать и приветствуют его профессиональные амбиции.

При вторичной адаптации сотрудник заинтересован в улучшенных условиях работы, стабильности, понятном процессе профессиональных коммуникаций, прозрачной системе материальных поощрений и перспективах карьерного роста. Именно на удовлетворение этих его потребностей и должна быть направлена система вторичной адаптации.

Надо заметить, что в период адаптации новый сотрудник особенно восприимчив к внутренним ценностям, принципам коллектива. И если руководитель медицинского учреждения ставит перед собой долгосрочные задачи, то начать нужно именно с работы с персоналом, а эту работу — с формирования системы управления адаптацией.

Для бюджетного медицинского учреждения такая система — это возможность начать формирование крепкого коллектива единомышленников, используя внутренние резервы при минимуме затрат. Возможность снизить текучесть кадров, поднять уровень обслуживания пациентов, сформировать схему трудовых отношений, нацеленную на эффективную работу и профессиональный рост. Система адаптации нового сотрудника успешна в том случае, когда суммарные затраты на его адаптацию будут значительно меньше, чем затраты на поиск нового сотрудника.

Как видим, на практике, по опросам молодых специалистов, сопровождение нового сотрудника в большинстве случаев поручается заместителям руководителя. Крайне редко данную функцию берет на себя руководитель учреждения. Специалисты отдела кадров не участвуют в сопровождении новых врачей. В 10 % случаев назначается наставник, это происходит, как правило, в отношении молодых сотрудников, не имеющих опыта работы.

На первом этапе адаптации — этапе информирования, на наш взгляд, осуществляется довольно продуктивная деятельность: человеку объясняются его задачи и требования к его работе; сотрудник информируется о системе оценок, применяемой к его работе; руководители и специалисты отвечают на интересующие нового врача вопросы.

Отрицательным фактором на этапе информирования нового сотрудника является, по нашему мнению, то, что не рассматриваются его пожелания, хотя целесообразно было бы предположить, что новый сотрудник мог бы привнести что-то новое и перспективное в развитие организации на основе прошлого профессионального опыта.

Таким образом, этап организации введения в должность нового сотрудника в основном ограничивается его представлением персоналу структурного подразделения. Негативными факторами на этапе введения в должность являются невозможность нового сотрудника самопрезентовать, а следовательно, поделиться и перенять положительный профессиональный опыт. Самопрезентация также позволила бы коллективу учреждения лучше, и в значительно краткие сроки, узнать нового сотрудника.

Положительным моментом на этапе организации работы нового сотрудника является обсуждение направлений и основных задач его профессиональной деятельности. Однако составление плана работы на период адаптации, на наш взгляд, могло бы существенно облегчить профессиональную адаптацию нового сотрудника.

Завершающий этап адаптации нового врача ограничивается формальным утверждением его на постоянную должность. Никакие документы о результатах адаптации сотрудника не заполняются и не передаются в отдел кадров. Не обсуждаются и не передаются оценке его профессиональные умения и навыки, а ведь не всегда квалификация специалиста, а тем более врача, который несет ответственность за жизнь пациента, может соответствовать занимаемой им должности.

Итак, результаты проведенных опросов позволяют сделать следующие выводы. Система адаптации персонала в учреждениях здравоохранения находится в стадии своего становления. К ее *положительным* характеристикам можно отнести:

- на этапе информирования нового сотрудника: объяснение задач и требований к его работе; информирование о системе оценок, применяемой к его работе; ответы на вопросы нового сотрудника;
- на этапе введения в должность нового сотрудника: начальник, или его заместитель, лично представляет нового работника персоналу своего подразделения, врач имеет возможность обучаться на новом рабочем месте;

- на этапе организации работы нового сотрудника в должности с ним обсуждаются направления и основные задачи его профессиональной деятельности.

К *отрицательным* характеристикам системы адаптации в медицинских учреждениях, по нашему мнению, относятся:

- в сопровождении новых сотрудников не участвуют специалисты отдела кадров;
- на этапе информирования нового сотрудника не рассматриваются его пожелания, которые, возможно, могли бы внести положительные изменения в управление и организационное развитие медицинского учреждения;
- на этапе введения в должность нового сотрудника отсутствует возможность самопрезентовать;
- на этапе организации работы нового сотрудника в должности ему не предоставляется возможность составить план работы на период адаптации, что позволило бы руководителю оценить ряд профессиональных и личностных качеств работника, умение планировать и организовывать свою деятельность, объем работы, который он может взять на себя, взгляды на организацию медицинской деятельности и т. д.;
- на завершающем этапе нельзя назвать ни одного положительного момента.

На наш взгляд, период адаптации нового сотрудника должен заканчиваться определенным корпоративным мероприятием либо совещанием по поводу обсуждения профессиональных, личностных, психологических, этических качеств утверждаемого на должность. В идеале период адаптации должен заканчиваться для нового сотрудника не формальным утверждением его в должности, а профессиональной оценкой его как представителя медицинской профессии. Результаты, полученные при изучении процесса адаптации врачей учреждений здравоохранения, помогают разработать эффективную программу адаптации врача.

Конкретное содержательное наполнение мероприятий по адаптации персонала можно сформировать, только зная специфику данного учреждения и коллектива. Именно поэтому так много зависит от непосредственных руководителей медицинского учреждения. Постараемся дать основную схему.

Процесс адаптации начинается задолго до первого рабочего дня специалиста. Собственно, подбор персонала должен плавно перетекать в систему адаптационных мероприятий, а та, в свою очередь, в систему оценки и развития кадров. Руководитель учреждения еще при знакомстве должен выявить основные личностные мотивирующие факторы кандидата и сделать с учетом этого презентацию медицинского учреждения. Начинать, как правило, лучше с истории организации, с рассказа о замечательных людях, которые здесь работали и работают. Первое разъяснение предстоящих обязанностей должно содержать как формальные моменты (график работы, систему подчиненности, порядок выплаты заработной платы, систему мер поощрения и социальных льгот и т. д.), так и моменты, касающиеся традиций и устоев коллектива. В идеале нужно рассказать о миссии как конкретного учреждения, так и здравоохранения в целом. Именно базовые понятия могут обоснованно лечь в фундамент взаимоотношений внутри коллектива больницы, стать основой чувства корпоративной общности и гордости за свою профессию.

Второй этап — знакомство нового сотрудника с непосредственным руководителем и коллективом отделения, в котором ему предстоит трудиться. Специалист должен получить информацию о структуре учреждения и территориальном размещении его подразделений (схему учреждения, имена и рабочие (внутренние) телефоны руководителей служб и отделений и т. п.), иерархии подчинения, правилах внутреннего распорядка, перечне его задач в предстоящие дни. Эти сведения собираются в пакет документов («пакет новичка»), выдаваемый на руки в первый день работы для последующего ознакомления.

Адаптационный пакет новичка индивидуален для каждой организации, его информационное наполнение зависит и от структуры, и от внутренних правил, от размера организации и от системы адаптации, принятой в ней. Однако при формировании «пакета новичка» не стоит забывать о законе соответствия — информация, предоставляемая новому сотруднику, должна отражать реальную жизнь организации; необходимо соблюдать правила подачи информации. Здесь можно выделить три основных правила: во-первых, информация должна быть полной; во-вторых — однозначной (не допускающей разночтений); в-треть-

их — своевременной (соответствующей этапу адаптации). Новых специалистов обязательно нужно представить всему коллективу во время небольшой экскурсии по отделам.

Далее непосредственный руководитель лично или через наставника (куратора) предоставляет новому сотруднику следующую информацию:

- функции подразделения: цели и приоритеты, организация и структура; направления деятельности; связь с другими службами; взаимоотношения внутри структурного подразделения;

- должностные обязанности и ответственность: навыки и умения при выполнении медицинских манипуляций, ожидаемые результаты; разъяснение важности данной должности, ее соотношение с другими в подразделении и учреждении в целом; нормативы качества выполненной работы; продолжительность и распорядок дня;

- характерные для конкретного вида работы или данного подразделения правила: порядок действий в случае чрезвычайных ситуаций, отношения с сотрудниками из других отделов, поведение на рабочем месте, контроль нарушений;

- организация отдыха, приема пищи, перерывов; возможность личных телефонных разговоров; использование оборудования; виды помощи, в каких случаях она может быть оказана;

- система внутреннего медицинского документооборота, требования, предъявляемые к отчетности; список документов, с которыми новичку необходимо ознакомиться в первую очередь;

- особенности и порядок работы с пациентами, требования к конфиденциальности используемой в работе информации.

На следующем этапе новый работник непосредственно осваивает виды деятельности, нормы и правила поведения под руководством опытного сотрудника подразделения. Наставником нового работника становится его непосредственный руководитель либо сотрудник подразделения из числа наиболее опытных носителей корпоративной культуры. В его задачи входит: информирование, создание необходимых условий для работы, планирование и организация встреч и представлений, необходимых для скорейшего введения нового сотрудника в должность и его эффективной деятельности; планирование необходимого обучения;

консультационная помощь новому сотруднику при выполнении им плана работы и обучения.

Отдельно необходимо раскрыть понятие наставничества — закрепление молодого специалиста за опытным сотрудником. В идеале хорошая работа наставника должна поощряться материально, в виде стимулирующих выплат. Но даже если такой возможности нет, как минимум, требуется признание его заслуг в масштабах всего учреждения. При вторичной адаптации прикреплённость к наставнику также имеет значение (но в таком случае лучше использовать термин «куратор»). Новому сотруднику комфортнее обратиться со своими вопросами к коллеге, стоящему на одной с ним ступени карьерной лестницы, нежели «дергать по пустякам» руководство. Хотя здесь большую роль играют индивидуальные особенности человека.

Несомненно, при адаптации сотрудника необходима обратная связь, поэтому нужно запланировать периодические (примерно раз в неделю) беседы с новичком. В принципе, не важно, кто будет их проводить — кадровик, непосредственный руководитель или наставник. Видимо, тот сотрудник, у которого сложился более тесный (и желательно неформальный) контакт с новым специалистом. В любом случае, основная задача этих бесед — получение информации следующего характера:

- удовлетворен ли новый сотрудник содержанием и условиями выполнения работы, своим статусом, оплатой труда, перспективами, возможностями для реализации своего потенциала;
- сохраняется ли у него интерес к профессии, стремится ли он к профессиональному росту, соответствуют ли его возможностям сложность и ответственность выполняемых им задач;
- насколько комфортны для него взаимоотношения в коллективе, дает ли работа ощущение уверенности в своих силах, считает ли он справедливой оценку его работы со стороны коллег и руководства;
- приемлем ли для него уровень психологического напряжения и физической усталости во время работы, не испытывает ли он воздействия каких-либо стрессогенных факторов.

Своевременное получение информации о проблемах в процессе адаптации поможет сгладить затруднения и в итоге сохранить специалиста для учреждения, сформирует у него чувство

защищенности и удовлетворенности своей работой, заложит основы для последующего профессионального и карьерного роста.

Завершающим этапом этого пути является оценка успешности адаптации нового специалиста. Как правило, она дается по окончании испытательного срока. В обсуждении этого вопроса должны принять участие сотрудник отдела кадров, наставник (куратор), непосредственный руководитель. Само обсуждение можно провести заочно, без присутствия новичка, чтобы избежать негативных психологических переживаний. Но с выводами он должен быть ознакомлен в обязательном порядке. При этом оценивается его первый опыт работы: нужно раскрыть имеющиеся недостатки, остановиться на способах их устранения, а также подробно рассмотреть сильные стороны и достижения молодого специалиста. Цель этой беседы — формирование у новичка ощущения важности его работы, заинтересованности коллектива в его успехах, поддержки его усилий.

По окончании адаптационного периода (продолжительность которого 3 месяца) непосредственным руководителем данного работника готовится отчет о степени адаптированности нового сотрудника — документ, в котором отражается развернутая характеристика работника, составленная по итогам адаптационного периода. Подготовка документа осуществляется на основании результатов выполнения работником программы адаптации. В содержании отчета должны найти отражение следующие основные вопросы:

- полнота, своевременность и качество выполнения работником мероприятий программы в целом;
- характеристика выполнения работником наиболее важных мероприятий программы;
- характеристика проявленных работником в процессе адаптации личностных качеств (как положительных, так и отрицательных);
- основные итоги деятельности работника в период адаптации (с указанием конкретных показателей — например, по производительности труда, качеству оказания медицинской помощи, числу внесенных работником предложений по совершенствованию организации работы подразделения и т. п.);

- способность работника к социальной и профессиональной адаптации в подразделении, работе над недостатками, обучению и т. п.;

- иные сведения, являющиеся существенными для характеристики работника.

Отчет о выполнении заданий также готовится наставником нового сотрудника на основании результатов деятельности работника в период адаптации и является документом, в котором отражается краткая комплексная характеристика работника по итогам периода адаптации. В содержании отчета должны найти отражение следующие основные вопросы:

- общий уровень квалификации работника, проявленный им во время периода адаптации;

- организованность работника, его способность своевременно, полно и точно выполнять указания и распоряжения руководства, правила внутреннего трудового распорядка учреждения, технологию работ структурного подразделения и т. д.;

- способность работника сохранять от разглашения доверенную ему охраняемую законом тайну;

- наличие у работника необходимых личностных качеств;

- иные сведения, дополняющие характеристику работника и делающие ее более объективной.

Внедрение проекта по адаптации сотрудников, конечно, потребует привлечения дополнительных средств, но, с другой стороны, сохранит так необходимые врачебные кадры.

Управление бюджетным медицинским учреждением — сложнейшая организационная задача. Основной проблемой недостаточного уровня системы адаптации в медицинских учреждениях является крайняя ограниченность в ресурсах, причем не только кадровых и экономических, но и в ресурсах времени. С тем большим вниманием грамотный руководитель учреждения здравоохранения должен отнестись к любой возможности формирования и сохранения коллектива, способного успешно работать в столь непростых условиях. Построение системы управления адаптацией персонала — одна из таких возможностей.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.3(2)6-283.2

В. П. Золотарёв

РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ Т. И. ПОПОДЬКО (1897—1985)

В связи с коренными изменениями в нашей стране деятели советского времени в лучшем случае замалчиваются, в худшем — грубо искажается их самоотверженная и бескорыстная работа в разных сферах СССР. Причем такой участи «удостаиваются» не только лица, занимавшие высокие посты в политической иерархии государства, но и те, которые трудились не покладая рук на не очень заметных, но жизненно важных должностях. Если это делается по непониманию, в связи с потерей памяти, то сии действия Иванов, не помнящих родства, в какой-то мере извинительны. В случае же намеренного замалчивания, а тем более — искажения (а они весьма не редки!), нынешнее поколение недавнего прошлого должно противопоставить основанное на твердо установленных фактах правдивое освещение всех тех, кто жил и трудился на благо народа в советскую эпоху.

К таким скромным труженикам на ниве народного просвещения, вне всякого сомнения, относится истинно русский, советский интеллигент Трофим Ильич Поподько, прошедший путь от учителя начальной школы в Стародубском районе Брянской гу-

---

© Золотарёв В. П., 2013

Золотарёв Василий Павлович — доктор исторических наук, заслуженный профессор Сыктывкарского государственного университета. (8212) 21-44-81

бернии до директора Елецкого учительского / педагогического института (1944—1954 гг.) и Липецкого государственного педагогического института (1954—1958 гг.). Между тем, попытки найти какие-либо концепционные сведения о жизни и трудах Поподько оказались тщетными¹.

Итак, начнем заполнять белые страницы жизни и деятельности Т. И. Поподько. Передо мною «Выпись из Метрических книг Николаевской церкви села Козаричи Суражского уезда Черниговской Епархии, части первой, о родившихся в 1897 году». В ней значится: 16 сентября 1897 г. в деревне Ивановка у крестьянина Ильи Семенов Поподько и законной жены его Ирины Макариева, оба православные, родился сын, нареченный Трофимом². Особо следует сказать про родителей Трофима. Всевышний наградил их внешней красотой, статью, добрыми сердцами, трудолюбием и способностью быстро овладевать рукомерлом. Подать родителям был и Трофим.

Путь Поподько в науку и в искусство управления народным образованием был долгим, мучительно трудным и своеобразным. Он намного раньше освоил науку управления социумом — ученическим коллективом школы, затем родного уезда, факультета, вуза. Накопив большой жизненный и управленческий опыт, Поподько научно обобщил и проанализировал его в блестящей диссертации, оконченной им в 1951 г., — «Профессионально-педагогическая направленность подготовки студентов в учительском институте» (М., 1951. 367 с.).

Рассмотрим первый этап жизни и деятельности Поподько — этап его учения, становления как личности, формирования социально-политической позиции в сложнейшее время движения российского общества через тернии и неисчислимые жертвы к правде и справедливости, труднейшей работы добывания высшего образования и передачи своих знаний, жизненного и научно-педагогического опыта тем, кто после окончания педагогических вузов пойдет сеять, по словам поэта, «разумное, доброе, вечное».

Трофиму не исполнилось еще и восьми лет, когда до Ивановки дошли слухи о кровавых событиях в Санкт-Петербурге, произошедших 9 января 1905 г. Крестьяне, естественно, возмущались варварскими действиями императора Николая II. «Кровавое воскресенье» как могучий подводный взрыв взметнул на по-

верхность громадные волны, кругами хлынувшие по необъятным просторам Российской империи. Трофим мало понимал суть разыгравших трагических событий. Подсознательно созревала мысль — надо учиться, чтобы понимать, что происходит вокруг тебя. Революция еще не была подавлена, и девятилетнего Трофима родители отвезли в Суражское городское 4-классное училище. Началось трудное восхождение крестьянского парнишки по крутой лестнице знаний. Учился он с охотой, с усладой. Закаленный в крестьянском труде, он был одним из первых на уроках гимнастики. С воодушевлением пел песни на уроках пения. Ему нравилась арифметика. Не меньший интерес вызывали уроки русского языка и письма. Трофим методично преодолевал трудности учения и в мае 1913 г. успешно окончил училище. В том же году он поступил на 2-годичные Педагогические курсы при 1-м Смоленском высшем начальном училище. Это учебное заведение было первым в Смоленске не столько по нумерации, сколько по своему преподавательскому составу, который обеспечивал высокое качество образования учащихся. Так, Трофим впервые оказался в большом древнем и славном русском городе.

В 1915 г. Трофим успешно окончил Педагогические курсы. Это подтверждается ксерокопией «Свидетельства» об окончании упомянутых курсов в мае 1915 г. Его обладатель «при отличном поведении» сдал «на выпускных испытаниях» 9 предметов, из них на «отлично» 3 дисциплины (33 %), остальные 6 на «хорошо» (67 %)³. С 15 сентября 1915 г., в разгар Первой мировой войны, Т. И. Поподько начал учительствовать в одной из сельских школ Стародубского уезда⁴.

Грянул пушечный выстрел с крейсера «Аврора». Свершилась 7 ноября 1917 г. Октябрьская революция. Было образовано рабоче-крестьянское правительство (Совет Народных комиссаров) во главе с В. И. Ульяновым (Лениным). Народным комиссаром просвещения назначен А. В. Луначарский. Он обратился 29 октября 1917 г. к учителям с призывом идти в новую школу и учить народ грамоте. Обращение Луначарского заканчивалось словами: «Мы верим, что дружные усилия трудового народа и честной просвещенной интеллигенции выведут страну из мучительного кризиса и поведут ее через законченное народовластие к царству социализма и братству народов»⁵ (курсив мой. — В. З.).

Очевидно, вдохновенный голос А. В. Луначарского был услышан Трофимом Поподько. Двадцатилетнего учителя увлекла идея новой власти — установить «законченное народовластие», социализм и братство народов. Об этом говорит его поступок: в разгар Гражданской войны и военной интервенции, в 1918 г. он становится членом Союза работников просвещения, а с 1919 г. членом Правления Стародубского отделения Союза⁶.

Между тем страна крепла экономически, политически, социально и культурно. Весной 1924 г. завершилась денежная реформа. Советский червонец стал одной из надежных валют. Началась индустриализация страны. Требовались квалифицированные кадры для всех отраслей народного хозяйства. Остро стоял вопрос о кадровом обеспечении народного образования. Поподько понимал, что обстоятельства требуют от него продолжить обучение в вузе. Он, получая хорошую зарплату, скопил денег и отправился в августе 1924 г. поступать в Ленинградский государственный педагогический институт им. Герцена и был зачислен на 1-й курс физико-технического отделения⁷.

В 1927 г. Поподько успешно окончил институт. Началась трудовая жизнь «красного педагога». О своей работе в Брянске после окончания института он поведал в феврале 1957 г. И. Ф. Гладневу, заведующему отделом агитации и пропаганды Липецкого областного комитета КПСС, при подготовке избирательной листовки кандидата в депутаты Областного Совета. В ней читаем: «По окончании... института... [Поподько] преподавал в техникуме и рабфаке в г. Брянске. В 1932 и 1933 годах Т. И. Поподько — ассистент кафедры математики в Брянском лесотехническом институте»⁸.

5 августа 1931 г. СНК РСФСР распорядился создать в Орле индустриально-педагогический институт. Лихорадочно отыскивались преподавательские кадры для вуза. Поподько с его образованием как нельзя лучше вписывался в формируемый властями преподавательский коллектив. Так он оказался в Орле, на первых порах преподавателем математики Педагогического института, затем заместителем декана, а с 1934 по 1940 г. — деканом математического факультета Орловского педагогического института. Большая организаторская и педагогическая деятельность Поподько отнимала много времени, но он находил его и для науч-

ной работы. К 10-летию института был составлен Список научных трудов профессорско-преподавательского состава института за 1932—1939 гг. В нем значится работа Т. И. Поподько «К методике преподавания геометрии в средней школе»⁹.

В нашем распоряжении имеются отзывы выпускников физико-математического факультета тех лет. Приводим короткую цитату из письма выпускника 1938 г. Константина Андреевича Малыгина: «Всю жизнь храню благодарность вузу. Деканом факультета был Трофим Ильич Поподько, требовательный, добрый, приветливый»¹⁰.

Всего через несколько месяцев после оставления им поста декана фашистская Германия вероломно напала на СССР. События развивались с ошеломительной быстротой. 28 июня 1941 г. германские войска овладели Минском, 16 июля танки и мотопехота противника вошли в Смоленск. 30 сентября 1941 г. 2-я танковая группа Гудериана начала наступления на Орел и Брянск, далее на Москву¹¹. Из Орла полным ходом шла эвакуация заводов, населения, учебных заведений, детей. Поподько включается в эту работу. В 1941 г. он вступает в ряды ВКП (б). Его назначают начальником эшелонов по эвакуации детей в Чкаловскую (ныне Оренбургскую) область. Трудно подсчитать, скольким тысячам детей Трофим Ильич спас жизнь, своевременно эвакуировав мальчишек и девочек из передфронтной полосы. Не легче определить, какие усилия он приложил, чтобы выполнить эту работу.

Между тем, в центральной России Красная армия вела ожесточенные бои с фашистскими ордами. Заглянем в газету «Правда» того времени. Совинформбюро сообщало в оперативной сводке за 4 августа 1943 г.: «В течение 4 августа наши войска на Орловском направлении продолжали успешно развивать наступление... ворвались в Орел, где ведут уличные бои с противником»¹². Еще далеко было до окончания Великой Отечественной войны, но победа уже сияла над европейским континентом. Страна занималась мирным строительством на освобожденных землях. Надо было укреплять вузы. Квалифицированных кадров не хватало. Приказом Народного комиссара просвещения РСФСР В. П. Потёмкина 29 января 1944 г. Поподько был назначен директором Елецкого учительского института¹³. Начался новый, самый плодотворный период в жизни и деятельности Т. И. Поподько,

который условно можно назвать директорским¹⁴. Он длился около 15 лет. Этот период подразделяется на два этапа: 1944—1954 гг. — десять лет работы директором Елецкого учительского института и 1954—1958 гг. — четыре года деятельности на посту директора Липецкого педагогического института.

В протоколе № 3 Совета института, состоявшегося 9 декабря 1946 г., обсуждавшего вопросы об улучшении воспитания студентов, читаю: «Поподько Т. И. — вопрос... сугубо политический. Тов. Михайлова (зав. кафедрой истории. — В. З.) не интересуется современностью. На своих лекциях он не делает увязки с современностью. Это не единственный случай в институте... Мы плохо работаем над повышением идейно-политического уровня. Преподаватель должен служить для студентов образцом. Если мы не изменяем своего отношения к работе, мы не выполним решений, стоящих перед нами»¹⁵. Через три месяца, 17 февраля 1947 г. Совет института рассматривал вопросы организации педагогической практики студентов в школах г. Ельца и района. Поподько, судя по записям, несколько раз поднимался со своего председательского места и выступал. Он констатировал, что «студенты добросовестно готовятся к урокам, но на уроках физики студенты не могли ответить на исторический вопрос: когда был изобретен телефон, телеграф... У студентов слаба грамотность, слабо их общее развитие... Налицо недостатки в области культуры речи, орфографии и синтаксиса...»¹⁶. Он говорил также о слабом руководстве работой студентов на педагогической практике преподавателями института Даевым и Чистяковским. Совет разработал целую систему мероприятий, выполнение которой способствовало бы улучшению профессионально-педагогической направленности подготовки студентов Елецкого учительского института. 17 апреля 1947 г. на Совете института (протокол № 9) рассматривается вопрос о работе базовой школы (НСШ № 3). Итоги обсуждения подвел Т. И. Поподько: «Основные дисциплины в школе должны вести преподаватели института»¹⁷. Настойчивая и высоко профессиональная педагогическая деятельность директора была замечена его коллективом. Протокол № 8 от 15 апреля 1947 г. засвидетельствовал предложение партийной организации Елецкого учительского института о возбуждении ходатайства перед Министерством просвещения РСФСР о присвоении в порядке

исключения без защиты диссертации ученого звания доцента директора института Т. И. Поподько по кафедре математики.

С обоснованием ходатайства на Совете выступил заместитель секретаря партийной организации кандидат исторических наук А. Л. Ямпольский. Он отметил, что Поподько имеет солидный по времени (более 30 лет, в том числе 15 лет в вузе) стаж педагогической работы, богатейший и разнообразнейший опыт преподавательской и административной деятельности. Особенно значима его работа деканом физико-математического факультета Орловского педагогического института с 1934 по 1940 г. и директором Елецкого учительского института с 1944 г. Хотя Поподько, продолжал Абрам Лазаревич, чрезвычайно занят административной работой, он выкраивает время для занятий наукой. Руководители учреждений, где работал Поподько, давали отличную характеристику его научно-педагогической деятельности. Показателем высокого авторитета у общественности области и города является тот факт, что Поподько выполнял обязанности секретаря избирательной комиссии Елецкого учительского института по выборам в Верховный Совет СССР и РСФСР¹⁸.

Спустя почти месяц, 11 мая 1947 г. Совет института (протокол № 10) принимает единогласно решение о присвоении ученого звания доцента кандидату исторических наук А. Л. Ямпольскому, работающему в течение 7 лет заведующим кафедрой основ марксизма-ленинизма. К этому времени стаж педагогической работы Ямпольского в вузе составлял 16 лет¹⁹.

Руководство Министерства просвещения РСФСР не могло не обратить внимания на знаменательный факт — из небольшого провинциального вуза поступили материалы о нескольких претендентах на ученое звание доцента, тогда как из более крупных институтов подобные факты были еще очень редки. И оно быстро отреагировало на поступившее предложение — направило комиссию для проверки работы по организации научных исследований в институте. Итоги проверки работы комиссии Министерства просвещения РСФСР зафиксированы в протоколе № 11 Совета института от 20 мая 1947 г.: впечатления комиссии — коллектив крепкий, организация работы четкая.

Квалифицированных кадров в Елецком учительском институте становится все больше и больше. Поподько постоянно дума-

ет об этом, отыскивает талантливую молодежь и направляет ее в аспирантуру ведущих вузов страны. Не меньшую заботу о кадрах проявляет и заместитель секретаря парторганизации института Ямпольский. Из архивных документов, из личных наблюдений об отношениях между этими неординарными людьми вполне правдивым будет вывод о том, что они думали одинаково, видели проблемы как бы одним взором и намечали реальные пути их решения. Можно сказать, что Абрам Лазаревич идеологически обеспечивал директорскую работу Поподько.

Этот тандем особо зримо проявил себя во время работы в Липецком педагогическом институте. Вероятно, что именно Ямпольский подвиг Поподько на подготовку в самые короткие сроки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Как талантливый педагог, скромный, отзывчивый и внимательный товарищ, солдат Великой Отечественной²⁰, имевший огромный жизненный опыт, он убедил Поподько взяться за эту трудную работу. Трофим Ильич не с пустыми руками поехал в Московский областной педагогический институт к известному ученому, профессору Петру Николаевичу Шимбиреву — у него уже была рабочая гипотеза диссертации (машинопись уместилась на двух листах) и папка с материалами почти за десятилетие опытной работы по организации учебно-научно-воспитательного процесса в Елецком учительском институте. Они быстро нашли общий язык. Профессор одобрил концепцию исследования.

Диссертация имела короткое и ясное заглавие: «Профессионально-педагогическая подготовка студентов в учительском институте»²¹. В структурном отношении она безупречна. В первой главе автор продемонстрировал систему работы учительского института по обеспечению профессионально-педагогической направленности в подготовке студентов (с. 37—97), которую подробно рассмотрел во второй главе — «Профессионально-педагогическая подготовка студентов в учебном процессе» (с. 98—210), третьей — «Педагогическая практика студентов института» (с. 211—258) и четвертой — «Профессионально-педагогическая направленность во внеучебной работе студентов» (с. 259—287). Как видим, более трети диссертации занимает вторая глава. Тем самым автор убедительно доказывает, что основная профессиональная направленность должна осуществляться в учебном про-

цессе всех — без исключений — научных дисциплин, изучаемых студентами в учительском институте. Поподько освещает опыт руководимого им института по совершенствованию учебного процесса в связи с исследуемой проблемой. Вторым направлением в этой работе он совершенно справедливо считает педагогическую практику студентов в базовых школах под руководством опытных наставников из института и творчески работающих учителей школ.

Организация педагогической практики студентов была любимым делом Трофима Ильича. Он требовал от руководителей всех подразделений института обязательного посещения уроков студентов-практикантов и самого активного участия вместе с учителем в разборе проведенных уроков. Некоторых преподавателей, отлынивающих от этой работы, он укорял: «Идите на уроки студентов. Разве вам не интересно посмотреть, как они учат учащихся тому, чем вы их учили в институте. Вы узнаете там сильные и слабые стороны своей работы со студентами». Хорошо помню, что на третьем курсе Липецкого педагогического института проходил практику по истории в 6-м классе одной из школ, расположенных рядом с институтом. Давал урок, посвященный Карлу Великому. Хорошо подготовился. И вот за несколько минут до начала урока в класс заходят проректор по учебно-научной работе, опытнейший педагог, доцент Ю. Ф. Тетюцкая и секретарь партийной организации института, не менее опытнейший К. А. Кивильша. У меня ёкнуло сердце. Быстро справился с волнением. Урок провел хорошо. Меня похвалили. А теперь зададимся вопросом: «Разве Ю. Ф. Тетюцкая и К. А. Кивильша, занятые донельзя, без советов Поподько пришли бы на урок?» Тут явно видна рука директора.

Однако вернемся к диссертации Т. И. Поподько. Нетрудно убедиться, что кандидатское исследование Поподько имеет одновременно и теоретический и прикладной характер. Оно является обобщением многолетнего педагогического опыта автора и его коллег, а также студентов. В приложениях к диссертации названы имена студентов, подготовивших и проведших уроки и написавших рефераты. Особенно примечателен в этом отношении конспект урока по русскому языку студентки Шустовой на тему «Значение частиц», проведенного 27 ноября 1950 г. в 6-м «д»

классе 8-й НСШ г. Ельца, который был подготовлен с непосредственным участием Трофима Ильича и на котором он присутствовал. Чем же примечателен этот урок? Прежде всего ясными и четко сформулированными целями: 1) познакомить учащихся со значением частиц, 2) провести воспитательную работу на материале урока и 3) ввести в активный словарь учащихся новые слова²². Но, казалось бы, какую воспитательную работу возможно провести в процессе изучения частиц русского языка? На этот вопрос дает красноречивый ответ заключительная часть урока, в которой разбираются предложения с частицами для закрепления знаний учащихся. Вот эти предложения. Читаем и думаем.

«Неужели мы позволим, чтобы снова война разрушила наше счастье? *Лишь* только тот достигнет сияющей вершины науки, кто, не страшась, карабкается по ее каменистым тропам (объясняется прямое значение этого предложения).

Никакие трудности *не* остановят людей в борьбе за мир на всей Земле.

Как радостно и счастливо живет детям в нашей стране!

Что за счастье быть полезным своему народу!»

Вначале эти предложения разбираются с учащимися класса устно, затем записываются на доске, ученики в своих тетрадях; частицы подчеркиваются²³. Органически связывается с конспектом урока «Объяснительная записка» к нему²⁴, в которой аргументируется избрание всех его компонентов. В «Записке» разъясняется чрезвычайная важность темы «Значение частиц»: благодаря наличию в русском языке разнообразных частиц можно передавать тончайшие оттенки мысли и тем самым обогащать устную и письменную речь учащихся. Одним словом, объяснительная записка — это новый элемент методики преподавания русского языка, который автор диссертации, по своему базовому образованию математик, привлек из методики преподавания математики (или физики). Суммируя мысли, возникшие в процессе изучения диссертации Т. И. Поподько, можно утверждать, что его кандидатское исследование — это результат длительного труда, серьезных размышлений на основе практического опыта. Поподько предстает в нем зрелым, творческим исследователем сложнейшего объекта, каким является процесс обучения и воспитания учащихся в школе. Защита проходила 7 января 1952 г. на Диссертационном совете Москов-

ского областного педагогического института. Первым официальным оппонентом был известный ученый, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент АПН РСФСР Г. Е. Жураковский, вторым — кандидат педагогических наук, доцент Н. К. Бауман²⁵. Когда Трофим Ильич встал за кафедру, то члены Совета увидели зрелого ученого (ему минуло уже 54 года), уверенно докладывавшего результаты своих многолетних изысканий о том новом, что вносит его диссертация в систему профессионально-педагогической подготовки студентов учительского института. Можно утверждать, что защита прошла «штатно» и Поподько вернулся в Елец кандидатом педагогических наук.

Через год с небольшим страну потрясло сообщение — 5 марта 1953 г. умер руководитель Советского Союза И. В. Сталин. Народ искренне и глубоко переживал это событие.

Руководители СССР начали принимать меры по улучшению управления огромной страной. Одной из них явилось образование новых областей. 6 января 1954 г. последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Липецкой области, в которую вошли приграничные к Липецку районы Воронежской, Рязанской, Орловской областей. И закипела работа, в том числе и в сфере высшего образования. В июне 1954 г. реорганизуются учительские институты, расположенные на территории только что созданной области. В областном центре было решено открыть Государственный педагогический институт на базе трех учительских — Елецкого (директор Т. И. Поподько), Липецкого (Б. Л. Панфёров) и Чаплыгинского (К. Л. Рупасов). Встал вопрос о директоре. Предпочтительнее выглядел среди трех директоров Трофим Ильич Поподько: и доцент, и стаж директорства (10 лет), и большой авторитет среди общественности, и замечательная характеристика, и, наконец, внушительная статья и обаяние личности. Министр просвещения РСФСР, президент АПН РСФСР И. А. Каиров подписал приказ о назначении Т. И. Поподько директором Липецкого государственного педагогического института.

И. А. Каиров дал задание своим подчиненным подыскать опытного замдиректора по учебно-научной работе, желательно филолога по базовому образованию, имеющего ученую степень и звание, чтобы он мог курировать гуманитарные науки в институ-

те. Поподько брал на себя руководство естественно-математическим циклом наук. Быстро определили, что наиболее подходящей кандидатурой на эту должность является Ю. Ф. Тетюцкая, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и литературы Красноярского государственного педагогического института. Юлия Францевна была под стать Трофиму Ильичу: среднего роста, с правильными чертами лица и удивительно светлыми и добрыми глазами.

Опорой Трофима Ильича и Юлии Францевны, как мне казалось в годы студенчества и в чем я убежден сегодня, был Абрам Лазаревич Ямпольский, о котором уже упоминалось выше. Они втроем выстраивали Липецкий педагогический институт. В первые годы работы института Абрам Лазаревич был самым эрудированным преподавателем и виртуозным педагогом. К этому необходимо добавить, что он любил молодежь, чутко относился к студентам, старался помочь им в творческом развитии, по-отцовски оберегал от необдуманных поступков.

Мы росли и мужали вместе со страной. Начиная с 1954 г. в газете «Правда» стали публиковаться статьи с намеками на некоторые ошибки И. В. Сталина, а затем и с критикой его действий. Недоумевали: что бы это значило? Обсуждали в своей студенческой среде, особенно с нашими товарищами, бывшими намного старше нас. Обращались к преподавателям. Особенно донимали Ямпольского. Наученный жизнью, прошедший от звонка до звонка Великую Отечественную войну, осторожный в суждениях, Абрам Лазаревич не давал прямых ответов и всегда говорил: «Поживем — увидим». И увидели.

В феврале 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, на котором видные деятели партии и государства подвергли критике деятельность И. В. Сталина, а Хрущев выступил после закрытия съезда с докладом «О культе личности и его последствиях». Однако же доклад не был опубликован в советской печати, но каким-то образом оказался на страницах крупнейших газет США. Первым крупномасштабным актом стало ознакомление с ним всех членов КПСС и ВЛКСМ. В областные комитеты КПСС фельдъегерями было доставлено нужное количество экземпляров доклада. Секретари первичных парторганизаций под расписку получали текст доклада в районном (городском) комитете КПСС

и обязаны были зачитать его на собрании коммунистов с приглашенными комсомольцами. Задавать вопросы и обсуждать доклад не разрешалось.

Читка доклада Хрущева началась в марте 1956 г. Секретарем парторганизации института был в то время В. А. Кириленков. Владимир Антонович открыл собрание в самом вместительном в институте читальном зале библиотеки. После короткого вступительного слова, смысл которого состоял в том, что по решению ЦК коммунисты должны быть ознакомлены с закрытым докладом Хрущева на XX съезде КПСС, он каким-то, как мне показалось, отрешенным взглядом окинул зал, медленно развязал тесемки картонной папки, извлек из нее брошюру формата издания «роман-газета» в ярко-красном мягком переплете и дрожащим указательным пальцем правой руки открыл обложку (я сидел во втором ряду от кафедры и видел все детали начала собрания), медленно подошел к кафедре и начал читать — медленно, без эмоций, мягким глуховатым голосом без всякой тембрации. По мере чтения в зале устанавливалась жуткая тишина. Никто ни с кем словом не обмолвился, никто ни на кого не посмотрел, никто пальцем не пошевелил. Напряженность как будто усиливалась какая-то неведомая энергия, идущая с вечернего неба. Читал Кириленков, вероятно, более двух часов. Наконец, закончил и сказал: «Всё. Можете быть свободны».

Выходим из зала медленно, хмуро, испытывая на плечах своих неподъемную тяжесть. Взглянул на вышедших, отыскал взглядом фигуру Трофима Ильича. Он согбенный, с понурой головой шел вслед за Юлией Францевной. Что он думал об услышанном, теперь не узнать. Однако по косвенным данным могу утверждать, что он не одобрял действия «дегтемазов» Сталина и советской действительности 20-х — начала 50-х гг. прошлого века, ибо знал это время не понаслышке, он в нем жил и работал. Он строил вместе с народом новую невиданную страну, в которой каждый умный, честный и любящий труд человек мог достичь всего, чего хотел. В отличие от «дегтемазов» он хорошо знал и царскую Россию. Не забудем: в 1917 г., когда свершилась Великая Октябрьская революция, Трофиму Ильичу было 20 лет.

В апреле — мае 1956 г. в институт зачастили лекторы ЦК КПСС с разъяснениями материалов XX съезда. Но все их высту-

пления сводились к очернению деятельности Сталина. Кроме репрессий, цифры о которых не основывались на объективной статистике, они не видели (или им не разрешалось видеть) в жизни страны 20—50-х гг. XX века ничего другого. Хорошо помню одно из подобных лиц. Нас попросили пройти в небольшую аудиторию (скорее всего, Трофим Ильич не советовал нашему декану Кириленкову занимать вместительное помещение). Фамилию лектора не помню, но она была нерусской. В своей жизни я не встречал более злобного человека, буквально изрыгавшего ненависть к сталинскому времени. Он, судя по всему, был недавно возвращен из ссылки. Одет в дорогой темносерый костюм, на ногах большого размера туфли на толстенькой резиновой подошве — явно свидетельствовали о болезни ног. Ему было за пятьдесят. Сед как лунь. Он вошел в аудиторию, положил на стол папку, набитую бумагами стандартного формата до того, что ее застежки никак не дотягивали до замка, начал из папки брать лист, на котором крупными буквами было написано всего пять—семь строк, и громко со злобой их зачитывать. Наконец, последний лист зачитан, и мы дружно покинули аудиторию. О косвенных данных, говорящих о позиции Поподько в отношении фальсификации подлинной истории советского общества, читатель уже догадался — директор не разрешил сгонять студентов в большой зал на лекцию, да и сам на нее не пришел. Факты далеко не рядовые для того времени.

Еще об одном факте моих студенческих лет — так называемом «деле Игоря Ветловского» и об отношении к нему Трофима Ильича я не могу умолчать по двум причинам. Во-первых, это «дело» было раздуто тогда, и, во-вторых, оно крайне односторонне интерпретируется в некоторых недавних публикациях²⁶. Здесь расскажу о своем тогдашнем видении этого факта и поясню отношение к нему Трофима Ильича. Всестороннее же освещение «дела Ветловского» возможно лишь при одном условии: глубоком и беспристрастном изучении всех без исключения сохранившихся документов, с учетом свидетельств еще здравствующих прямых и косвенных его участников, в особенности самого Ветловского.

Сначала о главном персонаже. Игорь поступил на историко-филологический факультет, проучившись в одном из ленинградских вузов год или два. В этом городе он потерял ногу, попав

под трамвай. Залечив раны, он явился в Липецк, стал студентом. Ветловский был начитан, ироничен до язвительности, всем недоумен, крайне критичен. Он высказывался (до неприличия) о преподавателях. Максим Константинович Боев, кандидат исторических наук, доцент, человек добродушный, хорошо относившийся к студентам, убеждал Ветловского отказаться от каверз, носивших политический характер. Однако Ветловский не сдавался. Боев был вынужден проинформировать партийное бюро института о его поведении. Г. А. Воронцов назвал это «стукачеством» и разразился целым спичем о всеветном стукачестве в СССР в 30-е гг. XX века²⁷. Это, мягко говоря, неправда.

Ветловский продолжал действовать. В институтской стенной газете появились его стихи с некорректными оценками преподавателей. Стенгазету быстро сняли со стенда. Раздраженный Ветловский и иже с ним сочинили и отослали письмо в ЦК КПСС. Затем начались обсуждения в студенческой группе, в ГК ВЛКСМ и т. д. Вероятно, одним из последних событий в их цепи было обсуждение поведения Ветловского на факультетском комсомольском собрании, где присутствовали Поподько (его избрали в президиум), Тетюцкая, Кириленков и другие преподаватели. Естественно, Ветловского пригласили за кафедру — объяснить. Когда он вышел и начал, пренебрегая корректностью, критиковать преподавателей, в том числе любимца студентов — филолога доцента Н. В. Карпова, Трофим Ильич не выдержал, стукнул кулаком по столу и с раздражением, громко, почти крича, сказал: «Ветловский, прекратите, я не позволю шельмовать моих преподавателей!» Поведение Ветловского послужило одним из оснований для принятия ГК ВЛКСМ решения о его исключении из числа студентов института. Казалось, Трофим Ильич должен был воспользоваться этим решением, но он не исключил Ветловского из института, а перевел его на отделение заочного обучения.

Воронцов недоумевает: «Почему зам. директора института Ю. Ф. Тетюцкая, взявшая на себя роль главного обвинителя, рвала и метала, а директор ни разу публично не высказался по всколыхнувшему институт факту и отказался выполнить требование об исключении И. Ветловского из числа студентов?»²⁸ Приведенная цитата требует пояснений. Надо сказать, что Тетюцкая не выступала «главным обвинителем» потому, что суда над Ветлов-

ским не было, а было обсуждение его поступков, которые трудно вписывались в этику студента. Собрание имело одну цель — убедить Ветловского от дальнейших непродуманных поступков. При обсуждении поведенческих вопросов Тетюцкая излагала факты и делала вытекающие из них выводы. Далее. Почему Трофим Ильич ни разу не выступил о поступках Ветловского? Он не любил длинных речей. В этом я убедился, просматривая протоколы Совета Елецкого и Липецкого институтов за четырнадцать лет его директорства (1944—1958 гг.). Однако несколько предложений, зафиксированных в этих документах, ясно выражали позицию директора. Разве поступок Трофима Ильича на комсомольском собрании, приведенный выше, не красноречивее слов говорит о его отношении к «делу Ветловского»?

Тут есть еще один нюанс. Принципиально важные решения, касающиеся института, Поподько и Тетюцкая согласовывали заранее, до их обсуждения в коллективе, в особенности в коллективе студенческом. Так что, выступая, Юлия Францевна, подчеркиваю, по принципиальным вопросам выражала мнение согласованное, а не только свое, личное. Они были многоопытными руководителями и не допускали мысли о разных позициях в процессе принятия решения. Скорее всего, они не мало дискутировали во время подготовки документов, но всегда приходили к общему мнению, которое чаще всего докладывала Юлия Францевна. Если это так, а было именно так (я хорошо знал Юлию Францевну, она нередко беседовала со мной, и не только по учебным вопросам), тогда зачем же было выступать Трофиму Ильичу по «делу Ветловского»? Однако факт этот отразился на дальнейшей судьбе Поподько.

Последний, пятый год учения в институте начался с новым директором, присланным в сентябре 1958 г. Министерством просвещения РСФСР — Василием Ивановичем Карасевым. Он был опытным чиновником: всё руководство института (кроме директора) осталось на своих должностях. Юлия Францевна Тетюцкая продолжала ведать учебно-научной работой, Владимир Антонович Кириленков — делами историко-филологического факультета. Трофим Ильич Поподько стал заведующим кафедрой математики. Он бывал в институте в те дни, когда у него были занятия или какие-либо мероприятия — партийные или профсоюзные собрания или еще что-либо. Видел я его весьма редко, раз-два в

рекреациях здания института и на партийных собраниях. Он не показался мне тогда человеком кем-то обиженным, на кого-то смотрящим косо или просто отворачиваясь. Встречаясь в длинных коридорах института и здороваясь с ним на почтительном расстоянии кивком головы, я видел его улыбочивое, румяное лицо человека, источавшего радость жизни. Он, по воспоминаниям коллег его кафедры, освобожденный от сутолоки административной деятельности, с увлечением работал над научным и методическим совершенствованием читавшихся им курсов.

В марте 1959 г. нас, первый институтский выпуск, распределили на места будущей учительской службы. Вместе со своими товарищами по факультету я выехал в Алтайский край и был сразу же назначен директором Отрадненской семилетней школы Кытмановского района, где работал до сентября 1962 г. Каждый год, уезжая в вакационное летнее время в отпуск на свою малую родину, считал долгом заходить в институт, но Трофима Ильича ни разу не встретил.

Готовя эту рукопись к публикации, я получил скудную информацию о последних годах жизни первого директора Липецкого педагогического института. 16 сентября 1977 г. на кафедре, в узком кругу друзей и коллег, Трофима Ильича чествовали в связи с 80-летием. Говорили короткие, честные и хорошие речи. К огорчению, в областных газетах («Ленинское знамя» и «Ленинец») не было ни строчки напечатано об этом юбилее и юбиляре. Тем более огорчительно, что редактором «Ленинца» работал выпускник института Н. Смольянинов. Как порой забывчивы и неблагодарны бывают люди! Трофим Ильич был к этому времени одинок: супруга умерла, единственный его сын жил отдельно от отца. Трофим Ильич еще восемь лет коротал свою одинокую жизнь. 27 января 1985 г. его земной путь окончился. Похороны были более чем скромными на городском погосте. За могилой никто не ухаживал и отыскать ее не удалось. Забыли, кому по долгу службы следовало помнить.

Если бы Трофиму Ильичу и его самым верным коллегам-соратникам — Ю. Ф. Тетюцкой, А. Л. Ямпольскому, К. А. Кивельше — суждено было дожить до разрушения Союза, то каждый из них мог бы сказать: «Судьба страны — моя судьба». Наибольшее основание на такие слова имел бы Т. И. Поподько. И вот

почему. Он вступил в трудовую жизнь сознательным и верным сторонником Советской власти. Она предоставила ему возможность получить хорошее образование, позволившее работать в системе высшего образования около четырех десятков лет, из которых без малого полтора десятка на директорском посту двух институтов. Оба института под его руководством стали современными учебными заведениями, отвечавшими запросам того героического времени. Много усилий Трофим Ильич прилагал к поиску преподавательских кадров и качественному набору студентов на первый курс всех специальностей.

И еще один, заключительный штрих нанесем на портрет первого директора первого высшего учебного заведения Липецка и Липецкой области. Трофим Ильич искал, находил и пестовал способных студентов. Из первых выпускников вышло немало специалистов, ставших затем докторами и кандидатами наук, известными руководителями партийной, комсомольской, профсоюзной организаций г. Липецка и других городов и районов области, журналистами, преподавателями вузов, известными учителями средних школ, поэтами, литераторами. Но все-таки главная заслуга Трофима Ильича как первого директора Липецкого педагогического института состоит в том, что он за короткое время сумел сформировать такой коллектив преподавателей, в котором каждый был образцом для студентов.

Беру на себя смелость сказать от имени первых четырех выпускников (их набор проводился под наблюдением Т. И. Поподько), что мы безмерно благодарны ему за то, что получили широкое и глубокое образование в первенце вузов Липецкой области, которым руководил «Наш Ильич».

Примечания

¹ Липецкая энциклопедия. Липецк ; Рязань, 2000—2001. Т. 1—3.

В этом издании нет даже короткой биографической справки о Т. И. Поподько.

² Центральный государственный архив С.-Петербурга (далее — ЦГА СПб.). Ф. 4331. Оп. 4. Д. 2154. Л. 4.

³ Свидетельство об окончании Поподько 2-годичных Педагогических курсов при 1-м Смоленском высшем начальном училище 3 мая 1915 г. // Там же. Л. 9, 9 об.

- ⁴ Удостоверение [выданное Т. И. Поподько Стародубским УОНО 4 июня 1927 г.] // Там же. Л. 7.
- ⁵ Обращение Народного комиссара по просвещению 29 октября 1917 г. // Народное образование в СССР : сб. док., 1917—1973 гг. М., 1974. С. 9.
- ⁶ Удостоверение [Т. И. Поподько, выданное Правлением Стародубского отделения Брянского губотдела Проф. Союза работников просвещения СССР 31 мая 1927 г.] // ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 4. Д. 2154. Л. 8.
- ⁷ Зачетная книжка Т. И. Поподько // Там же. Д. 2154.
- ⁸ Поподько Трофим Ильич : избирательная листовка с фотопортретом и краткой биографией. Липецк, 1957.
- ⁹ Государственный архив Орловской области. Ф. Р.-2273. Оп. 1. Д. 64. Л. 3.
- ¹⁰ Письмо К. А. Малыгина хранится в Музее Орловского государственного университета.
- ¹¹ История СССР с древнейших времен до наших дней : в 2 сер., 12 т. Сер. 2, т. 10. М., 1973. С. 24, 46, 86, 143.
- ¹² Правда. 1943. 5 авг.
- ¹³ Государственный архив Липецкой области (далее — ГАЛО). Ф. Р.-113. Оп. 1. Д. 4. Л. 153.
- ¹⁴ Там же. Д. 1. Л. 12.
- ¹⁵ Там же. Л. 18.
- ¹⁶ Там же. Л. 32.
- ¹⁷ Там же. Л. 41.
- ¹⁸ Там же. Л. 42.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Абрам Лазаревич Ямпольский : некролог // Ленинское знамя. 1979. 7 апр.
- ²¹ Диссертация Т. И. Поподько сохранилась. Машинопись объемом 367 страниц в переплете хранится в Научной библиотеке Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина.
- ²² Там же. С. 329.
- ²³ Там же. С. 335.
- ²⁴ Там же. С. 335—341.
- ²⁵ Личное диссертационное дело Т. И. Поподько // Архив Московского государственного областного университета.
- ²⁶ *Воронцов Г. А.* Начало : воспоминания о студенческих годах полвека спустя. Ростов н/Д, 2010. С. 164—165, 176—177 и др.
- ²⁷ Там же. С. 167.
- ²⁸ Там же. С. 177.

М. В. Рычкова

**«ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ — ПОНЯТИЕ РУССКОЕ»
(РЕКТОР МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
А. А. ЛОГУНОВ)**

Понятия «научная интеллигенция» и «Московский университет» неразрывно связаны. На протяжении своей многовековой истории Московский университет был и остается местом формирования и развития научной и педагогической деятельности тысяч ученых, составивших славу не только отечественной, но и мировой науки. В советский период университет, взяв за основу дореволюционные традиции, адаптировав их к современным условиям и требованиям времени, продолжал оставаться интеллектуальным центром, воспитавшим не одно поколение советской научной интеллигенции. Ярким ее представителем был академик Анатолий Алексеевич Логунов — талантливый ученый, педагог, организатор. Будучи ректором МГУ им. М. В. Ломоносова, он смог соединить в себе верность традициям и новаторский подход к пониманию университетского образования.

А. А. Логунов прошел долгий путь от студента до ректора МГУ им. М. В. Ломоносова. Окончив университет в 1951 году, Анатолий Алексеевич буквально «со студенческой скамьи пересел на аспирантский стул»¹. После защиты диссертации в 1954 году он начал работать на механико-математическом факультете. В 1956 году вслед за своим любимым учителем, академиком Н. Н. Боголюбовым, перешел в Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ) в Дубне на должность заместителя директора лаборатории теоретической физики. Деятельность его на этом посту была высоко оценена руководством страны. В 1963 году А. А. Логунов получил новое назначение на должность директора Института физики высоких энергий (ИФВЭ, Протвино,

---

© Рычкова М. В., 2013

Рычкова Мария Валерьевна — аспирантка кафедры политической истории факультета Государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. [evrychkova\(@\)rambler.ru](mailto:evrychkova(@)rambler.ru)

под г. Серпуховом). Об этих событиях журналист газеты «Московская правда» писал: «Это теперь Протвино — город — красавец... А тогда, в 1963 году, это был поселок в лесу. И только. Снова Логунову пришлось начинать с нуля... он был назначен директором института, по сути, еще не существующего. ... Надо было не просто приглашать ученых, подбирать кадры. Надо было обеспечить быт этих кадров»².

На этом посту А. А. Логунов проявил «яркий талант организатора»³ и занимался не только точной наукой. В 1967 году был запущен крупнейший на тот момент в мире ускоритель. За это достижение в 1970 году А. А. Логунов вместе с другими учеными «за разработку и ввод в действие протонного синхротрона ИФВЭ на энергию 70 ГэВ»⁴ был удостоен Ленинской премии.

В 1970 году Анатолий Алексеевич стал заведующим кафедрой физики высоких энергий МГУ им. М. В. Ломоносова⁵, в 1972 году он был избран академиком АН СССР⁶, а уже в 1974 году — вице-президентом⁷.

Работа А. А. Логунова как физика-ядерщика была значима как для отечественной и мировой науки, так и для развития государства, именно поэтому автора многих фундаментальных работ и открытий неоднократно отмечали премиями и наградами⁸. 23 января 1980 года ректору А. А. Логунову было присвоено звание Героя Социалистического Труда⁹, а 29 декабря 1986 года его наградили орденом Ленина¹⁰.

Большой вклад был внесен А. А. Логуновым в теорию дисперсионных соотношений. Им был предложен новый эффективный метод рассмотрения релятивистской задачи двух частиц в квантовой теории поля, который нашел широкое применение в квантовой электродинамике, а также используется для описания рассеяния адронов при высокой энергии. Крупные теоретические работы ученого посвящены изучению физических процессов при предельно высоких энергиях. А. А. Логунов установил ряд важных соотношений между характеристиками таких процессов. Он разработал новый подход к проблеме множественного рождения частиц при высоких энергиях. Исследования этих процессов имели исключительное значение для понимания динамики сильного взаимодействия частиц и составляют и в настоящее время важнейшую часть научных программ всех ускорительных лабораторий мира¹¹.

Несмотря на то что сфера интересов А. А. Логунова была чрезвычайно сложна и многоаспектна, тем не менее, Анатолий Алексеевич старался донести свои революционные научные идеи до широкой общественности. В 80-е годы XX века на страницах научно-популярного журнала «Наука и жизнь» развернулась своеобразная дискуссия между именитыми учеными. Интерес среди читателей был столь велик, что редакция была вынуждена сделать заявление: «После того, как на страницах журнала “Наука и жизнь” развернулась дискуссия по поводу общей теории относительности, редакция получила более тысячи писем и рукописей... честно говоря, мы надеялись, что публикация статьи академика А. А. Логунова “Новая теория гравитации” вызовет много откликов, но все же не предполагали, что их будет настолько много»¹².

«Наука и жизнь» — это не единственный журнал, освещавший научную дискуссию защитников и противников релятивистской теории гравитации (РТГ). В том же 1988 году, но уже в журнале «Успехи физических наук», были напечатаны два прямо противоположных материала. Статья А. А. Логунова, Ю. М. Лоскутова и М. А. Мествиришвили «Релятивистская теория гравитации и ее следствия»¹³ представляла четкую концепцию РТГ, а Я. Б. Зельдович и Л. П. Гришук в статье «Общая теория относительности верна!»¹⁴ отстаивали свою концепцию на базе Общей теории относительности. Такие сложные темы с обилием профессиональных терминов трудны для восприятия даже подготовленного человека, тем не менее, именно эта дискуссия двух научных школ имела успех в широких читательских кругах.

После трагической гибели Р. В. Хохлова, ректора Московского университета с 1973 по 1977 год, на этот пост был назначен А. А. Логунов¹⁵. Почти пятнадцать лет, с 1977 по 1992 год, Анатолий Алексеевич добросовестно исполнял возложенные на него обязанности по управлению «флагманом высшей школы», но, кроме этого, он большое внимание уделял и общественно-политической деятельности.

В общей сложности А. А. Логунов трижды становился депутатом Верховного Совета СССР, только за период ректорства он дважды выдвигался «коллективом профессоров, преподавателей, студентов, рабочих и служащих Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова...»¹⁶. Согласно Про-

токолу окружной избирательной комиссии о результатах выборов в Верховный Совет СССР от 5 марта 1979 года, «за» кандидата в депутаты А. А. Логунова проголосовало 306 807 избирателей, «против» — 260, всего участвовало в голосовании 307 067 избирателей¹⁷. Количество отрицательных голосов составило 0,08 %.

Будучи депутатом, он являлся Председателем Комиссии по народному образованию и культуре Верховного Совета Союза ССР, был членом Комитета Парламентской группы СССР. На 7-й сессии Верховного Совета (23 ноября 1982 г.) он был освобожден от обязанностей заместителя председателя Комиссии по народному образованию и культуре и избран Председателем Комиссии по энергетике Совета Союза¹⁸. Такое количество комиссий и комитетов, куда входил А. А. Логунов, говорит о том, что руководство СССР высоко оценивало организаторские способности и научный потенциал ученого-ректора.

Как депутат Верховного Совета СССР А. А. Логунов принимал участие в работе девяти сессий (1—9), помимо этого он активно участвовал в прениях по различным вопросам: 22.10.80 г. (4-я сессия) — о Государственном плане на 1981 год и о ходе выполнения Государственного плана в 1980 году, о Государственном вложении на 1981 год и об использовании Государственного бюджета за 1979 год¹⁹.

4 марта 1984 года состоялись очередные выборы. Согласно Протоколу окружной избирательной комиссии о результатах выборов в Верховный Совет СССР от 4 марта 1984 года, «за» кандидата в депутаты А. А. Логунова проголосовало 222 401 избирателей, «против» — 153, всего участвовало в голосовании 222 554 избирателей²⁰. Число отрицательных голосов составило 0,07 %, что приблизительно соответствует предыдущим выборам. Это говорит о доверии избирателей, активной жизненной позиции и том факте, что он был открыт для общения с электоратом, старался добросовестно исполнять свой долг народного представителя.

Как и в предыдущий созыв, депутат А. А. Логунов являлся членом парламентских групп: 11.04.84 г. на 1-й сессии 11-го созыва он был избран Председателем комиссии по делам молодежи Совета Союза, а также являлся членом Комитета Парламентской группы СССР²¹. Как депутат Верховного Совета СССР он принимал участие в работе 12 сессий (1—12), помимо этого активно

участвовал в прениях по различным вопросам: 2.07.85 г. (3-я сессия) — о соблюдении требований законодательства по охране природы и рациональном использовании природных ресурсов; 28.10.88 г. (11-я сессия) — о Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1989 год²². В своих выступлениях А. А. Логунов поднимал проблемы, касавшиеся не только развития экономики. Он был ученым и ректором, именно поэтому периодически можно встретить высказывания, касавшиеся деятельности МГУ: «Большой вклад в укрепление связи науки с производством вносит и высшая школа... Если говорить об опыте Московского университета, то, прежде всего, следует отметить наше многолетнее сотрудничество с объединением “АвтоЗИЛ”... Московский университет по хозяйственным договорам с предприятиями выполняет прикладные научно-исследовательские работы на сумму свыше 30 миллионов рублей в год»²³. Рассказывая о достижениях университета, он активно озвучивал идеи о необходимости дальнейшего развития науки путем увеличения ассигнований. Затрагивая проблему обновления лабораторий путем закупки новых дорогостоящих приборов, отмечал тот факт, что «половина открытий в высшей школе сделано в МГУ, а это примерно 10 процентов всего числа открытий, выполняемых в Советском Союзе»²⁴.

Академик А. А. Логунов всегда твердо отстаивал собственное мнение по важным для развития науки и университета вопросам. Именно поэтому можно встретить его высказывания относительно некоторых нововведений в управлении наукой²⁵. В 1991 году группа ученых из АН СССР (в том числе и А. А. Логунов) направила открытое письмо президенту СССР М. С. Горбачеву «Правовая охрана научных открытий»²⁶. Они утверждали, что «официальное закрепление прав ученых на открытия дает возможность получить признание конкретного фундаментального результата, установленного молодыми учеными, не связывая это признание с другими факторами (ученой степенью, должностью, ранее полученными премиями, наградами и т. д.)»²⁷.

Высокий статус и заслуги прославленного физика привлекли внимание общественности к его размышлениям по проблемам интеллигенции и ее роли в истории России на страницах газеты «Правда». В самом начале статьи ученый спросил журналиста,

ведущего беседу: «Вы знаете, о чем я сегодня мечтаю? ... Добиться для Московского университета подлинной самостоятельности — раз, постараться максимально освободиться от рутинных дел для того, чтобы отдать все силы физике, — два»²⁸.

В 1989 году А. А. Логунов сам пишет статью «Интеллигенция — понятие русское», в которой рассуждает о том, что на смену истинной интеллигенции приходит «воинствующий провинциализм». Последний характеризовался тем, что главными критериями интеллигенции признавались не объективность и научность, а принципиальность и бескомпромиссность, выражающиеся в «разгроме», «неприятию чужих мыслей, нетерпимости по отношению к носителям других позиций»: «Такое впечатление, что научные дискуссии у нас ведутся не вокруг конкретной работы, а против человека, ее выпустившего»²⁹.

Анатолий Алексеевич говорил о нравственности как элементе науки, проводил параллель между династиями промышленников, политиков, военных деятелей, где важнейшей составляющей воспитания было такое понятие, как честь: «Словом, существовал кодекс чести, который служил своего рода щитом против моральной грязи. Новая волна интеллигенции просто оставила за бортом весь этот набор “предрассудков”. Наука лишилась иммунитета против человеческих слабостей и пороков»³⁰.

Вспоминая историю взаимоотношений власти и русской интеллигенции на протяжении XX века, рассуждая о деяниях Т. Д. Лысенко, А. А. Логунов замечал, что «исчезновение интеллигента в науке — в какой-то мере расплата за то, что мы стали Иванами, не помнящими родства. С беспамятными манкуртами можно делать все, что угодно. Сегодня так жить нельзя. Интеллигенция — понятие сугубо русское. Я страстно хочу, надеюсь, что именно она возьмет на себя нелегкую ношу нравственного, духовного, культурного возрождения, как себя, так и общества. Это ее долг, обязанность, предназначение»³¹.

Для академика А. А. Логунова интеллигентность является синонимом честности, образованности, порядочности и ответственности за свои взгляды и поступки. Высокие моральные личные качества, ответственность за порученное дело, людей, с которыми ему посчастливилось работать на протяжении многих лет, профессионализм — всё это делает А. А. Логунова истинным представи-

телем советской научной интеллигенции, заботящимся об общем благе, выдвигающим научные революционные идеи, отстаивающим общечеловеческие ценности. Благодаря таким ученым, как Анатолий Алексеевич Логунов, МГУ имени М. В. Ломоносова продолжает традиции обучения и воспитания молодого поколения таким образом, чтобы не допустить «исчезновения интеллигента в науке». С точки зрения А. А. Логунова, интеллигентность — это не просто термин, это стиль жизни, стиль воспитания молодежи, это бескорыстное служение высшим идеалам.

Примечания

- ¹ *Икеда Д., Логунов А.* Третий радужный мост. М., 1988. С. 25.
- ² *Краснопольская И.* Формула жизни // *Московская правда.* 1979. 9 февр.
- ³ *Мещеряков В. А.* Яркий талант организатора // *Наш дом на Звенигородской : воспоминания, статьи, очерки, эссе о жителях дома, десяти российских академиках, прославивших отечественную науку.* М., 2009. С. 285—318, 304—305.
- ⁴ О присуждении Ленинской премии в области науки и техники 1970 года // *Правда.* 1970. 21 апр.
- ⁵ *Большая Российская энциклопедия.* М., 2010. Т. 17. С. 743.
- ⁶ Новые члены Академии наук СССР // *Вестник АН СССР.* 1973. № 1. С. 61.
- ⁷ Новое пополнение Академии наук СССР // *Вестник АН СССР.* 1975. № 1. С. 181.
- ⁸ О присуждении государственных премий СССР 1973 года в области науки и техники // *Правда.* 1973. 7 нояб. ; А. А. Логунов — почетный доктор, почетный профессор университета Сока // *Московский университет.* 1981. 22 мая ; Фундаментальный вклад в квантовую теорию поля : к присуждению А. А. Логунову золотой медали А. М. Ляпунова за 1980 год за цикл работ «Аналитические продолжения амплитуд в квантовой теории поля» // *Наука и человечество : междунар. ежегодник,* 1982. М., 1982. С. 347—348 ; Золотая медаль имени А. М. Ляпунова присуждена А. А. Логунову // *Наука и жизнь.* 1981. № 1. С. 69 ; О присуждении Государственных премий СССР 1984 года в области науки и техники // *Правда.* 1984. 7 нояб. ; Премия имени Н. Н. Боголюбова // *Новости Объединенного института ядерных исследований.* 1996. № 2. С. 16.
- ⁹ Государственный архив РФ (далее — ГАРФ). Ф. Р.-7523. Оп. 132. Д. 395. Л. 11.
- ¹⁰ Там же. Оп. 141. Д. 421. Л. 8.

- ¹¹ Там же.
- ¹² *Логунов А. А.* Новая теория гравитации // Наука и жизнь. 1988. № 5. С. 66—69.
- ¹³ *Логунов А. А., Лоскутов Ю. М., Мествиришвили М. А.* Релятивистская теория гравитации и ее следствия // Успехи физических наук. 1988. Т. 155. Вып. 3. С. 369—396.
- ¹⁴ *Зельдович Я. Б., Гришук Л. П.* Общая теория относительности верна! // Там же. С. 517—527.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. Р.-9606. Оп. 1. Д. 7963. Л. 134.
- ¹⁶ Там же. Ф. Р.-7523. Оп. 132. Д. 395. Л. 2 ; Оп. 141. Д. 421. Л. 1.
- ¹⁷ Там же. Оп. 141. Д. 421. Л. 5.
- ¹⁸ Там же. Л. 10.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Оп. 141. Д. 421. Л. 5.
- ²¹ Там же. Л. 8.
- ²² Там же. Л. 7.
- ²³ Речь депутата А. А. Логунова : (Ленинский избират. округ г. Москвы) : 11-я сессия ВС СССР 11-го созыва // Московская правда. 1980. 25 окт.
- ²⁴ Выступление депутата А. А. Логунова : (Ленинский избират. округ г. Москвы) : 4-я сессия ВС СССР 10-го созыва // Там же. 1988. 30 окт.
- ²⁵ *Рябов А.* Академик А. А. Логунов: «Не расселять науку по “квартирам”» // Советская Россия. 1991. 11 окт.
- ²⁶ Правовая охрана научных открытий : открытое письмо президенту СССР М. С. Горбачеву // Литературная газета. 1991. 3 июля.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Академик А. Логунов: «Интеллигенция — понятие русское» : (беседу вел Игорь Мосин) // Правда. 1989. 7 авг.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.

ББК 63.3(2)5-283.2+63.1(2)5

А. В. Зябликов

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО САМОПОЗНАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Сквозными для всех направлений дореволюционной историографии названной темы являются мотивы персональной ответственности художника за происходящие в обществе процессы, размышления об удельном весе общественного в искусстве, о степени взаимовлияния культуры и политики.

Представители ультраконсервативного крыла — А. Н. Борк-Александров, А. И. Тришатный, Н. Новакович считали интеллигенцию духовным эпицентром противогосударственных, антинародных сил, заинтересованных в инородческом порабощении России. Любой художник, заподозренный в симпатиях идее политического обновления, немедленно обвинялся в потворстве инстинктам черни, в покушении на народную совесть и веру¹.

Публицисты умеренно-консервативного крыла — В. Авсенок, Н. Ратанский считали, что дело не только в интеллигентском катализе революционных идей, но и в нетерпимости власти, отталкивающей от серьезной государственной работы интеллигентов-интеллектуалов и талантливых художников слова. На художника возлагалась ответственная задача — дать отпор «якобинским формулам»².

В статьях А. М. Евлахова³ и М. О. Меньшикова подчеркивается внутренняя связь между политическим консерватизмом худож-

---

© Зябликов А. В., 2013

Зябликов Алексей Вячеславович — доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии и филологии Костромского государственного технологического университета. (4942) 31-48-14 доб. 169.

ника и проповедуемой им творческой свободой. М. О. Меньшиков предпринимает попытку обосновать метафизическую, идеологическую «ограниченность» деятеля искусства. По мнению публициста, начала мыслителя и художника принадлежат разным мировоззренческим полям. Дело философа — развивать и усовершенствовать основы жизни, дело поэта — наитийно отыскивать «вечный тип меняющейся вещи», могуче поддерживать общий строй жизни на достигнутой высоте. При этом ум великого художника выступает «не более как подмастерье его таланта, как и художественное чувство у мудреца»⁴. Итак, сама природа творчества обрекает художника быть консерватором. При этом соблазн примерить на себя тогу вероучителя, идеолога может привести художника в творческий тупик.

Неонародники — С. Я. Елпатьевский, Н. Е. Кудрин, В. А. Мякотин, напротив, полагали, что следование определенной политической тенденции усиливает действенность искусства. Миссия русской культуры виделась публицистам в оформлении и выражении идей интеллигенции⁵.

В больших монографических работах Д. Н. Овсяннико-Куликовского и Р. В. Иванова-Разумника предприняты неудачные попытки схематизировать историю российской интеллигенции⁶. Р. В. Иванов-Разумник, назвавший русскую литературу «Евангелием» русской интеллигенции, слишком вольно истолковал его, эклектично, прямолинейно увязав литературные методы и политические направления. Автор видел преемственность между литературным реализмом и социализмом, с одной стороны, и анархизмом и романтизмом, с другой. В «реалистической» части интеллигенции автор выделял три группы: либерально-демократическую, представленную либерально-земскими союзами 1904—1905 гг. и партией кадетов, а также народников и марксистов. Русская религиозная философия и литература модерна объявлялись достоянием «романтического анархизма».

Авторы, стоящие на социал-демократических позициях, — Е. В. Аничков, В. Громан, В. Кранихфельд, В. М. Фриче предъявляют интеллигенции иск в самоустранении от болевых проблем современности, в проявленной политической дряблости⁷. В отличие от народников, социал-демократы не пытались примирить общественность и индивидуализм — последнему изначально от-

водилась подчиненная роль. Этим тезисом определялось отношение к художественной интеллигенции как выразительнице крайнего индивидуализма. Утверждая эфемерность внеклассового сознания, социал-демократы предлагали художественной интеллигенции альтернативу: остаться приживалкой «издыхающей» буржуазии или сделаться союзницей набирающего силу пролетариата. Только в этом случае художники могли претендовать на роль общественного авангарда. Так, в статьях Л. Клейнборта и А. М. Коллонтай порицается тактика пассивного «культурничества» интеллигенции, высказывается убежденность, что художник сможет обрести свое общественное призвание только на позициях социал-демократии как представительницы «высших и всеобщих интересов человечества»⁸.

В 1909—1914 гг. выходит объемный коллективный труд «Общественное движение в России в начале XX века» — одна из первых попыток многомерного показа различных сфер общественной жизни в переломную эпоху⁹. К сожалению, единственная глава исследования, посвященная проблеме взаимовлияния художественной литературы и общественной жизни (автор М. Неведомский), представляет собой очередную плоскую схему, в которой история русской словесности рубежа XIX—XX вв. увязана с борьбой внутримарксистских течений.

Работы В. И. Ленина, А. В. Луначарского, М. С. Ольминского закрепляют партийно-утилитаристские подходы к оценке социальной роли художника¹⁰.

Осмысление причин отчуждения культуры и политики в контексте идейных исканий интеллигенции — одна из главных тем либеральной и либерально-консервативной публицистики начала XX в. Одним из первых опытов умственного самоанализа российской интеллигенции стал сборник «Проблемы идеализма» (1902), в котором признается роль художников в выражении политического идеала как «долженствования»: идеал всегда шире нужд и стремлений конкретной эпохи¹¹. «Проблемы идеализма» стали важным шагом на пути критического самопознания интеллигенции. Однако в кругах, близких к либеральному «Вестнику Европы» и неонародническому «Русскому богатству», сборник был воспринят как попытка поощрить «философское равнодушие» к общественным и народным интересам¹².

Н. А. Бердяев в статье «Культура и политика» (1905), говоря о роковом разрыве между культурой и религией, культурой и политикой, противопоставляет «высшую математику» А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского «арифметике» революционного нигилизма¹³. Философ оставляет политике шансы стать «обаятельной» лишь как части религиозного и культурного целого. Бердяев считал, что революция 1905 г. осуществляется под знаменем отрицания культуры, резко выступал против партийной кружковщины, подчинения вечных ценностей искусства «ложному богу» политики.

Критика умственного сектанства и узкой тенденциозности составляет предмет публицистики П. Б. Струве и С. Л. Франка. Однако, в отличие от Н. А. Бердяева, они искали пути примирения политики, партийности (если она основана не на слепом фанатизме, а на широкой и свободной убежденности) и культуры: мыслители считали, что новый политический порядок невозможен без глубокого морального и интеллектуального перевоспитания людей, без формирования должного общественного мнения¹⁴.

П. Б. Струве полагал, что либеральный консерватизм объединяет таких деятелей, как Н. С. Мордвинов и А. С. Пушкин, Н. Х. Бунге и П. А. Вяземский, Н. И. Пирогов и Ю. Ф. Самарин, А. И. Эртель и П. А. Столыпин¹⁵. Идеологу Великой России особенно дорог в качестве политического мыслителя И. С. Тургенев, поскольку его «постепеновство», его проповедь культурного и государственного воспитания были лишены народопоклончества, лжемессиянского пафоса, который присущ, например, А. И. Герцену. И. А. Бунина П. Б. Струве считал первым большим русским писателем-интеллигентом, который «органично и окончательно освободился от чар народничества», преодолел философию «кающего дворянства»¹⁶. В июле 1907 г. Струве назвал интеллигенцию самой консервативной «породой» людей, имея в виду подверженность социал-радикалов хилиастическим чаяниям. Спустя месяц, комментируя гневные отклики левой печати, он замечал: «...Интеллигентская мысль консервативнее, чем я полагал»¹⁷. Мыслитель много размышлял над способами интеграции интеллигенции в национально-государственное строительство. Одним из таких средств П. Б. Струве вслед за немецким историком Т. Моммсенем называет «мягкое принуждение»¹⁸.

Как этическое начало, противостоящее политической нетерпимости и духовному фанатизму, рассматривают культуру авторы, группировавшиеся вокруг журналов «Полярная звезда» и «Московский еженедельник»: Н. Ф. Езерский, Л. Е. Галич (Габрилович), И. А. Покровский, Г. Н. и Е. Н. Трубецкие¹⁹.

Итогом размышлений интеллигенции о соотношении политического, этического, религиозного начал в жизни общества и одновременно апофеозом либерально-консервативной идеологии стал знаменитый сборник «Вехи» (1909)²⁰. Причиной возобладания в революции 1905—1907 гг. противокультурных тенденций «веховцы» сочли полную подчиненность интеллигентского сознания диктату политики, равнодушие к религии, нравственным исканиям великой русской литературы и идее самовоспитания.

В 1909—1917 гг. полемика, связанная с темой интеллигенции, так или иначе группировалась вокруг «веховства» или «антивеховства». Парадокс «антивеховства» состоит в том, что авторы вышедших в 1909—1910 гг. интеллигентофильских сборников, по сути дела, оберегали от «веховских» нападков ту часть образованного общества, которая самими «веховцами» была вынесена за скобки интеллигенции²¹. Торопливое стремление поставить плюс там, где «Вехи» поставили минус, мешало правильно определить сам объект спора. Авторы «антивеховских» сборников выступали, в сущности, не в защиту интеллигенции, а в защиту партийности интеллигенции. Так, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, назвав интеллигенцию «мыслящей средой», вырабатывающей духовные ценности, констатировал, что интеллигенция по определению принадлежит к идеологическому типу (активному и пассивному). Наиболее адекватным способом выражения интеллигентской идеологии назывались российские политические партии, уже вышедшие, по мнению автора, на европейский уровень²². В защиту партий выступил П. Н. Милуков, назвав их наиболее «ценными положительными приобретениями» последнего времени²³.

С. Н. Булгаков в своих работах, исследуя мирозерцание художника, отмечает соединение сверхчеловеческого подъема и внутреннего напряжения с пассивностью и безличностью: искусство есть «орган самоощущения души мира, всей тварной природы как красоты», поэтому художник бывает индифферентен ко всем критериям, за исключением чистого эстетизма²⁴. В трактате

«Два града» (1911) Булгаков называет художников силой, хранящей иммунитет по отношению к политическому прогрессизму и обмирщению церковной жизни — в силу того, что в деятеле искусства сильны религиозные запросы души²⁵. Важно подчеркнуть эволюцию булгаковских взглядов на самодержавие. Если в 1906 г. философ характеризует монархические симпатии Ф. М. Достоевского как «политическое заблуждение», то в 1917 г. он всецело принимает мысль писателя о «народосодержательном самодержавии», включающем в себя идею «теократического безвластия» как высшего идеала истории²⁶.

П. И. Новгородцев в трактате «Об общественном идеале» (1917) рассматривает русских писателей в числе тех, кто первым обнаружил разочарование в либерально-радикальных ценностях и утвердил понимание общественного идеала не как земного рая, а как труда, долга и «постоянного стремления к вечно усложняющейся цели»²⁷. Одной из причин общественных потрясений Новгородцев считает «незаконную абсолютизацию относительных форм»: государства, церкви, народа²⁸. Не менее опасна абсолютизация *отрицания* относительных форм, образцом которого мыслитель называет антигосударственную проповедь Л. Н. Толстого. Новгородцев выступает оппонентом художнической проповеди первенства духовной жизни по отношению к внешним формам бытия: политика не всемогуща, признает он, но и незаменима.

В. Ф. Эрн в цикле статей «Борьба за логос» (1911) предлагает взглянуть на проблему Запада и России как на противоположность не двух культур, а двух познавательных начал: *ratio* и *логоса*. Под логосом философ понимает «коренное и глубочайшее единство *постигающего* и *постигаемого*»²⁹, характерное для русской умственной традиции. Россия, говоря словами Эрна, «проквашена религией слова», потому русский художник — «националист» и «антизападник» по определению, однако в этом «национализме» кроется не этническая спесь, а всего лишь неприятие западного рационализма³⁰. Эту точку зрения разделяет А. Ф. Лосев, считавший художественную литературу России «кладезем самобытной русской философии»³¹.

«Веховская» традиция в осмыслении феномена интеллигенции была продолжена в период эмиграции. Из работ этого времени следует выделить философские этюды Ф. А. Степуна об

историософских и политических взглядах крупных русских художников: А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. Белого, Вяч. И. Иванова, А. А. Блока, Б. Л. Пастернака. Философ разделяет «созерцательный дар» художника как наитийное проникновение в тайны мира и «миросозерцание» как совокупность философских и политических идей: первое — обязательно для художника, второго у него может вовсе не быть³². Причем степенью ухода художника от всякой самодовлеющей мысли и общественной тенденции определяется уровень его творческой самобытности. В «естественной и благополучной» *без-идейности* кроется художническое обаяние таких авторов, как А. П. Чехов, И. А. Бунин или А. Н. Толстой.

Не менее важна мысль философа о различии «идей» как «трансцендентных реальностей» и «идеологий» — искусственно создаваемых человеком умственных конструкций, «теоретически замаскированных» волевых импульсов. Если человек «идеи» понимает свободу как послушание истине, то человек «идеологии» ломает истину во имя своих субъективных интересов. На этом рубеже выявляется роковое отчуждение культуры и политики. Исследуя мотивы вненаправленства художников, Степун отмечает, что деятель искусства признает неизбежность политики «лишь в порядке дифференциации истины, а не в порядке интеграции лжи»³³. Одной из главных примет художнической историософии Степун считает веру в существование «сверхисторической реальности», а также исторический фатализм — признание «невыводимости» будущего из прошлого и настоящего.

Одним из важных художнических прозрений Ф. М. Достоевского Ф. А. Степун считает убежденность писателя в том, что «бессильный либерализм неизбежно порождает насильнический социализм»³⁴. В статье «Историософское и политическое миросозерцание Александра Блока» (1965) Ф. А. Степун опровергает суждение об эволюционировании поэта в сторону большевизма. Он определяет позицию Блока как «мистический нигилизм», питаемый отнюдь не политическими ощущениями глубинного движения истории и надлома старой гуманистической культуры³⁵.

В работах И. А. Ильина утверждается, что художник по преимуществу обладает «монархическим» типом правосознания, которое, в отличие от «республиканского», восходящего к созна-

тельно-рассудочному толкованию мира, основывается на иррационально-интуитивном восприятии жизни и политики³⁶. Этой точке зрения возражал И. Л. Солоневич, который считал, что литература может отразить лишь «кочки национального быта»; подлинным средоточием народного духа являются только реальные факты истории, а факты эти говорят о порочности всяких попыток вывести исторический путь России из умопостроений и политических исканий интеллигенции. «На складе русских интеллигентских мыслей, — писал автор “Народной монархии”, — можно найти решительно всё, что угодно — от монархизма до анархизма и от аскетизма до скотоложства. Из этого чего угодно можно сконструировать какую угодно комбинацию...»³⁷ Солоневич отводит русской интеллигенции роль умственного ордена, фабрикующего беспочвенные теории. Заметим, что вдохновенными «алхимиками» истории считал интеллигентов-художников Л. Шестов, автор знаменитого «Апофеоза беспочвенности» (1905)³⁸.

Свой взгляд на проблему предлагают сторонники евразийско-фундаменталистского понимания российской истории: Н. Н. Алексеев, П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой. Н. Н. Алексеев утверждал, что начиная с Петра I политические идеалы интеллигенции всё более отрываются от народной почвы и ассимилируются с духовными запросами Западной Европы. Евразийцы считали роковым заблуждением выведение национально-исторических идеалов России из умонастроений интеллигенции. Основанием же политических идеалов России является присущая народной жизни «цельность бытового бытия»³⁹. В «Очерках по русской историографии» (1970—1973) Г. В. Вернадского рассматриваются персоналии А. С. Пушкина, В. Ф. Одоевского, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого как выдающихся русских историософов⁴⁰. В целом, евразийцы склонны были рассматривать художническую историософию и политику как рефлексию западной интеллектуальной традиции.

Современный взгляд на историю русской мысли и общественных движений невозможен без вдумчивого прочтения историко-философских и публицистических трактатов, созданных свидетелями тех социальных и политических катаклизмов, которые определили содержание всего XX столетия.

Примечания

- ¹ Борк А. Н. Зверь спущен с цепи // Русское знамя. 1907. 27 мая; Тришатный А. И. Восхваление измены и предательства // Там же. 15 июня; Новакович Н. Правда и ложь // Вече. 1907. 20 мая.
- ² Авсеенко В. Политика и культура // Голос Москвы. 1907. 15 июля; Ратанский Н. Влияние политического момента на искусство // Клад. 1907. № 19.
- ³ Евлахов А. М. Эстетическая теория Пушкина // Журнал министерства народного просвещения. 1908. Июнь. С. 317.
- ⁴ Меньшиков М. О. Критические очерки. СПб., 1902. Т. 2. С. 86—87.
- ⁵ Елпатьевский С. Я. По поводу разговоров о русской интеллигенции // Русское богатство. 1905. № 3; Кудрин Н. Е. Н. К. Михайловский как публицист и гражданин // Там же. № 1; Мякотин В. А. О политике и культурной работе // Там же. 1908. № 3.
- ⁶ Овсяннико-Куликовский Д. Н. История русской интеллигенции М., 1907; Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. СПб., 1907. Т. 1.
- ⁷ Аничков Е. В. Искусство и социальный строй. СПб., 1906; Громан В. Развитие революции // Правда. 1906. № 1; Кранихфельд В. Современные искания в области критики, театра и драмы // Современный мир. 1907. № 2; Фриче В. М. От Чернышевского к «Вехам». М., 1910.
- ⁸ Клейнборг Л. О партиях и партийности // Образование. 1905. № 3; Коллонтай А. М. Этика и социал-демократия // Там же. 1906. № 2.
- ⁹ Общественное движение в России в начале XX века: в 4 т. СПб., 1909—1914.
- ¹⁰ Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Часть общепролетарского дела: литературная критика в дореволюционных большевистских изданиях. М., 1981. С. 35—39; Луначарский А. В. Марксизм и эстетика // Правда. 1905. № 9/10; Он же. Смерть Толстого и молодая Европа // Новая жизнь. 1911. № 2.
- ¹¹ Проблемы идеализма // Исследования по истории русской мысли. М., 2002. Т. 8. С. 317.
- ¹² Вестник и библиотека самообразования. 1903. № 47. С. 1908.
- ¹³ Бердяев Н. А. Культура и политика // Вопросы жизни. 1905. № 4/5.
- ¹⁴ Струве П. Б. Интеллигенция и освободительное движение // Полярная звезда. 1906. № 8; Он же. Из размышлений о русской революции // Русская мысль. 1907. № 1; Франк С. Л. Политика и идеи // Полярная звезда. 1905. № 1.
- ¹⁵ Струве П. Б. Patriotica: Россия. Родина. Чужбина. СПб., 2000.
- ¹⁶ Там же. С. 304.

- ¹⁷ *Струве П. Б.* Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 39.
- ¹⁸ Там же. С. 176.
- ¹⁹ *Езерский Н. Ф.* Культура и революция // Московский еженедельник. 1907. № 18 ; *Галич Л. Е.* Религия, политика и культура // Полярная звезда. 1906. № 13 ; *Покровский И. А.* Этические основы политики // Там же. № 4 ; *Трубецкой Г. Н.* Политика и культура // Московский еженедельник. 1907. № 33 ; *Трубецкой Е. Н.* Максимализм // Там же. 1906. № 24.
- ²⁰ Вехи; Из глубины. М., 1991.
- ²¹ В защиту интеллигенции. М., 1909 ; По вехам: сб. об интеллигенции и «национальном лице». М., 1909 ; «Вехи» как знамение времени. М., 1910 ; Интеллигенция в России. СПб., 1910.
- ²² *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Психология русской интеллигенции // Вехи; Интеллигенция в России : сб. ст. М., 1991. С. 385—387.
- ²³ *Милюков П. Н.* Интеллигенция и историческая традиция // Там же. С. 371.
- ²⁴ *Булгаков С. Н.* Тихие думы. М., 1996. С. 245.
- ²⁵ *Булгаков С. Н.* Два града : исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 261.
- ²⁶ *Булгаков С. Н.* Тихие думы. С. 207.
- ²⁷ *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 34, 47.
- ²⁸ Там же. С. 117.
- ²⁹ *Эрн В. Ф.* Сочинения. М., 1991. С. 11.
- ³⁰ Там же. С. 82, 124.
- ³¹ *Лосев А. Ф.* Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 214.
- ³² *Степун Ф. А.* Портреты. СПб., 1999. С. 32.
- ³³ Там же. С. 31.
- ³⁴ Там же. С. 59.
- ³⁵ Там же. С. 157.
- ³⁶ *Ильин И. А.* О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. № 4.
- ³⁷ *Солоневич И. Л.* Народная монархия. М., 2003. С. 33.
- ³⁸ *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности. М., 2000.
- ³⁹ *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. М., 2003. С. 70.
- ⁴⁰ См.: *Вернадский Г. В.* Русская историография. М., 1998.

ББК 60.543.132.1

В. А. Порозов

**«ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК КЛАСС УПРАВЛЯЮЩИХ»
ИЛИ О ДВУХ КРАЙНОСТЯХ
РОССИЙСКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ**

Первый номер журнала «Интеллигенция и мир» в 2013 году открыла статья В. В. Возилова «Методологические аспекты содержания понятия “интеллигенты / интеллектуалы”». Автор — серьезный ученый, его глубокие, аргументированные выступления запомнились по ивановским конференциям. Но характерная деталь: в авторской объективке кроме должности и ученой степени упоминается то, что исследователь является «депутатом городской Думы городского округа Шуя». Случай беспрецедентный: за всё время существования журнала не припомню, чтобы авторы взялись перечислять свои выборные должности. Вывод же статьи созвучен начальной ремарке: «Сегодня одной из первостепенных научных задач является выработка представления об интеллигенции как общественном феномене — классе управляющих, возникающем в глубокой древности, существующем у всех народов, во всех культурных мирах и играющем решающую роль во множестве исторических событий»¹.

Так что, господа интеллигентоведы, если вы не депутаты и заведующие кафедрой, ваши шансы на попадание в «класс интеллигенции» очень призрачны. Зато автор статьи уже на ее первой странице провозглашает свое видение проблемы, так сказать, изнутри —

© Порозов В. А., 2013

Порозов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. porozov_va@perm.ru

«Дума городского округа» обязывает. К сожалению, приведенный вывод — едва ли не единственная качественно новая мысль во всех рассуждениях автора. Но насколько же она состоятельна?

Создается впечатление, что мы, уважаемые исследователи российской интеллигенции, просто не читаем друг друга и каждый заново пытается изобрести велосипед. На мой взгляд, статья представляет собой, во-первых, последовательную, грамотно изложенную и аргументированную позицию сторонника социологического подхода к определению интеллигенции, а во-вторых, автор статьи солидаризируется с направлением Щепаньского — Квакина, отстаивающим единство, а не противопоставление понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы». Всё это писано-переписано десятки раз и изложено, в частности, в первой главе коллективной монографии «Интеллигенция: вопросы теории и методологии», изданной Ивановским государственным университетом в 2010 году под редакцией профессора В. С. Меметова², которую, как это ни странно, абсолютное большинство авторов журнала старательно пытаются не замечать.

Автор статьи не утруждает себя ссылками на авторитеты и, упомянув, как водится, «авторов сборников “Вехи”, “Из глубины”, “Смена вех” и других», скромно цитирует лишь П. Н. Ткачева, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, К. Д. Кавелина и П. Н. Милюкова, признававших существование интеллигенции в других странах. Но является ли факт этого существования подтверждением того, что всех этих интеллигентов-интеллектуалов, тождественных, по мнению автора, еще и «умственной элите», непременно нужно считать управленцами? Этот вопрос даже не ставится, и, следовательно, главный вывод статьи приведенный экскурс не подтверждает.

Но автор знает, откуда берется интеллигенция: «Люди отбираются различными сообществами и наделяются властью за их умение решать политико-управленческие задачи. Управленческие способности отдельных личностей выдвигают их на первые места в социальных институтах и общественной системе в целом. Функции интеллигенции и элиты — профессиональная управленческая деятельность — совпадают; это означает, что между элитой и интеллигенцией нет различий. Любой представитель элиты является интеллигентом, и всякий интеллигент является

представителем элиты»³. До сих пор считал себя сторонником профессионально-социологического подхода к понятию интеллигенции в противоположность оценочно-этическим трактовкам, но приведенная вулгаризация кого угодно может бросить в эмоционально-филологические объятия Д. С. Лихачева.

Представленный в приведенной схеме процесс отбора элитарных управленцев попросту наивен и напоминает даже не теорию общественного договора, а некий верхушечный ритуал. Общеизвестно, как во всех странах во все века во властные круги рвались и проникали люди непорядочные, морально нечистоплотные, с уголовным прошлым и методами деятельности: достаточно вспомнить трагедии Шекспира, написанные на основе отраженных в хрониках реальных событиях. И по большому счету мир в этой сфере меняется не слишком быстро.

Критику же интеллигентоведческой концепции Д. С. Лихачева можно считать сильной стороной статьи. Масштаб личности академика как-то не позволяет относиться к его взглядам на интеллигенцию без должного пиетета, и наконец-то лед тронулся. В самом деле, что значит «интеллектуально независимая часть общества»? От чего независимая? От кого? И как определить, «слеп» или «не слеп» привержен человек тому или иному учению? Добавим еще один немаловажный вопрос: как серьезный ученый сможет измерить это пресловутое «состояние души»? Верно подчеркнув многие слабые места лихачевской концепции, В. В. Возилов справедливо подчеркивает: «Чрезвычайная морализация интеллигентности (как совокупности исключительных нравственных качеств) и интеллигентской деятельности является слишком узкой для толкования понятия “интеллигенция”»⁴. Чудесно.

Но как академик Д. С. Лихачев не принял во внимание историко-социологических аспектов явления, так депутат городской Думы В. В. Возилов решил напрочь проигнорировать морально-этическую сторону деятельности интеллигента, прямо заявив: «нравственные критерии не могут быть применимы для понимания сущности интеллигентской деятельности»⁵. А раз так, то западные интеллигенты-интеллектуалы, естественно, имеют перед российскими явные преимущества: там-де эта проблема стоит не столь остро, поскольку проще найти применение своим способностям и реализовать их. Куда, мол, ни приди, там и руко-

водство. Тут начинается полная путаница: ведь оказывается, и там, на Западе, «интеллигенция ведет себя крайне запуганно, с оглядкой на власть...»⁶. Так что это за власть — вне «класса управляющих»? Как можно эти понятия противопоставить, если, как утверждается в статье, интеллигент и есть представитель власти?

К тому же и позицию Д. С. Лихачева не следует упрощать: нравственные характеристики интеллигента он все-таки пытался сочетать с социологическими принципами и совместить в понятии интеллигента «представителя профессии, связанной с умственным трудом (инженер, врач, ученый, художник, писатель), и человека, обладающего умственной порядочностью»⁷.

Прописные истины типа «Понимание интеллигенции должно с необходимостью вытекать из анализа объективных закономерностей общественного развития»⁸ у В. В. Возилова ничего не меняют. Сам автор этих закономерностей не постиг, и концепция его, как, впрочем, и доведенная до логического конца этическая позиция Д. С. Лихачева, несостоятельна. Как же быть с глубокой русской интеллигентоведческой традицией, идущей от Р. В. Иванова-Разумника, который определял интеллигенцию как «этически антимещанскую, социологически — внесловную, внеклассовую преемственную группу, характеризующую творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности»⁹? От этого и других подобных высказываний Н. А. Бердяева, М. И. Туган-Барановского, А. И. Авруса, Л. Г. Березовой, Е. И. Самарцевой и других гуманитариев, подчеркивавших роль интеллигентов как носителей высоких нравственных ценностей, вряд ли можно отмахнуться. Полный разрыв с этой традицией для отечественного интеллигентоведения недопустим. Так мы дойдем до включения в интеллигенцию как «класс управляющих» Гитлера и его приспешников.

Не хотелось бы повторяться, но уже подчеркивалось, что человеку, отнесенному к интеллигенции по тем или иным формальным признакам (пусть даже это будет вхождение во властные структуры), может быть отказано в этом при личном, индивидуальном рассмотрении, и прежде всего — именно в силу несоответствия определенным моральным критериям, предъявляемым обществом в целом или исследователем в частности¹⁰. Сказанное не означает, что

интеллигенция как общественное явление эфемерна, неуловима, не фиксируема. Она может быть даже сосчитана с высокой степенью точности: сложив численные показатели основных интеллигентских профессий, мы получим конкретно-историческое представление об объеме понятия в профессионально-социологическом плане. При этом людей, не соответствующих высокому званию интеллигента, как бы замещают люди высокой нравственности, не имеющие формальных признаков (высшего образования, членства в организации, депутатского статуса и т. п.).

И уж тем более недопустимо выделять в характеристике интеллигенции какой-то один критерий, игнорируя все другие. Это противоречит самой традиции отечественного интеллигентоведения. Еще в 1960-е годы С. А. Федюкин отказался от господствовавшего в то время представления, что политическое размежевание происходило только между группами интеллигенции и определялось исключительно социальным и материальным положением, а высказал мнение, что водораздел шел внутри этих групп. Это давало возможность преодоления классового подхода, углубления исторической объективности. С. А. Федюкин открыл путь изучения специфики разных профессиональных отрядов интеллигенции, повышения внимания к социальной психологии, отдельной личности интеллигента. И вот нам вновь пытаются представить интеллигенцию в виде какого-то монолитного класса управленцев.

Интересно, какое отношение имеет к этому классу социально приниженный, низкооплачиваемый, задавленный грудой бумаг, проверок и претензиями преуспевших родителей учащийся рядовой российский учитель? А ведь это не самый край социальной лестницы в среде российской интеллигенции. Чего стоят, например, высказывания ряда уважаемых, общепризнанных, порой весьма высокооплачиваемых интеллигентов России рубежа XX—XXI вв.: «Бывают ситуации, когда настоящий интеллигент должен просто уйти из жизни»; «Главное — постоянная готовность умереть» и другие подобные¹¹. Вряд ли эта позиция приемлема для профессиональных управленцев, но многим российским интеллигентам она понятна. Надеюсь, не только российским.

Кроме двух подходов к определению интеллигенции — профессионально-социологического (базирующегося на социально-профессиональных критериях) и оценочно-этического (осно-

ванного на духовных признаках, лежащих в основе этой общности) — есть еще и третий, феноменологический. Он идет от М. И. Туган-Барановского, П. Б. Струве, даже Л. Д. Троцкого («национальный щупалец, продвинутый в европейскую культуру»¹²) и, прежде всего, от Г. П. Федотова, назвавшего интеллигенцию «группой, движением и традицией, объединяемыми идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей»¹³.

Поскольку представители данного подхода чаще всего исходят из специфических условий России, сформировавших якобы это уникальное, ни с чем не сопоставимое явление, в данном, «глобалистском», контексте рассуждений о нем можно бы и не упоминать. Однако автор анализируемой статьи не удержался назвать свой «класс управленцев» «общественным феноменом». Тем самым, полемизируя с оценочно-этическим подходом, он невольно солидаризировался с третьим — самым запутанным и непонятным.

Не удержался В. В. Возилов, как уже отмечено, и от отождествления анализируемого «феномена» с элитой. «Элиту составляет умственное меньшинство, — сказано в статье, — выдвигаемое социумом в хозяйственной, политической, духовно-идеологической областях жизни общества»¹⁴. Автор не сомневается, что это элитное меньшинство и есть управленцы. Блажен, кто верует. Но не отражает ли истины расхожая в интеллигентских кругах шутка: «Кто умеет работать — работает, кто не умеет — идет руководить»? Проблема еще и в том, что объективных критериев отнесения к элите пока не существует, и те, кто посмелее и понахальнее, порой и объявляют себя и властью, и элитой, а потом расширяют свои круги за счет отвечающих лишь им ведомым критериям людей. Вот вам и механизм «выдвижения социумом».

Такую элиту легко выделить даже у первых обезьяноподобных предков — все дело в субъективных критериях. Можно пойти еще дальше, признав, что, как пишет А. В. Квакин, «любая социальная группа создает собственную интеллигенцию», занятую «разработкой идеологических связей»¹⁵. Разрывы с предшествующей интеллигентоведческой традицией вновь становятся очевидными. От того, что это за группы и с какими целями данные связи устанавливаются, абстрагироваться не следует.

Конечно, управленческая деятельность — важное направление в реализации интеллигенцией своих функций. Но функция

эта — не единственная, а может быть, и не самая важная. Осмелюсь утверждать, что в последние два десятилетия немало интеллигентов осуществляют свои профессиональные и многие другие функции, вообще не имея никаких контактов с властью. Так повелось еще со времен застоя, когда оформилось «мирное сосуществование» власти и интеллигенции, когда каждое из «элитных» сословий на основе взаимного уважения осуществляло свои функции или имитировало это осуществление, стараясь не мешать друг другу.

В годы перестройки власть протянула интеллигенции руку для сотрудничества, поскольку нуждалась в поддержке. Но как только необходимость в этом отпала, даже невмешательство стало идеалом, порой недостижимым, ибо началось откровенное наступление и на функции, и на права интеллигента. Например, бумажно-бюрократический пресс не дает педагогу работать непосредственно с воспитуемыми, врачу — с пациентами: на это просто не остается времени.

Напрочь игнорируя ряд важных функций интеллигенции, автор анализируемой статьи вообще «забывает» даже о хранении, не то что о передаче нравственных норм. А ведь еще сто лет назад Д. Н. Овсяннико-Куликовский писал о том, что интеллигенция в любой культурной стране — это «образованная и мыслящая часть общества, созидаящая и распространяющая общечеловеческие духовные ценности»¹⁶. Во власти же сегодня мы зачастую сталкиваемся с абсолютно тождественно и не очень широко мыслящими менеджерами, в какой бы сфере деятельности они ни работали. Это некие организованные счетные машины, ставящие во главу угла экономические, количественные факторы и не обращающие внимания ни на что остальное. Как видим, под этот сомнительный имидж, имеющий мало общего с подлинной интеллигентностью, уже подводится теоретическая база. Благо, материальное положение многих представителей интеллигенции никоим образом не позволяет отождествить себя с находящимися «у руля» людьми. Разумеется, тут нужна оговорка: речь идет об отнесении людей к интеллигенции по выполняемым функциям — без этой оговорки оппоненты сразу вспоминают о нравственности и начинается: «А сами-то вы соответствуете? По какому праву от имени...» и т. д.

«Интеллигенция, изменяющая общество, изменяется вместе с ним. Но неизменной остается сущностная характеристика ее как

социального сообщества в целом — интеллектуальная профессиональная деятельность»¹⁷, — писал А. Е. Рябинкин. Однако только к управленческой свести эту многогранную деятельность никоим образом невозможно. И учитель сельской глубинки, и политик, стоящий у руля государства, призваны обеспечивать интеллектуальное и нравственное воспроизводство народа, страны, человечества. Как они это делают — другой вопрос.

Итак, нельзя не согласиться с В. В. Возиловым в том, что профессионально-социологический подход был и остается доминирующим в конкретно-исторических исследованиях, что не противоречит формально-логическому рассмотрению проблемы¹⁸. Но совсем игнорировать оценочно-этический подход к определению интеллигенции нельзя, и его надо непременно учитывать, особенно при персональном анализе деятельности того или иного человека.

В качестве второго важного вывода сделанного анализа напрашивается следующий: интеллигенция представляет собой чрезвычайно сложное явление, и все попытки свести дело к какому-то одному критерию, какой-то одной, пусть очень важной характеристике, заведомо обречены на неудачу.

И третье. Интеллигенция и власть — одна из важнейших, но и самых сложных проблем интеллигентоведения. Да, властные круги рекрутируются из интеллигенции. Да, во власти немало людей, сохраняющих многие черты интеллигентности, есть даже подлинные интеллигенты. Но сама специфика управленческой деятельности делает управленца антиподом интеллигента, ведь любая власть — это насилие, дело лишь в формах и методах достижения поставленных целей. Интеллигенция же, кроме осуществления властных функций, должна быть по самой своей сути ограничителем инструментов насилия и защитником интересов управляемого большинства. В сущности, мы ведь для этого выбираем депутатов, а они об этом ни слова — даже ученые. Отсюда, кстати, двойственная природа интеллигента, его жизненных позиций и ориентаций.

Проанализированная попытка решить проблему одним махом, отождествив интеллигенцию с управленцами и проигнорировав оценочно-этический подход к определению ее сути, для серьезного исследователя представляется неприемлемой. Абсолютизация только одного из подходов к определению интеллигенции — про-

фессионально-социологического или оценочно-этического — опасная крайность, которая ведет к грубым методологическим ошибкам, не соответствующая принципам объективности и историзма.

Примечания

- ¹ *Возилов В. В.* Методологические аспекты содержания понятия «интеллигенты / интеллектуалы» // *Интеллигенция и мир.* 2013. № 1. С. 16.
- ² *Интеллигенция: вопросы теории и методологии / под ред. В. С. Меметова.* Иваново, 2010.
- ³ *Возилов В. В.* Указ. соч. С. 12.
- ⁴ Там же. С. 14.
- ⁵ Там же. С. 15.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Лихачев Д. С.* Об интеллигенции. СПб., 1997. С. 7.
- ⁸ *Возилов В. В.* Указ. соч. С. 15—16.
- ⁹ *Иванов-Разумник Р. В.* Что такое интеллигенция? // *Интеллигенция. Власть. Народ : антология.* М., 1993. С. 80.
- ¹⁰ См., напр.: *Интеллигенция и мир.* 2004. № 3/4. С. 41.
- ¹¹ Доводилось слышать их, например, в интервью Святослава Рихтера и других известных российских музыкантов.
- ¹² *Троцкий Л. Д.* Об интеллигенции // *Интеллигенция. Власть. Народ.* С. 108—109.
- ¹³ *Федотов Г. П.* Трагедия интеллигенции // *О России и русской философской культуре.* М., 1990. С. 409.
- ¹⁴ *Возилов В. В.* Указ. соч. С. 12.
- ¹⁵ *Квакин А. В.* Интеллектуальная элита — интеллектуалы / интеллигенция : еще раз о соотношении понятий // *Интеллигенция и мир.* 2001. № 2/3. С. 168.
- ¹⁶ *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Литературно-критические работы : в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 4—5.
- ¹⁷ См.: *Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры : к 90-летию сб. «Вехи» : тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 1998.* С. 132.
- ¹⁸ *Интеллигенция: вопросы теории и методологии.* С. 26—30.

ББК 63.3(2)5-283.2+74.03(2)5

В. М. Острога

ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАК ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ УЧИТЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В современной исторической науке всё больше внимания уделяется вопросам повседневности, проблемам отдельно взятого человека в истории, его внутреннему миру, восприятию происходящих событий. Очень важным в процессе познания действительности является социально-психологический аспект. Историк, стремящийся познать конкретную реальность, единство общего, закономерного и неповторимого, эмпирически-конкретного, не может игнорировать те идеологические и эмоциональные установки, которые в большей степени определяют социальное поведение людей, их обычаи, социальные привычки, нормы поведения, систему этических ценностей и эстетических взглядов¹. Процесс эмансипации человеческой индивидуальности и во многом обусловленный им процесс становления межличностных отношений, особенно в период развития буржуазных отношений, способствует тому, что в круг исследований всё более активно вводится новый пласт исторических источников.

Чаще всего предметом источников личного происхождения является жизнь самого автора или людей близких, знакомых ему

© Острога В. М., 2013

Острога Валентина Михайловна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета (Минск). ostroga.v@mail.ru

на фоне определенной исторической эпохи со всеми ее сложностями и противоречиями. Именно такой и была во второй половине XIX — начале XX века Российская империя. Одной из составляющих общего пореформенного процесса модернизации был «прорыв» в сфере образования, который невозможен без распространения грамотности, обучения широких слоев населения через трансляции культуры, подготовки специалистов-профессионалов, воспитания у подрастающего поколения новых систем ценностей и современного типа личности.

Интересным и ценным материалом для изучения истории народного образования и социального положения учительской интеллигенции конца XIX — начала XX века являются источники личного происхождения, к которым относятся дневники, частная переписка (эпистолярные источники), мемуары, эссеистика, исповеди. Для исследователя несомненна важность такого рода информации, в которой педагоги достаточно искренне и непосредственно дают оценку происходящей действительности, иногда на протяжении всей своей жизни: деятельности своих современников, ученикам и их родителям, коллегам, инспекторам, делятся своими трудностями, переживаниями и достижениями. Данный вид источников, несмотря на субъективность, является незаменимым при изучении культурного и морального облика учителя, его психологии, ментальности. Не будучи связаны формальными канонами, авторы приводят сведения, обычно не упоминающиеся в официальные документы. Эти материалы, как правило, носят доверительный, откровенный и правдивый характер, помогают проникнуть в неповторимую атмосферу изучаемых событий, в определенной степени дают понять и почувствовать «дух времени». Как писал советский историк М. К. Покровский, они представляют тот психологический фон и ту связь, без которой имеющиеся в наших руках отдельные документы могут оказаться непонятными или понятыми неправильно.

Люди не могут жить, не оглядываясь в прошлое, не вдумываясь в настоящее, не стремясь заглянуть в будущее. Выработанная веками потребность делиться обретенным опытом, делать лично пережитое достоянием многих находит свой выход в мемуаристике. Вне такой передачи, такой преемственности немыслимо было бы существование человеческого общества. Каждое

поколение находит в былом нечто особенно ему близкое и созвучное, чему-то учится, что-то принимает, а что-то отвергает, хотя прошлое не может дать универсальных, исчерпывающих ответов на любые вопросы нового времени².

От общественных устремлений свидетелей определенных событий, их желания и интеллектуальных возможностей зависит охват описываемой действительности и проникновение в ее суть. На страницах мемуарных произведений автор превращается в одного из героев, вступая в сложные взаимоотношения со своими современниками, знакомыми, друзьями и недругами, рисуя нам самих себя и своих близких в самых различных житейских ситуациях. Мемуары, дневники и письма дают не только живой комментарий к историческим событиям и процессам, но и факты, часто невозможные другими источниками. Как правило, откровенно, доверительно и правдиво, иногда очень детально и подробно описывается восприятие отдельных эпизодов действительности, даются собственные оценки политическим событиям эпохи, деятельности элит и учебного «начальствующего персонала».

Несмотря на реакционную политику царизма в области народного образования в конце XIX — начале XX века, потребность в грамотных работниках в условиях развития капиталистических отношений способствовала возникновению многих типов школ для крестьянских детей. Успех работы низших образовательных учреждений во многом зависел от правильного решения проблем, связанных с организацией учебно-воспитательного процесса в специфических условиях отсталой пореформенной деревни. Остро вставала проблема систематической подготовки учителя — центральной фигуры зарождавшейся новой народной школы — и определение его социального статуса. Как отмечалось в периодической печати того времени, правовое положение учительства находилось в зависимости не только от каждого члена училищного совета или чиновника дирекции народных училищ, но и от сельского старосты, писаря, урядника и даже корчемника. Список дополняли местный батюшка, волостные и земские управы. Из-за тяжелого в физическом и моральном отношении труда, который мог обеспечить только минимальные потребности, многие учителя не выдерживали продолжительных сроков службы и искали лучшие места.

Учитель В. Острогорский трудился около 30 лет на поприще официальной педагогической службы в качестве учителя словесности, «перевидал много и веяний, и событий, и лиц учащихся, и учащихся, и начальства, и подчиненных... перемен и программ, и направлений, и плодов всех этих преобразований на практике, на учащейся молодежи и на самих преподавателях». В своих воспоминаниях он характеризовал преподавательский состав типичной гимназии середины XIX века как глазами ученика (будущего учителя), так и глазами педагога в основном как «убогий», «невежественный», «солдатообразный». В. Острогорский достаточно подробно описал учебный процесс в средней школе и качество преподавания, отмечая, что практически все предметы были «поставлены печально», в том числе «убита совершенно в гимназии и история, особенно всеобщая, преподававшаяся по безобразнейшему, общепринятому тогда учебнику, сначала высокопарного Смараглова, а потом Зуева... История русская, проходившаяся по краткому учебнику Устрялова, носила густую патриотическую окраску и выучивалась чуть не наизусть». Только последний год своего пребывания в гимназии (1857—1858) он вспоминал с удовольствием: «...всеобщее пробуждение России к новой жизни. Подуло свежим воздухом и на нашу гимназию. Поступило несколько молодых преподавателей, заговоривших совсем новым языком, даже старые как-то подтянулись и стали менее педантичны и придиричивы»³.

Аналогично бывший учитель А. Б. Петрищев в своих «записках» искренне критиковал существовавшую в то время в России систему подготовки учительских кадров. Он отмечал, что в пореформенный период всё настойчивее «стучались в институтские двери» дети крестьян, которые окончили двухклассные министерские училища. Отсюда «наиболее даровитые и упорные в поисках света» попадали в учительскую семинарию. Из семинарии самые способные, прослужив обязательные 4 года народным учителем, поступали в институт. Таким образом, отмечает автор, крестьянский сын, чтобы добиться свидетельства на звание учителя городского училища, тратит 3 года в институте, 4 — обязательной службы за стипендию в семинарии, 3 — в семинарии, около 6 лет — в начальной школе. Итого 16 лет. Путь трудный и утомительный, но вряд ли он окупаются достигнутыми результа-

тами: «...институт не дает прав среднего образования: науки в нем меньше, чем в гимназии; иностранных языков... вовсе нет. Овчинка явно не стоит выделки». Хотя, как отмечает педагог, «все мы поголовно принесли в институт неимоверную жажду учиться». Часто учителя, столкнувшись с тяжелыми реалиями бытия, «с общеизвестною охотою бросают начатую из любви к делу службу». А. Б. Петрищев откровенно признается, что иногда во время уроков русской литературы ловил себя на мыслях, совершенно непозволительных: «...когда ученик читает какой-либо отрывок, я начинаю соображать, на сколько хватит тех дров, которые вчера куплены, или как надо распределить жалование, чтобы осталось на башмаки жене»⁴.

В своих воспоминаниях учитель Н. Белозерский, опираясь на собственный опыт, подтверждал выводы предыдущих авторов о необходимости реформирования среднего образования: «Всё было безжизненно и мертво в этой системе, покоившейся не на любви и доверии, а на сухом бумажном формализме, от соприкосновения с которым все живое тотчас же сохло и замирало». Он отмечал, что она была по-своему стройная и строго выдержанная, и тысячи глаз зорко охраняли ее от любого покушения. Регламентация всего, что только входило в круг гимназического преподавания, была «доведена до предела, дальше которого идти уже некуда». Н. Белозерский делает вывод: «При таких условиях живое дело преподавания часто обращается в отбывание учительской повинности, сухое чиновничье, не согретое ни любовью, ни теплотой чувства. Всё, что есть в педагогической среде независимого и оригинального, чуткого и отзывчивого на веяния времени, на запросы детской души, всё это буквально задыхается в тяжелой атмосфере канцеляризма и казенщины». Поэтому более сильные духом, не выдержав такой атмосферы, бросали учительское поприще и бежали от него «во все стороны: в журналистику, на частную службу...». Оставались только те, кто, по наблюдению Н. Белозерского, не сумел приспособиться к такой обстановке или «кому уже решительно некуда деться на белом свете». А личность учителя «не только не защищена юридически, но и совершенно обезличена нравственно», постоянно регламентируется, поэтому его роль «сводится почти исключительно к точному и беспрекословному исполнению циркуляров, предписаний

и всякого рода программ». Интересно описывает бывший педагог и отношения инспектора с учителями-сослуживцами, которые характеризует как «натянутые и мало искренние». Объяснялось это тем, что каждый «выслужившийся» до инспекторской должности преподаватель считал себя, как чиновник, чином выше остальных, и поэтому «неохотно смешивался с той самой средой, из которой только что вышел». В частной жизни они держались несколько особняком от рядовой «учительской братии» и заводили знакомство только с директором, законоучителем, иногда с кем-нибудь из «заслуженных» преподавателей. Это мелкое чванство и высокомерие «обращалось прямо в ущерб интересам воспитания»⁵.

В XVIII и первой половине XIX века педагогическая деятельность женщин Российской империи ограничивалась только службой в качестве домашних учительниц. Лишь с 1870-х годов в сельских школах впервые появились женщины-педагоги. Их подготовка велась в мариинских гимназиях, в специально организованных при гимназиях восьмых педагогических классах, седьмых педагогических классах епархиальных училищ, позже в женских учительских семинариях. Следует отметить, что многие учительницы со средним образованием всю жизнь прожили в городе, поэтому незнание быта деревни, идеализация жизни и работы в сельской школе часто приводили к страданиям и мучительным переживаниям. Никого не могут оставить равнодушным чувства некой «учащей» В. К., пожелавшей остаться неизвестной, которая работала в одной из сельских школ Витебской губернии. Она вела дневник под названием «Тяжелая доля». Отрывки из него были опубликованы в 1903 году. Следует отметить, что дневники, которые в этот период получили большое распространение, отличаются повышенным вниманием к чувствам самого автора. Они писались по свежим следам, ежедневно или периодически, причем в обязательном порядке помечалась дата записанного события, что, несомненно, делает их ценным историческим источником. Так, 4 сентября 1879 года «убитая горем» учительница В. К. отмечала, что совсем не ожидала назначения «в такую глушь», где ее школа, словно «старый и отрепанный непогодой стог сена», имела самый жалкий вид: «Соломенная крыша по местам прогнила, колонны, поддерживающие крыльцо, пошатнулись и грозят ежеминутно падением. Везде сырость, ветхость, по углам

грибы и плесень, пол со щелями. Зимних рам нет, а летние ветки. Училище состояло из трех комнат: класса, столовой учеников и квартиры учителя — узенькой в одно окно комнаты, в которой практически не было мебели, кроме кровати и дивана (грубой работы из ольхи)». Учительница жаловалась: «Запах гнили, холод, полумрак комнаты давили невыносимо. Ведь тут от тоски умрешь: ни книг, ни соседства, где можно было бы отдохнуть душой». Она с ужасом задается вопросом: «Неужели в этой полуразвалине, в соседстве с болотом и, может быть, кулаком-писарем, придется долго жить и трудиться. Тяжело, грустно»⁶.

Категория сельских учителей среди всей педагогической интеллигенции выделялась своей бедностью и необеспеченностью в жизни. Главным критерием материального достатка была заработная плата, которую учителя получали из волостных правлений. Ежегодно, в конце старого или начале нового года крестьяне собирались на раскладочное собрание, где определялись размеры общественных средств, в том числе и на училище. Вышеупомянутая В. К. очень расстроилась — ведь в следующем 1880 году, по решению крестьян от 27 ноября, придется довольствоваться только скудным «жалованьем» в 12 руб. 50 коп. в месяц. Свои чувства она описывает следующим образом: «...я дрожала, как в лихорадке», «от сильного волнения у меня спирало дыхание и я долго не могла ничего сказать. Наконец, немного успокоившись, я спросила дрожащим голосом: “За что, братцы, вы меня так обижаете? Ведь мой предместник получал хлеб. Я, кажется, ничего худого вам не сделала”. Крестьяне очень просто могли отменить “ссыпку”, ибо, как они объясняли, “годы худые, хлеб дорог... самим нечего есть, а тут и тому дай, и другому дай, не в силах мы”». На страницах дневника также можно прочесть откровенные признания о первых победах и неудачах на педагогическом поприще, о взаимоотношениях с детьми и их родителями, с проверяющим училище инспектором и др. В. К. честно признается, что она «учила, как умела, и совесть моя в этом отношении спокойна». Девушка, безусловно, нуждалась в понимании и поддержке, часто вспоминала своих родителей: «Милые папочка, мамочка и все мои дорогие, милые, чувствуете ли вы, что мне приходится переносить? Боже, научи, что делать»⁷. Материальная бедность, юридическая незащищенность и одиночество отража-

лись не только на здоровье учителей, но и приносили тяжелые моральные переживания. Это четко подметили исследователи истории народного образования, что уже успели посчитать средний размер заработной платы, количество холодных и неуютных квартир учителей, которые жили и работали в конце XIX — начале XX века, составлены и другие данные. «Но кто сосчитает все горькие моменты, пережитые учителями в глуши и одиночестве? Кто подведет итог всем унижениям, которые выпали на судьбу учителя?» Их, естественно, не может отразить ни одна статистика, ибо никакое исследование в этом случае применить невозможно⁸.

Иногда в мелких штрихах, случайно оброненной фразе или отдельной строчке источника личного происхождения объясняется то, что остается иногда неясным или опущенным по определенным соображениям в официальных документах. В своих дневниках и мемуарах они смело рассуждали о волнующих проблемах, отвечали на собственные смысложизненные вопросы. Один из учителей — Дидо писал, что его коллега — учитель церковно-приходской школы Алексеев, получая «жалование кучеров захолустных городов — 60 руб. в год», чтобы не умереть с женой с голоду, собирал в лесу на продажу малину, помогал крестьянам в полевых работах (не безвозмездно, конечно). Педагог сравнивает школу с «мастерской, в которой орудия труда не выдаются на руки», поэтому «на счету каждое перышко и каждый клочок бумаги», поэтому «разбавляют чернила водой до тех пор, пока они не сделаются бесцветной жидкостью... я лично приобретал учебные принадлежности на свои деньги и раздавал их первое время бесплатно всем своим ученикам» несмотря на то, что личный бюджет был очень скудным. Поэтому «недоедание — доля сельского учителя, как и доля среды, где он работает — русского народа. Я не свожу всего к хлебу единому, но и не умаляю его роли в жизни». В «Заметках и наблюдениях» Дидо также останавливается на проблемах воспитания и отмечает, что в изданных инструкциях и циркулярах руководства округов вменялось в обязанность представителям сельских школ гуманное отношение к детям под страхом увольнения от должности за неисполнение предписания. Сам учитель был уверен, что «путем розог и колодушек» нельзя развить в своем питомце чувство долга и уважения

к собственной личности, ибо «телесное наказание растлевает человека». Вышеупомянутый учитель Алексеев «в деле воспитания держался домостроевских принципов, которыми проникнута огромная часть нашего крестьянства. Мужикам он нравился, и они одобряли его педагогические приемы». Параллельно, пишет Дидо, «некоторые отцы жаловались на меня же самого, что я распустил их сыновей, которые не стали поддаваться им, убежали, когда они хотели их побить». И как результат — запечатлевшийся образ учителя, «проповедующего» любовь и деликатность, и остаток сурового варварства, своего рода «норма римского строгого права — неумолимая розга»⁹.

Но встречались и такие учителя, которые зарабатывали на жизнь «весьма недостойным способом». В своих воспоминаниях учитель Е. В. Белявский приводит в качестве примера деятельность Шейна, преподавателя русского языка. В современной научной и учебной литературе он представлен лишь как известный собиратель великорусских и белорусских песен. Но, как оказалось, коллеги в его личности увидели и другую сторону. Шейн работал во второй половине XIX века сначала в низших, потом в средних учебных заведениях европейской части России и «везде замечал в учителях и начальстве вольномыслие, разврат и пьянство», считая своим долгом доносить об этом высшему начальству. Несомненно, что это было откровенной ложью. Как отмечает автор, «после этого ему не возможно стало выйти на улицу, ему казалось, что его хотели бить, особенно ученики». Дошло до того, что ночью был подожжен дом, в котором жил Шейн. Губернатор и предводитель дворянства, минуя попечителя, обратился к министру народного просвещения с просьбой об удалении из гимназии и из г. Калуги не директора и учителей, а именно его — Шейна. Е. В. Белявский считает это решение совершенно правильным и подчеркивает, что «о педагоге есть самое правильное и самое беспристрастное мнение — это мнение самих учеников. Ученики разносят славу о педагоге по семьям своим и, значит, по всему городу. С этим общественным мнением нельзя не считаться начальству, и выжить из гимназии любимого учениками учителя не совсем-то легко, по крайней мере, не совсем удобно»¹⁰.

В истории есть отдельные проблемы, изучение которых невозможно без привлечения фактического материала воспомина-

ний, дневников и писем. Так, опираясь на свой личный опыт, неизвестная учительница В., которая работала в одной из школ Виленского учебного округа, затрагивает достаточно болезненную тему — отношение крестьян к обучению и личности женщины-педагога. Дело в том, что крестьяне долгое время не понимали необходимости образования, считали его лишним и даже вредным. Особая неприязнь появлялась к учению, если в сельскую школу присылали учительницу. В письме с горечью сообщается, что в деревне «женщину и за человека не считают, с недоверием относятся к ее знаниям и деятельности»: «Где это бабе справиться с таким делом. Она и ребят не бьет — распустила. Или это свет на клин сошелся, или людей нет, что нам прислали наставницу, а не учителя». Понятно, что видя такое отношение взрослых, как отмечает учительница, дети подражают старшим и ее «испытывают на терпение». В данном случае приходилось потратить много сил, чтобы нормально организовать учебно-воспитательный процесс, «подчинить своему авторитету детей» и услышать от их родителей снисходительное: «...учительницы тоже бывают не хуже учителя». Но такой лестный отзыв, как отмечает автор письма, достаточно большая редкость¹¹.

Бывшая сельская учительница Н. Д. Кившенко также вспоминает, что в первые годы преподавательской деятельности она была очень «удрючена» и расстроена, не знала, как «скорей сойтись с крестьянами и искала предлога проникнуть к ним, войти в их жизнь, но потерпела полное фиаско, так как с их стороны не было того же желания, и они смотрели на меня, как на барышню, которая, по их предположению, непременно должна гнушаться ими и может учить их ребят потому только, что ей дают гроши за это». В новой же школе ситуация изменилась в лучшую сторону. Учительница не скрывает своей радости: «Здесь же они сами идут ко мне. Стараются познакомиться со мной и ищут предлога придти ко мне, и поэтому наше сближение идет быстрыми шагами». Учительница отмечает, что крестьяне делают «приношения»: это могли быть яйца, баранина, куры и т. д. Взамен она со своей стороны старалась подарить им какие-нибудь вещи: «письменные принадлежности, клочки материи». В ее учительской квартире всегда собиралось много народа. Крестьяне приходили в училище не только за советом или на «народные чтения», но и

чтобы услышать волшебные звуки пианино (в дневнике часто встречаются записи: «по просьбе всех я сегодня играла песни»). «Школа моя растет, — писала Н. Д. Кившенко. — Она может вместить 35 человек, а в нынешний год у меня их 52, и поэтому приходится класс делить — одних до обеда, а других после обеда учить», тем самым в два раза увеличивая для себя учебную нагрузку без увеличения зарплаты. В конце своих записей она отмечает, что, несмотря на все объективные трудности, целью ее жизни всегда было «искреннее желание делать добро и насколько можно больше быть полезной окружающим меня людям»¹².

Бывшая учительница А. А. Штевен, высокообразованная городская жительница, спустя некоторое время в своих записках с ужасом вспоминала сельский скудный образ жизни, те корки хлеба, которые ее ученики называли обедом, «болезнь и смерть при такой обстановке, что и забыть невозможно». Она писала, что в профессии учителя «неизбежны разочарования... знаю, что на большинство людей среда всегда будет влиять сильнее, нежели школа; я думаю, что значение школы — в даваемом ею развитии, которое поможет народу изменить условия своего быта и тогда уже избавиться от своих пороков»¹³. Ее слова звучали пророчеством.

Таким образом, являясь одним из ценных источников для изучения повседневности, мемуарные произведения помогают проникнуть в социально-психологическую атмосферу эпохи. В источниках личного происхождения «перед нами встает фигура автора со всеми его интересами, чувствами как бы живущего человека, перед нами проходят чередой живые сцены, часто трогательные своею простотою и наивностью, часто блещущие юмором, то печальные, иногда позорные — и всегда высоко интересные, как сама жизнь, как полное отражение умственной и нравственной жизни живого человека»¹⁴. Сама личность рассматривается как отражение «истории в человеке». Авторский субъективизм, в данном случае учительства, к которому до недавнего времени исследователи-историки относились настороженно и весьма скептически, теперь осознается и воспринимается как способ более разностороннего и правдивого осмысления исторической действительности.

Примечания

- ¹ *Гуревич А. Я.* Социальная психология и история : источниковедческий аспект // Источниковедение : теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 384.
- ² *Кардин В.* Сегодня о вчерашнем : мемуары и современность. М., 1961. С. 13.
- ³ *Острогорский В.* Из истории моего учительства : как я сделался учителем (1851—1864 гг.). 2-е изд. СПб., 1914. С. 1, 11, 19.
- ⁴ *Петрищев А. Б.* Заметки учителя. СПб., 1905. С. 6, 10, 195.
- ⁵ *Белозерский Н.* Заметки учителя. СПб., 1905. С. 6, 18, 23.
- ⁶ *В. К.* Тяжелая доля : отрывки из «Дневника» учительницы (работавшей в Белоруссии). Витебск, 1903. С. 7.
- ⁷ Там же. С. 22, 32.
- ⁸ *Тулунов Н.* Первый Всероссийский съезд обществ вспомоществования лицам учительского звания. М. ; Л., 1930. С. 12.
- ⁹ *Дидо.* Заметки и наблюдения : (из заметок бывшего сельского учителя). СПб., 1902. С. 27, 30, 43.
- ¹⁰ *Белявский Е. В.* Педагогические воспоминания. М., 1905. С. 65, 233.
- ¹¹ Из школьной жизни : письмо учительницы // Народное образование в Виленском учебном округе. 1908. № 4. С. 178.
- ¹² *Кившенко Н. Д.* Дневник сельской учительницы. СПб., 1887. С. 27, 91, 95, 106, 162.
- ¹³ *Штевен А. А.* Из записок сельской учительницы. СПб., 1895. С. 10.
- ¹⁴ *Чечулин Н. Д.* Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. СПб., 1891. С. 11.

АННОТАЦИИ

Захаров Е. С. Отношение представителей научно-технической интеллигенции к Советской власти в 1920—30-е годы

Ключевые понятия: научно-техническая интеллигенция, власть «нового века», общественный прогресс, «фокус-группа».

Рассматривается проблема взаимодействия дореволюционной научно-технической интеллигенции с Советской властью в 1920—30-е гг. Отмечается эволюция взглядов на революционный процесс и возможности сотрудничества с новой властью выдающихся представителей научно-технической интеллигенции — М. А. Бонч-Бруевича, В. П. Горячкина, В. Е. Грум-Гржимайло, П. И. Пальчинского, А. Н. Туполева, В. Г. Шухова. Выделяются общие принципы, определявшие отношение научно-технической интеллигенции к новой власти, и факторы, влиявшие на поляризацию мнений относительно возможностей развития науки в тех границах, которые власть ей обозначала.

Комиссаров В. В. Дискуссии о проблемах отечественной кинофантастики в среде советской интеллигенции 1960—80-х годов

Ключевые понятия: советская интеллигенция, научная фантастика, научно-фантастический кинематограф, кинокритика, публицистика, периодика.

Рассматриваются особенности дискуссий о проблемах кинофантастики, формулируются основные подходы и точки зрения, определяются круг участников.

Будник Г. А. Формирование интеллигенции в высшей школе Центрального района России в 1970—1985 годы

Ключевые понятия: СССР, научно-педагогические работники, студенты, советская интеллигенция, высшее образование, формирование интеллигенции, исторический опыт.

Изучаются особенности учебной и воспитательной деятельности преподавателей высших учебных заведений Центрального района России в 1970—1985 гг. На основе архивного материала анализируются формы и методы организации образовательного процесса. Рассматривается проблема возможности формирования у студентов интеллектуально-духовных качеств интеллигенции. Опыт работы научно-педагогической интеллигенции 1970—1985 гг. оценивается в контексте модернизации современной высшей школы.

Чугунов М. В. Истоки политики финского реваншизма в контексте социально-политической ситуации в Финляндии между Зимней войной и Войной-продолжением (1940—1941 гг.)

Ключевые понятия: Зимняя война, Война-продолжение, реваншистские настроения, политика реваншизма, восточная политика Финляндии.

Рассматривается положение в Финляндии межвоенного периода: общественные настроения, царившие в стране, и их влияние на формирование политики финского реваншизма.

Аронина Н. В. Российская творческая интеллигенция в эмиграции: художники и архитекторы в Тунисе в XX веке

Ключевые понятия: художники, архитекторы, эмиграция, Тунис, адаптация.

Освещаются особенности адаптации российской творческой интеллигенции, оказавшейся в эмиграции в Тунисе в период с 1914 по 70-е годы XX века.

Матвиевский И. Н. Общественно-политическая деятельность либеральной интеллигенции в провинции в годы Первой мировой войны (на материалах Костромской губернии)

Ключевые понятия: либеральная интеллигенция, Костромская губерния, Первая мировая война, земства, общественные организации, кооперативное движение, конституционно-демократическая партия.

Рассматриваются многообразные аспекты общественной и политической деятельности либеральной интеллигенции в российской провинции в годы Первой мировой войны. Исследуется такая малоизученная тема, как вклад провинциальной либеральной интеллигенции в создание и работу общественных организаций, занимающихся помощью фронту и гражданскому населению.

Чугунов М. В. Влияние особенностей общественно-политической жизни Финляндии в 30-х — первой половине 40-х годов на советско-финские отношения

Ключевые понятия: идеологическая борьба, народный фронт, «романтическая антибуржуазность», русофобия, антисоветская пропаганда.

Предпринята попытка проанализировать черты, характерные для общественно-политической жизни Финляндии 30-х — первой половины 40-х гг., и определить их влияние на советско-финские отношения в указанный период.

Лысенков А. В. Внешняя политика Украины в восприятии украинской интеллигенции в первом десятилетии XXI века

Ключевые понятия: Украина, интеллигенция, внешняя политика, интеллектуалы.

Анализируется проблема коллективного обсуждения украинской интеллигенцией вопросов внешней политики Украины в годы независимости этого государства, прежде всего при президенте В. Ющенко. Выявляются и исследуются ведущие течения в среде украинских интеллектуалов в связи с их внешнеполитическими пристрастиями, а также характер влияния их дебатов на реализацию внешней политики Украины.

Сибиряков И. В. Феномен «Intelligentia.ru»

Ключевые понятия: интеллигенция, интеллигентность, интернет, самоидентификация.

Анализируются основные разделы интернет-ресурса «Intelligentia.ru. Энциклопедия интеллигентизации отношений». Рассматриваются первые результаты активного использования новых информационных технологий отдельными представителями современной российской интеллигенции, моделируются некоторые последствия дальнейшего развития таких технологий для российской интеллигенции.

Кокшаров А. В. Программы адаптации врачей-специалистов в учреждениях здравоохранения

Ключевые понятия: профессиональная адаптация, учреждение здравоохранения, врач-специалист, профессиональное выгорание, наставничество.

Выявляются наиболее значимые проблемы сохранения кадров медицинского персонала, связанные со слабой степенью адаптивности новых работников к сложившейся культуре учреждений здравоохранения.

Представлена единая программа закрепления старшего медицинского персонала, которую можно и следует применять только с проработкой и использованием особенностей той или иной медицинской организации.

Золотарёв В. П. Русский интеллигент Т. И. Поподько (1897—1985)

Ключевые понятия: русский интеллигент, законченное народо-властие, народное просвещение, высшее педагогическое образование, Липецкий педагогический институт, базовая школа.

На основе многочисленных и оригинальных источников впервые реконструируется жизнь и многообразная деятельность одного из видных представителей народного образования России — Трофима Ильича Поподько, который в 1944—1954 гг. возглавлял Елецкий педагогический институт, а с 1954 г. стал первым директором Липецкого государственного педагогического института.

Рычкова М. В. «Интеллигенция — понятие русское» (Ректор Московского университета А. А. Логунов)

Ключевые понятия: А. А. Логунов, ученый-физик, управленческая деятельность, фундаментальная наука, депутат Верховного Совета СССР, Московский университет, научная интеллигенция, нравственность, честь, идеал.

Статья об ученом — физике с мировым именем, работавшем в разное время во многих значимых научных центрах страны. Занимая ответственные посты, А. А. Логунов внес весомый вклад в развитие науки и высшего образования. Как представитель русской научной интеллигенции, он размышляет о ее роли, традициях и перспективах.

Зябликов А. В. Проблема политического самопознания художественной интеллигенции в дореволюционной историографии

Ключевые понятия: политика, культура, монархия, либерализм, консерватизм, интеллигенция, миросозерцание художника.

Рассматриваются подходы к проблеме политического самопознания художественной интеллигенции, предложенные публицистами и мыслителями начала XX в., представляющими различные направления общественной мысли. Сквозными для всех авторов являются мотивы персональной ответственности художника за происходящие в обществе процессы, размышления об удельном весе общественного в искусстве, о степени взаимовлияния культуры и политики.

Порозов В. А. «Интеллигенция как класс управляющих» или о двух крайностях российского интеллигентоведения

Ключевые понятия: интеллигенция, интеллектуалы, методология, класс управляющих, оценочно-этический подход, профессионально-социологический подход.

Анализируются некоторые существующие определения интеллигенции, в частности оценочно-этические, профессионально-социологические, и функциональные критерии данной дефиниции. Работа полемична, публицистична, построена на широком круге источников и литературы.

Острога В. М. Документы личного происхождения как источники изучения истории учительской интеллигенции Российской империи во второй половине XIX — начале XX века

Ключевые понятия: интеллигенция, источники личного происхождения, дневники, мемуары, воспоминания.

Определяется роль источников личного происхождения в изучении истории учительской интеллигенции России. Несмотря на субъективизм, они помогают проникнуть в атмосферу эпохи, в искренней и доверительной форме раскрыть внутренний мир городских и сельских учителей, их настроения, чувства, переживания, отношение к окружающей действительности. На примерах анализа дневников, воспоминаний и мемуаров обозначается ценность субъективного начала для изучения истории повседневности российского общества.

Zakharov E. S. The attitude of scientific and technical intelligentsia to the Soviet power in the 1920—30-s

Key notions: scientific and technical intelligentsia, authorities of the «new century», public progress, «focus group».

The interaction between Russian scientific and technical intelligentsia and the Soviet power in the 1920—30-s is considered. The author analyzes the evolution of outstanding scientific and technical intelligentsia (M. A. Bonch-Bruevich, V. P. Goryachkin, A. N. Tupolev, V. G. Shukhov, V. E. Grum-Grzhimaylo, P. I. Palchinski) views on the revolutionary process and their possibilities to cooperate with the new authorities. The article stresses the general principles which defined the scientific and technical intelligentsia attitude to the new authorities, and the factors which caused the polarization of opinions on possibility of science development in the limits determined by the Soviet power.

Komissarov V. V. Discussions on problems of the USSR science fiction cinema among the Soviet intelligentsia of the 1960—80-s

Key notions: Soviet intelligentsia, science fiction, science fiction cinema, film critic, journalism, periodical press.

Discussions among the Soviet intelligentsia of the 1960—80-s on the problems of the USSR science fiction cinema are considered. The main approaches and viewpoints are formulated and the circle of participants is defined.

Budnik G. A. Formation of intelligentsia at higher school in the Central region of Russia in 1970—1985

Key notions: USSR, scientific and pedagogical staff, students, Soviet intelligentsia, higher education, formation of intelligentsia, historical experience.

The specifics of educational and pedagogical activities of the higher education institutions' teachers in the Central region of Russia in 1970—1985 are studied. The forms and methods of the organization of educational process are analyzed on the archival material basis. The problem of possibility to create intellectual and spiritual qualities of intelligentsia is considered. The experience of the scientific and pedagogical intelligentsia activities in 1970—1985 is estimated in the context of modernization of the contemporary higher school.

Chugunov M. V. Sources of Finnish revanchist policy in the context of social and political situation in Finland between the Winter war and continuation of war (1940—1941)

Key-notions: Winter war, War continuation, revanchist moods, policy of revanchism, east policy of Finland.

The article considers the situation in Finland (1940—1941), public views dominating in the country and their influence on the formation of the Finnish revanchism policy.

Aronina N. V. Russian creative intelligentsia in emigration: artists and architects in Tunisia in the XX century

Key-notions: artists, architects, emigration, Tunisia, adaptation.

The article is devoted to features of adaptation of the Russian creative intelligentsia (artists and architects) in Tunisia emigration from 1914 to the 1970-s of the XX century.

Matviyevsky I. N. Social and political activity of provincial liberal intelligentsia during the First world war (with regard to the Kostroma province)

Key-notions: liberal intelligentsia, Kostroma province, World War I, zemstvoes, public organizations, cooperative movement, constitutional democratic party.

Diverse aspects of public and political work of the liberal intelligentsia in the Russian province during the First world war are considered. An understudied subject of the provincial liberal intelligentsia contribution

to creation and activities of public organizations engaged in the help to the front and the civilian population is investigated.

Chugunov M. V. Influence of political life specifics in Finland in the 1930-s — the first half of the 1940-s on the Soviet-Finnish relations

Key notions: ideological conflict, people's front, «romantic anti-bourgeoisness», russophobia, anti-Soviet propaganda.

The article makes an attempt to analyze the features, typical for social and political life of Finland of the 1930-s — the first half of the 1940-s, and to define their influence on the Soviet-Finnish relations during the specified period.

Lysenkov A. V. Foreign policy of Ukraine in perception of the Ukrainian intelligentsia in the first decade of the XXI century

Key notions: Ukraine, intelligentsia, foreign policy, intellectuals.

The discussion among the Ukrainian intelligentsia on the foreign policy of the independent state in the first decade of the XXI century, first of all during president V. Yushchenko's mandate is considered. The author reveals and studies leading opinions among the Ukrainian intellectuals in connection with their attitudes towards foreign policy, and character of these debates influence on realization of foreign policy of Ukraine.

Sibiriyakov I. V. Phenomenon of «Intelligentia.ru»

Key notions: intelligentsia, intelligence, Internet, self-identification.

The article analyzes the main sections of an Internet resource «Intelligentia.ru. Encyclopedia of an intelligentization of the relations». The first results of the new information technologies application by some representatives of the contemporary Russian intelligentsia are considered. Some consequences of further development of such technologies for the Russian intelligentsia are modeled.

Koksharov A. V. Programs of adaptation of doctors-specialists in healthcare institutions

Key notions: professional adaptation, healthcare institution, doctorsspecialist, professional burning out, tutorship.

The most significant problems of preservation of the medical staff connected with low degree of the adaptabilities of new workers to the developed culture of healthcare institutions are revealed. The uniform program of the senior medical personnel fixing is offered. It is possible and necessary to apply only after analysis and according to the specifics of an insitution.

Zolotaryov V. P. Russian intelligent T. I. Popodko (1897—1985)

Key notions: The Russian intellectual, the honest educated intelligentsia, the finished democracy, the national education, the higher pedagogical education, Lipetsk teacher training college, basic school.

On the basis of numerous and original sources for the first time the life and diverse activity of one of eminent persons of people education of Russia — Trophim Ilyich Popodko is reconstructed. In 1944—1954 he headed Yelets teacher training institute, and since 1954 became the first director of Lipetsk state teacher training institute.

Rychkova M. V. «Intelligentsia is a Russian concept» (Rector of Moscow University A. A. Logunov)

Key-notions: A. A. Logunov, scientist-physicist, administrative activity, fundamental science, deputy of the Supreme Council of the USSR, Moscow University, scientific intelligentsia, moral, honor, ideal.

The article is devoted to the world-known scientist-physicist, who worked in many significant Russian scientific centers. Holding first-rank administrative and academic positions A. A. Logunov belonged to the Russian scientific intelligentsia. In the published text he reflects on its role, traditions and perspectives.

Zyablikov A. V. The problem of political self-investigation of the artistic intelligentsia in the pre-revolutionary historiography

Key notions: policy, culture, monarchy, liberalism, conservatism, intelligentsia, world view of the artist.

The approaches to the problem of political self-investigation of the artistic intelligentsia, offered by publicists and thinkers in the beginning of the XX century, representing the various directions of public thought, are considered. For all authors the motives of personal responsibility of the artist for processes occurring in society, reflections on specific public role in art, on the extent of interference between culture and politics are prevailing.

Porozov V. A. Intelligentsia as a class of managers or the two extremes of the Russian intelligentsia studies

Key notions: intelligentsia, intellectuals, methodology, class of managers, evaluation and ethical approach, professional and sociological approach.

The author discusses some existing definitions of intelligentsia, analyzes evaluation and ethical approach, professional, sociological and func-

tional criteria of these definitions. His polemical and publicist text is based upon wide range of sources and literature.

Ostroga V. M. Personal documents as sources for studying history of the teachers' intelligentsia in the Russian Empire in the second half of the XIX — the beginning of the XX century

Key-notions: intelligentsia, sources of a personal origin, diaries, memoirs.

The article defines the role of personal sources for studying history of the teachers' intelligentsia of Russia in the second half of the XIX — the beginning of the XX century. Despite their subjectivity, they help to get into the atmosphere of the époque, to open in sincere and confidential form the inner world of city and rural teachers, their moods, feelings, experience, the attitude to surrounding reality. Owing to this fact, diaries and memoirs are valuable source for studying the history of daily routine of the Russian society.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий** (Щуров), архиепископ; **В. С. Волков**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **О. В. Золотарёв**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепропетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **Г. Н. Кочешков**, Ярославский государственный педагогический университет; **Д. А. Макеев**, Владимирский государственный университет; **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН (Москва); **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **С. Н. Полторацк**, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций; **Д. И. Польшвинный**, Ивановский государственный университет; **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **Е. М. Раскатова**, Ивановский государственный химико-технологический университет; **А. В. Репников**, Российский государственный архив социально-политической истории (Москва); **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **А. А. Соловьёв**, Костромской государственный технологический университет; **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amvrosiy** (Tshurov), archbishop; **V. S. Volkov**, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M. V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **G. N. Kocheshkov**, Yaroslavl State Pedagogical Institute; **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrashyova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **D. A. Makeev**, Vladimir State University; **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **S. N. Poltorak**, St. Petersburg State University of Telecommunications; **D. I. Polyvyanny**, Ivanovo State University; **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **E. M. Raskatova**, Ivanovo State University of Chemistry and Technology; **A. V. Repnikov**, Russian State Archive of Social and Political History; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **A. A. Solovyev**, Kostroma State Technological Institute; **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2013 № 4

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин, Т. Б. Земскова*

Подписано в печать 20.11.2013 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 10,7. Уч.-изд. л. 9,0. Тираж 300 экз.

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

